

Глава 1. ПЕРВЫЙ ШАГ

Ненавижу игрушки. С тех пор, как эйнеры захватили планету. Им все равно, чью шкуру на себя натянуть, в чье тело залезть, лишь бы не сгнило слишком быстро. Плюшевое зверье из синтетических тканей прекрасно для этого подходит: мишки, собачки, котики...

Каждый эйнер — лишь набор микросхем и сервоприводов, он легко умещается в мягкое, игрушечное тело. Впрочем, некоторым нравится выставлять напоказ голый металл, словно в загрохот человека-носителя вцепился маленький блестящий скелет. Но такие попадаются редко. Все-таки у эйнеров слабость к милым шкуркам.

Медвежонок с бежевым животом и коричневыми лапами, подаренный кем-то три года назад, на шестнадцатилетие, сидит теперь на моей спине, поверх энергоблока, похожего на горб. Вместо пуговок-глаз у него камеры.

— Идем к старой башне, — командует «мишка» голосом электронного помощника, украденного из операционной системы земных компьютеров. Рядом с башней у него торговая точка, одна из семи, которые он обходит каждый день. Он? Нет, я обхожу. Он сидит у меня на спине.

— Аккуратнее, Века. Здесь камни. Не вздумай упасть.

Века — это я. Вероника. У эйнеров короткие имена, поэтому наши они тоже сокращают. Моего зовут Рэк. Однажды проснувшись, я обнаружила, что больше не принадлежу сама себе, теперь он мой хозяин.

Мы идем по жилому району, построенному вокруг ретранслятора, взметнувшегося ввысь на десятки метров. Памятник утраченных возможностей человечества... Раньше его использовали для связи с Землей, но теперь это лишь «старая башня», ржавеющая конструкция, которая, обветшав, когда-нибудь рухнет под собственной тяжестью.

Дорогу я знаю хорошо, оступиться не боюсь. Есть возможность поглазеть по сторонам. Смотреть — все, что нам осталось. Мимо проходят другие носители с хозяевами на спинах: мужчины, женщины, даже старики и подростки. Порой замечаю свободных людей. Их я тихо презираю: они по собственной воле сотрудничают с интервентами.

Лавка номер четыре поставлена не в самом людном квартале, но вокруг нее в поисках легкого заработка всегда крутятся нищие, праздно шатающиеся и, конечно, покупатели. Эйнеры притащили на планету свою клиентуру: странных, причудливых тварей, большинство из которых я не нашла бы даже в энциклопедиях.

— Ему ничего не давай! — со злостью покрикивает Рэк на продавца, указывая моей рукой на жуткого типа, скалящегося на нас из под грязной накидки, — Это же таркианец! Недоумок, я давал тебе список, с кем нельзя торговать! Где он?

Молодой парень за прилавком суетливо ищет бумагу, достает ее с верхней полки, прикалывает на видное место. Он боится смотреть в глаза Рэку, но не потому, что тот ударит его. Как? Своими плюшевыми лапками? Моими? Еще до вторжения, когда только поступила в политех, я поставила вместо рук бионические манипуляторы. Надеюсь, что точные инструменты позволят лучше справляться с современной электроникой. Теперь я бесполезное существо, не способное к самозащите. Кто-то может похвастаться, что оказал сопротивление, прежде чем стал носителем. А что могла сделать я? Полкило — предельная нагрузка для этой модели манипуляторов. Нельзя даже ударить того, кто залезает тебе на плечи, подключается к имплантам, к человеческой нервной системе. Ничего я не могла сделать...

Напуганный продавец бросает на меня быстрый взгляд. Именно этого он боится: что его уволят, оседлают. Что он станет таким же, как я — ходишь только туда, куда прикажут, никакой личной жизни, тело не принадлежит самому себе. Дурак. Это не самое страшное. Я потеряла почти все, но хотя бы могу думать свободно. А он — торгаш, прислуживающий захватчикам — каждую секунду боится совершить оплошность, сделать что-то не так. У него нет времени и смелости на мысли свободного человека.

— Идем дальше, Века. На рынок.

Я послушно разворачиваюсь, начинаю долгий подъем в гору. Там, на вершине холма, раскинулся огромный базар. Вот где по-настоящему людное место! Если его можно так называть, ведь людей здесь отнюдь не большинство.

В глаза летит пыль, по улице раскидан мусор. Эйнерам плевать на чистоту городов, которых они не строили. Для них это временное прибежище — придет срок и они покинут планету, высосав из нее все соки. А сейчас помои медленно, но верно поглощают наши улицы. Я уже привыкла к смраду, не обращаю на него внимания.

Показались торговые ряды, нарастает шум голосов. Еще немного и подъем закончится. Скорее бы! Дыхание частое, капли пота стекают по спине, в ложбинку между мозолями от энергоблока. Молодой организм эксплуатируется на износ, а Рэк не обращает на это внимания: сдохну — возьмет себе другого человека, хотя бы того же парня из лавки номер четыре. А может и еще кого. Все зависит от имплантов. Чем их больше, тем легче подключиться к живому организму, управлять им. Мы надеялись себя усовершенствовать, сделать свои тела надежнее, эффективнее... Теперь это пригодились эйнерам.

Входим на территорию рынка. Светило нещадно палит, забравшись в зенит безоблачного голубого неба. Оно делает мою кожу все темнее и темнее от загара. Под ногами хрустят раскаленные камни и песок, они мешают твердо стоять на ногах. Ничего, справлюсь, не впервой. Надо идти ровно, держаться, пока есть силы. Одного падения будет достаточно, чтобы...

Я не стесняюсь толкать локтями других носителей, в толпе каждый сам за себя. С трудом отворачиваюсь от человека, заглатывающего еду, запивающего ее мутной водой. Надо потерпеть, мое время кормления еще не пришло. Надо отдать должное Рэку — он не покупает для меня гнилые отбросы. Видимо, хочет продлить срок эксплуатации. Оно и понятно, носитель я послушный, схватываю все на лету, опять же моими руками он может управлять, а то и мне доверять тонкую работу. Есть и другие причины: в развлечениях хозяев красивые юноши и девушки всегда в цене, но об этом я стараюсь не думать.

— Стой.

Останавливаюсь, хотя мы не дошли до цели.

— Жди, — он скидывает два кабеля, соединяющих мое тело с энергоблоком и его нейро, ловко спускается на землю.

Еще мгновение и Рэк скрывается в одном из торговых павильонов. Я растерянно оглядываюсь по сторонам. Не помню, когда последний раз была одна на улице, без присмотра, без управления. Мелькнула шальная мысль «сбежать!», но я тут же гоню ее прочь. Свой энергоблок любой хозяин отследит, а сбросить его у меня не получится — с таким же успехом можно пытаться отрезать конечность. Слишком тесная взаимосвязь, проникновение в организм.

С глупой улыбкой топчусь на месте, ожидая возвращения того, кто скажет, что можно идти дальше, выберет за меня направление. Странное чувство. Мимолетная, случайная, ложная свобода. Ничего не обещающая, лишь дразнящая и провоцирующая. Я опускаю голову, сажусь на землю, в тени, чуть в стороне от бесконечного потока продавцов и покупателей. Нужно заглушить это в себе — протест, рвущийся наружу. Сделать усилие, сжать зубы... И вот уже маленькое восстание подавлено. Сейчас не время. Может быть, позже. А может, никогда.

Он выходит через минуту. Вряд ли у меня был шанс далеко удрать, даже если бы я оказалась такой душой, что решилась на это.

— Ты знаешь, куда, — говорит Рэк, взобравшись на металлический горб.

Киваю и снова отправляюсь в путь, освобождая дорогу локтями. Базарный гомон закладывает уши. К нему можно привыкнуть, как и к любому окружению, образу жизни. Стараюсь идти зигзагами, от одного навеса к другому, чтобы не торчать на солнцепеке. Хозяину все равно, он не чувствителен к высоким или низким температурам. Может, другой приказал бы идти прямо, но мой благосклонен, замечаний не делает. И на том спасибо.

Вскоре добираемся до лавки номер один. Это я ее так называю. На самом деле строение напоминает торговый комплекс из нескольких корпусов разной этажности. Рэк — хозяин не из бедных.

Приседая, чтобы, не дай бог, не ударить его о притолоку, захожу внутрь. В холле будто разлили мрак, но это с непривычки, после яркого дневного света. Глаза быстро привыкают.

Тут же появляется помощник на своем носителе, услужливо приглашает хозяина за стол, где разложены пластиковые карточки с отчетами о сегодняшней торговле. Я знаю, что делать: сажусь на пол, переплетая ноги. Рэк оказывается на уровне столешницы. Скользит плюшевой лапой по карточкам, считывая данные.

Эйнеры не передают информацию дистанционно, не прокладывают кабели, не запускают спутники. Только личные встречи и физические накопители. Думаю, торговля среди звезд, граничащая с разбоем, научила их такой осторожности. А еще потому, что они быстро покидают разоренные, разграбленные планеты. В самом деле, зачем обустраиваться, если знаешь, что скоро улетишь?

Краем глаза замечаю среди карточек несколько красных. Мне это знать не положено, но когда месяц за месяцем делаешь одно и то же, наблюдаешь за работой хозяина, невольно примечаешь особенности ведения бизнеса. Красный — не полезные ископаемые, не вода и не предметы искусства. Красный — живой товар. Сегодня почему-то больше обычного. Удачный день для продавца, да и для покупателя тоже. И приговор для тех, чьи души стоят за красными кусками пластика.

Мы возвращаемся домой. Хозяин доволен, я чувствую это. В человеческой лавке он покупает мне бутылку чистой воды, два толстых куска хлеба из муки грубого помола и скрученное в рулеты, настоящее, не синтетическое, мясо. Происхождение мяса меня не волнует. Брезгливость была в первые месяцы пленения, а теперь не важно, теперь все равно. Рэк ждет несколько минут, пока я расправлюсь с едой. Идем дальше.

— Ты мне нравишься, Века.

Я не знаю — ужасаться или радоваться такой похвале. Осторожно отвечаю:

— Спасибо, хозяин Рэк.

Чувствую прикосновение мягкой лапы к своим волосам. Однажды я видела, как через ткань выползали тонкие металлические когти. От этой ласки хочется содрогнуться, но я сдерживаюсь.

— Впредь, если почувствуешь усталость, — продолжает он, — я разрешаю тебе остановиться и отдохнуть. Недолго.

Снова благодарю его. Излишняя благосклонность — тоже плохо. Чего доброго заберет с собой, когда будет улетать. Я бы предпочла остаться на планете, превращенной в пустыню, чем лететь куда-то с эйнерами.

Сейчас мой дом — бетонный гараж. Я часто проходила мимо него, когда училась в университете. Это более поздняя пристройка к особняку времен колонизации первой волны. Даже подумать не могла, что когда-нибудь с нетерпением буду ждать заката, чтобы уединиться за его стенами. Летом тут хорошо, а зимой холодновато.

Рэк отпускает меня. Он из тех редких хозяев, что любят создавать для себя дополнительные удобства. Вся старая мебель и техника вынесены из особняка, вместо них на заказ сделали новую, под рост и возможности эйлера. Другие хозяева о таком даже не задумываются, поэтому используют носителей почти круглосуточно. У меня же есть ночь, а иногда и вечер.

Сегодня в гараже неприятное соседство. Когда я вхожу — сразу вижу его. Испорченный носитель, молодой парень. Прижат к стене, смотрит в потолок остекленевшими глазами. Бывает, что хозяева заменяют людям мозг, ставят вместо него имплант управления. Так им удобнее. Но это не тот случай — уж я умею отличить! Парень хоть и жил под хозяином, но пользовался своим умом. Просто он испортился, не выдержал нагрузки. Кажется, я видела его раньше в доме, один или два раза. Не помню точно...

«Испортился». Ловлю себя на мысли, что даже думать стала, как эйнеры. Он погиб, а не испортился. Об этом забывать нельзя. Нужно аккуратно складывать на полочки памяти такие моменты, сохранять, беречь. Когда-нибудь пригодятся.

Я устраиваюсь в противоположном углу гаража, подальше от тела с остекленевшим взглядом. Надеюсь, завтра его уберут. Снимут энергоблок, остальное выкинут. Потому что если он пролежит тут еще день... Будет очень неприятно.

Хочу заснуть, не терять драгоценное время на бесполезные размышления. Но сон не идет. Что-то мешает, какая-то назойливая мысль, кружащаяся рядом, словно залетевший в комнату комар. Не могу ухватиться за нее, она постоянно ускользает. И вот уже когда дрема наваливается на меня тяжелым, душным мешком усталости, я вдруг подскакиваю на месте.

— Снимут энергоблок!

Металлический горб нужен только хозяину. Они без него никуда не ходят: тоже, видимо, результат печального опыта, накопленного за многие годы. Но меня интересует даже не сам энергоблок. Я подхожу к телу, осторожно, словно могу спугнуть его. Хотя больше пугаюсь сама, собственной смелости.

— Прости, друг, но я должна попробовать.

Нащупываю в основании шеи — там, где кабель, идущий от металлического горба, соединяется с человеческим телом — небольшую плоскую коробочку из углеродистого волокна. Вряд ли другие люди понимают, что с ней делать, зачем она нужна. Но я с такими штуковинами сталкивалась! Хозяин сам чинил два подобных устройства моими руками. Бионические манипуляторы способны на любую сложную операцию, с их помощью можно перемещать микроскопические детали на сотые доли миллиметра, точно устанавливая в нужное место.

Надавливаю на коробочку в правом верхнем углу. Ничего. Переворачиваю ее, пробую снова. Едва слышимый щелчок и вот уже монолитная конструкция поддается, открывая доступ к электронной начинке. Склоняюсь ниже, чтобы разглядеть устройство. Энергосберегающая лампочка, установленная еще до вторжения, дает достаточно света. Когда-нибудь она перегорит и вместо нее вряд ли вкрутят новую. Но сейчас — спасибо тому человеку, который по своей воле, своими руками, вкрутил в патрон маленькое солнце!

Я ищу нужную деталь — аварийный прерыватель. Собственно, электроника эйнеров не сильно отличается от нашей, специалисту разобраться не так уж и сложно. А я всегда была хорошим спецом, пусть и отучилась в политехе всего один курс.

Нашла. Эх, сейчас бы пинцет! Ногти давно не стрижены, но обломаны, с неровными краями. Сложно подцепить пластинку размером два на полтора миллиметра. Ничего, справлюсь. Одна рука держит коробочку, компенсируя случайные отклонения тела, другая медленно опускается, позволяя большому и указательному пальцам ухватить деталь, вытянуть ее наружу, не повредив.

Уф-ф! Сделано. Теперь спрятать. Здесь? Нет, лучше носить с собой. В гараже осталось много инструментов, коробок со всевозможным барахлом для ремонта машин. Нахожу то, что мне нужно, заматываю прерыватель, положенный между двух кусочков пластмассы, изоляцией. Не слишком сильно, чтобы легко можно было скрыть в одежде.

Закрываю коробочку, ставлю ее на место. Она не часть энергоблока, ее содержимое для каждого носителя настраивается индивидуально. Это значит, что ее не станут переносить другому и не заметят исчезновение детали. Дело за малым...

Я нащупываю такое же устройство в основании своей шеи. Если заменить настроенный под меня прерыватель на чужой, он просто не будет работать. В экстремальной ситуации эйнеры не смогут взять меня под контроль! Пусть не сейчас, но когда-нибудь, когда буду готова, я сделаю это.

Легкие пути к спасению бывают только в кино: нажать на главную кнопку — вот и все, справедливость восторжествовала, захватчики повержены! В реальной жизни иначе. Не знаю, получится ли у меня хоть что-то, хватит ли смелости, сил, знаний. Найду ли я единомышленников среди других людей, которые в нужный момент подставят плечо. Но первый шаг сделан. И теперь я уверена, что сделаю и второй, и третий! До тех пор, пока мы не перестанем быть игрушками в чужих руках.

Глава 2. БАХ!

Когда на подходе крупная партия живого товара, хозяева устраивают встречу. Собираются у одного из них дома, по пятнадцать, двадцать эйнеров. Нас, носителей, оставляют в подсобке или гараже, а то и просто на улице — бизнес они обсуждают без свидетелей. Такое бывает раз в полгода,

иногда чаще, иногда реже. Я ненавижу эти встречи. Не только потому, что после них сотни людей отправляются в рабство, навечно исчезая в черноте чужого космоса, но и потому, что ждать приходится в толпе, среди других носителей, многие из которых растеряли все человеческое.

Мы идем через центр города. Рэк сказал мне адрес и время, к которому мы должны быть на месте. Остальное — мои проблемы. Я сама решаю, как быстро нужно переставлять ноги, имею ли право на кратковременный отдых.

Осторожно поглядываю по сторонам, вспоминая, какими эти улицы были раньше. Сейчас сады вдоль бульвара заброшены: где-то они разрослись, выламывая заборы, а где-то засохли без должного ухода. Фасады домов с облупившейся краской, окна покрыты слоем пыли. Под ногами разбитый асфальт. И запах... Вездесущий, въедливый запах помоев!

Пересекаю городскую площадь. Здесь до сих пор видны воронки от взрывов: полиция и ополченцы в дни вторжения стояли до конца. Но силы, конечно, были не равны. Интересно, что там, ближе к Земле? Идет ли война? Все ли миры захвачены, как наш, или кто-то продолжает сражаться? Я трясусь головой, прогоняя бесполезные размышления, терзающие душу и сердце.

— С тобой все в порядке, Века? — спрашивает неживым голосом плюшевый медвежонок, сидящий на моей спине.

— Все хорошо, хозяин. Я в порядке.

Дура! Нельзя ему показывать, что ты о чем-то думаешь. Ни словом, ни жестом. Сжимаю зубы и иду дальше.

Вот и нужный адрес. Пришли с опережением в шесть минут. Захожу через проем в заборе, где когда-то была калитка. Это территория другого хозяина и я готова в любой момент остановиться: у каждого свои правила — кто-то не терпит чужих носителей, требует гостя спешиться еще до порога. Но двое свободных, стоящих в охране, нас пропускают. В стороне, у одной из хозяйственных построек, замечаю нескольких человек с таким же горбом энергоблока, как у меня. Пять... Семь... Всего девять носителей. Среди них три девушки. Это хорошо, внимание остальных не будет сосредоточено лишь на мне.

У входа в дом Рэк слезает, ловко цепляясь металлическими когтями за мою одежду. Уходит не оглядываясь. Один из охранников молча указывает мне на других людей и я послушно иду к ним. Сколько продлится встреча? Два часа? Три? Еды нам никто не даст, но хоть вода есть — мутный бочонок из голубого пластика, литров на пятнадцать. На треть он уже опустел, а к концу ожидания и вовсе обсохнет. Стоит выпить сейчас, сразу. Пока пью, замечаю знакомого парня: похоже, он единственный, кого я знаю.

— Привет.

Кивает мне в ответ головой. Даже если он не хочет разговаривать, ему придется. Я научилась чувствовать настроение толпы, звериные повадки человека, поэтому прекрасно понимаю, что могут сделать с одинокой, беззащитной девушкой. Защитник из парня аховый, но это лучше, чем ничего. Надо лишь обозначить, что я не одна, я с ним.

— Есть какие-нибудь новости?

Пожимает плечами.

— Откуда? Вселенная бросила нашу планету в черный ящик и захлопнула крышку. До нас никому нет дела.

— Брось, не стоит перегибать палку! Может, все еще изменится.

— Изменится? Как? — он разочарованно машет рукой.

Чуть в стороне громко разговаривают четверо мужчин. Толкают друг друга, улыбаются. Кажется, они не разочарованы той жизнью, которую им уготовила судьба. Словно в подтверждение моих мыслей один из них громко заявляет:

— А я жив и слава богу. Да, хозяин бывает грубоват, — мужчина проводит рукой по шее, на которой виднеются многочисленные порезы, — Но с нашим братом иначе нельзя, сами понимаете. Главное, чтобы голодным не оставили. А работу я не потеряю, силенок у меня еще ого-го!

— Какая же это работа, Гена? — со смехом встревает другой, — На работу по своей воле устраиваются!

Все четверо ржут в голос.

— Не скажи, брат! В прошлой жизни я ненавидел свою работу еще больше. Тут главное что? Иметь отдушину, возможность расслабиться. Когда хозяева нам не мешают, мы сами найдем себе развлечения! Правда? — он подмигивает женщине, которая не успела ни с кем сойтись, поэтому сидит одна, упираясь спиной в стенку из старых досок.

Он прав. Порой хозяева специально сгоняют носителей в группы, оставляют их наедине друг с другом. Не знаю, может, они и наблюдают за нами украдкой, с них станется. Драки, насилие — забавное зрелище для того, кто смотрит со стороны.

Женщина мрачнеет, опускает взгляд. Не проходит и пяти минут, как Гена хватается за руку, заставляя встать, тянет за сарай. Женщина не сопротивляется, понимая, что выйдет себе дороже. Трое оставшихся подбадривают приятеля, выкрикивают ему вслед скабрёзности. Каждый из них надеется стать следующим, но Гена не торопится и через несколько минут они уже начинают проявлять нетерпение.

— Прости, — мой собеседник тоже встает, собираясь отойти в сторону, — Сейчас они и за тебя возьмутся. Мне не нужны неприятности.

«Трусливый ублюдок!» Я стараюсь отодвинуться в тень, но это не спасает: трое подходят, окружая со всех сторон, заставляя вжиматься в стену. Не хочу мириться с этим, нужно дать отпор, хотя бы попытаться! Эх, если бы не слабые манипуляторы...

Тот, что напротив, хватается за горло, остальные держат за руки. Чувствую смрадное дыхание, прикосновения беззастенчивой пятерни, ощупывающей мое тело. Когда он чуть отстраняется, чтобы взглянуть на жертву, я уже готова ударить его коленом в пах.

— Эй, ты!

Появляется один из охранников, указывает на меня.

— Да, ты. Поди сюда.

Зло отталкиваю мужчин, иду к охраннику.

— Что? — спрашиваю осипшим голосом.

— Твой хозяин не хочет, чтобы ты с ними оставалась. Приказал отвести в отдельное помещение.

Идем!

Я успеваю оглянуться, замечаю разочарованные взгляды. Рэк не хочет, чтобы меня попортили раньше времени — развлечься с игрушкой хозяин и сам успеет. Про себя благодарю его, хоть и понимаю, что сегодня он спасает меня от боли и унижения, но завтра сам может бросить кому-нибудь на расправу. Все зависит от его настроения.

* * *

Ночью, уже в своем гараже, опять не могу уснуть. К счастью, тело погибшего носителя убрали, я снова одна. Ощупываю затылок, пытаюсь в уме воссоздать переплетение проводов, места подключения, крепление серой коробочки с аварийным прерывателем.

Нет, не сейчас. Страшно. А вдруг не получится? Перепутаю провода, сломаю. Или Рэк заметит, что я в них ковырялась. Что он со мной сделает? Убьет? Продаст? Невольно обхватываю себя руками, вздрагиваю от одних только мыслей о возможных последствиях.

Лампочка под потолком мигает, словно подавая знак. Если она погаснет... В темноте справиться с прерывателем невозможно. Где-то внутри меня расцветает, набухает огненным цветком злость — на войну, пришельцев, смирение и страх, на саму себя. Как можно сомневаться? Сколько еще терпеть такую жизнь? Если сегодня меня не взяли силой, не сломали, это не значит, что так будет всегда, что хозяин станет меня и дальше оберегать. Решившись, сажусь на холщовой подстилке, заменяющей мне постель. Сейчас или никогда! Другой возможности может не быть.

Аккуратно, стараясь не делать лишних движений, отсоединяю один провод за другим. Я их не вижу, не могу запомнить по цвету, остается лишь надеяться, что расположение зафиксируется в памяти — так, на ощупь.

Готово! Пересаживаюсь в центр гаража, под свет лампы, чтобы было лучше видно. Открываю коробочку, очень медленно и осторожно извлекаю прерыватель, запрограммированный на мой нейро. Теперь его надо заменить другим. Достаяю из потайных складок замотанный изолентой кусочек пластика. Освобождаю его, задерживаю дыхание, чтобы поставить на место. Если что-нибудь сломаю — хозяин сразу заметит, когда попробует ко мне подключиться. Едва слышимый «щелк» и прерыватель занимает свое место.

Шумно выдыхаю. Теперь размять руки-манипуляторы, передохнуть несколько минут. Осталось подключить коробочку к проводам. Их всего четыре: один, самый толстый, идет по центру и с ним ошибиться невозможно. А вот с остальными... Два справа и еще один слева. Но это не точно, они расположены слишком близко друг к другу. Что будет, если ошибусь? Замкнет?

Включаю один. Угадала. Со вторым долго не могу решиться — помню, что он справа, чуть сверху, но пока перебираю его пальцами, натываясь на соседний, начинаю сомневаться. Вдруг перепутала? Отпускаю, начинаю сначала. «Да нет же, Вероника, ты все делаешь правильно». Нажимаю на штекер, вставляя его в гнездо, и... Тишина. Ничего не происходит. Значит и в этот раз угадала! Что ж, с последним теперь все ясно. Расслабившись, упираюсь подушечкой пальца... В глазах вспыхивает что-то яркое, словно бело-голубое солнце! А потом наступает тьма.

Когда я прихожу в себя, за горизонтальной прорезью окна уже играют солнечные блики. Пытаюсь вскочить, но от сильной головной боли снова падаю на пол.

— Ох, дерьмо...

Сколько я была без сознания? Поднимаю руку: на часах шесть тридцать девять. Обычно хозяин посылает за мной не раньше семи, но в шесть я должна быть готова.

— Черт. Черт!

Сажусь, на этот раз медленно. Нашупываю сзади болтающийся провод. Сгорел? Кажется, нет. Штекер не оплавлен, оплетка ровная. Что там на самом деле — мне не видно. Сейчас уже поздно гадать и сомневаться. Меняю провода местами, втыкаю без раздумий. На этот раз обошлось без короткого замыкания. И почти в ту же секунду, как защелкнулся последний провод, дверь, ведущая в дом, распаивается. На пороге один из свободных, лакей.

— Хозяин зовет.

Он хотел было развернуться и уйти, но остановился, потянул носом.

— Чего это здесь, вроде как, горелым воняет?

Я невозмутимо поднимаюсь с пола, прохожу мимо него.

— Не знаю. Лампочка мигала, может с проводкой что-то.

Успеваю незаметно кинуть в ящик с инструментами свой прерыватель. Сейчас нет времени его прятать. Я знаю, что рискую головой, но какая теперь разница? Разве это жизнь? Надежда на побег, пусть призрачная и эфемерная, грела мне душу все эти месяцы и годы. Смогу ли? Попробовать можно, только куда бежать? Оккупированную территорию эйнеры обнесли стеной, просто так не выберешься, а и выберешься, так попадешь в мир хаоса и беззакония. Государственные институты не действуют, нет больше ни армии, ни полиции. Каждый сам за себя. Если верить другим носителям, которые, якобы, слышали об этом от своих хозяев, за стеной осталось мало людей. Голод, болезни и убийства сделали свое дело.

— Века, возьми вон там, — Рэк указывает мне мягкой лапой на низкий, сделанный под его рост стол, на котором лежит пистолет, — Да, да. Это.

Замешкавшись от удивления, я подхожу к столу, поднимаю оружие за рукоять. Интересно, он заряжен? Это какая-то проверка? Меня на дешевом трюке не поймать! Протягиваю хозяину пистолет, со злорадством понимая, что он вряд ли его удержит.

— Нет, оставь. Для тебя будет работа.

Успеваю заметить, как в коричневых складках плюшевой морды прячется хромированный скелет — видимо, хозяин снимал шкуру на ночь. Он взбирается по мне, усаживается на горбу энергоблока.

«Что еще за работа?» По спине пробегает холодок. «Для работы с оружием есть охрана. Причем тут я?»

Мы выходим на просторный двор, где лакеи палками выстраивают десятка три оборванцев — партия, выторгованная на вчерашней встрече. Мне становится совсем нехорошо: я понимаю, что собирается делать Рэк. Сейчас начнется выбраковка.

Поднимаю голову, вижу на стенах четырех безмозглых носителей с хозяевами на плечах. Черепные коробки у них пустые, если не считать имплантов, зато у каждого в руках энергетический импульсатор.

Обходим строй. Рэк придирчиво осматривает товар, к некоторым притрагивается моей рукой. Кажется, он недоволен. С каждым разом качество все ухудшается и ухудшается. Не то, что было в первые месяцы интервенции, когда в рабство продавались сильные и здоровые колонисты. Следуя указаниям хозяина, лакеи отводят четверых в сторону. Мы проходим вдоль строя еще раз, после чего возвращаемся к обреченной четверке. Их толкают к стене, хозяин останавливает меня напротив. Затылком чувствую, что он не хочет их отбраковывать, терять прибыль, но решение принято. Рэк уверен, что этих продать не получится.

Рука, в которой я держу пистолет, поднимается сама собой. На рукояти знакомая маркировка — оружие людей, эйнеры таким не пользуются. Щелчок предохранителя. Я знаю, что могу остановиться, подмененный прерыватель не позволит хозяину отключить мое сознание. Или... Разрешить ему выстрелить? Ведь от меня ничего не зависит, черт побери! Что я могу изменить? Кого спасти?!

Давлю на спусковой крючок. Еще чуть-чуть и... Напряжение ослабевает, указательный палец распрямляется. Рука плавно идет вниз, направляя ствол пистолета в землю.

— Века, — в его голосе, не способном передавать эмоции, я все же чувствую разочарование и одновременно предупреждение, угрозу, — Века, ты не слушаешься меня.

Рука вздрагивает, пытаюсь снова подняться, но я ей не позволяю. Эти гребаные бионические манипуляторы мои и я сама буду решать, что и когда им делать!

Мягкая лапа легла на затылок: он пытается отключить меня. Я продолжаю упрямо стоять.

— Века!

«Заметил. Наверное, провод почернел от замыкания». Поднимаю пистолет и не глядя направляю его за спину, чуть выше плеча. Выстрел. Я взвизгнула от боли, потому что падающий эйнер успел выпустить когти, разорвал рубашку, оставляя на моем правом боку три кровавые полосы.

Живой товар с криками разбегается в стороны, стараясь прижаться к стенам. Двое безмозглых начинают пальбу, но кто-то случайно закрывает меня своим телом и они попадают в него. Несчастного разрывает на части, я забрызгана чужой кровью.

Поднимаю пистолет, почти не целясь — манипулятор компенсирует все колебания, позволяет за тысячные доли секунды навести оружие. Бах! Бах! Двое безмозглых с противоположной стены падают, тут же разворачиваюсь, еще два выстрела. Все кончено. Рядом продолжают кричать, но врагов не осталось и во двор из дома никто не выходит. Лакеи и охрана свободные люди, но сейчас некому отдать приказ, а сами они под пули лезть не желают.

Прямо передо мной ворота на улицу, закрытые на кодовый замок. Направляю на него ствол, но в последнее мгновение останавливаюсь. Мне нужна другая одежда. Лихорадочно осматриваю испуганных людей, выбираю парнишку того же телосложения, что и у меня. На спине у него отключенный энергоблок, значит рубашка с вырезом, как у всех носителей. То, что нужно!

— Раздевайся.

Он не смеет ослушаться, трясущимися руками расстегивает пуговицы. Я скидываю свою одежду, изнанкой утираю лицо, переодеваюсь. Бах! Замок на воротах разлетается на мелкие куски. Удар ногой и створки со скрипом пошли в стороны.

— Выходите! Все! Быстро, разбегайтесь в разные стороны!

Оборванцы замерли в нерешительности, но еще один выстрел помогает им. Толпа вываливается на улицу, с криком разбегаясь. Я иду спокойно, словно ничего не случилось, будто у меня важное поручение и к этим людям я не имею никакого отношения. Прячу пистолет под рубашку.

Я знаю, что подставила их. Вряд ли хоть один беглец доживет до вечера. Прятаться им особо негде, переловят всех. Но они отвлекут эйнеров, дадут мне возможность добраться до стены. Если повезет, конечно.

Поворачиваю в переулок, продолжаю идти размеренным шагом, не ускоряясь, не притормаживая. У меня важное дело, я выполняю поручение хозяина...

Глава 3. ЗА СТЕНОЙ

Считаю в уме, сколько патронов осталось в магазине. Четыре выстрела на безмозглых, один — чтобы напугать живой товар. Да, еще один на Рэка и один в замок. Если всего семнадцать, как в похожем пистолете отца, то в запасе еще десять патронов. Не думаю, что Рэк приготовил оружие, заряженное наполовину или на треть. Какой смысл? Он же не знал, сколько экземпляров придется забраковать. В любом случае проверить я не могу: было бы безумием доставать пистолет из-под рубашки.

Долго идти переулками невозможно. Чтобы попасть на границу оккупированной территории, надо преодолеть несколько улиц, которые в это время многолюдны. Что ж, мне нечего терять. Надо просто идти к цели и ни на что не обращать внимания. Если попытаются задержать... Живой не дамся!

Город обветшал, но границы его не изменились. Я прекрасно знаю, какой нужно выбрать маршрут, чтобы быстрее оказаться у стены. Что будет дальше? Какая разница. Проблемы нужно решать по очереди, не все сразу.

— Хлеб с мясом! Вода! — торговец в грязной одежде пытается всучить прохожим нехитрую снедь, — Эй, девчонка, купи!

Я брезгливо отворачиваюсь. От волнения привычное чувство голода исчезло, в животе будто узел завязали, меня подташнивает. Какой уж тут хлеб с мясом... В конце квартала замечаю двух здоровенных мужиков, оседланных хозяевами. Эти точно не на прогулку вышли. По мою душу или вылавливают остальных беглецов — мне проверять неинтересно. Сворачиваю, обхожу их по параллельной улице.

Рядом с большой лавкой столпился народ, приходится пробивать себе дорогу, протискиваться между вонючими телами. Краем уха слышу, как судачат две свободных женщины:

— Перестреляла всех! Я сама слышала!

— Неужели всех?

— Точно тебе говорю.

«Слухи распространяются быстрее, чем я иду по городу. Следует поспешить!»

Когда центральные кварталы остаются позади, улицы пустеют. Редкие прохожие сторонятся друг друга, идут, опустив головы, не поднимая взгляда. Им достаточно того, что у меня горб на спине. Есть ли там хозяин — никто выяснять не хочет; иногда и не разглядишь маленькую плюшевую игрушку за головой человека. Тем лучше.

Впереди показалась белая полоса, она плавно изгибается, повторяя рельеф местности. Стена! Отсюда еще кажется невысокой, но я знаю, что вблизи она превратится в пятнадцатиметровую бетонную скалу. Пора уже думать о том, как ее преодолеть. Но чем ближе я подхожу, тем меньше мыслей остается в голове. Паника, нарастая внутри, словно разрушительное цунами, готовое захлестнуть мой разум, заставить бежать, потеряв всякую осторожность.

«Спокойно, Вероника. Спокойно. Ты все сможешь, у тебя получится». Знаю — в стене есть пропускные пункты. Правда, большая часть из них заблокирована, эйнерам нет смысла распылять силы, контролируя весь периметр. Спротивление подавлено, никто не пытается проникнуть с той стороны, а уж с этой и давно — люди привыкли, что на оккупированной территории есть еда, кров, порядок. Им кажется, что бежать просто не за чем.

Приходится пройти вдоль стены почти километр, прежде чем я натыкаюсь на первый проход. Рядом никого, но сразу понятно, что здесь мне не пробраться: металлические двери не просто закрыты, они успели позеленеть от мшистого налета. Иду дальше, порой бросая взгляд наверх — не появится ли какая-нибудь лестница или что-то еще, по чему можно взобраться. Но нет, стена гладкая, как полированный шкаф. Наконец, показался еще один пропускной пункт. И кажется... Да! Дверь открыта!

Сердце гулко стучит в груди. Послушные железы, повторяя реакцию всего организма, делают ладони холодными и влажными. Я оглядываюсь. Проход не зря открыт именно в этом месте — в стену упирается широкий городской проспект. Народу немного, но если устроить шум, то обязательно останутся свидетели. Кажется, в стороне есть и хозяин на своем носителе. Этот и вовсе может организовать погоню.

Заблаговременно расстегиваю три пуговицы на рубашке, просовываю руку, проверяю предохранитель. Оказывается, все это время я шла с пистолетом в боевом положении. Замедлив шаг, вхожу в тень сводчатого тоннеля, который должен прорезать стену насквозь. Неужели никого?

С глухим стуком на землю падает что-то металлическое, шевелит заостренными конечностями. Эйнер. Обнаженный, без шкуры. Он кажется совсем маленьким, не выше тридцати сантиметров, но это существо наводит на меня неопиcуемый, животный ужас!

— Стой. Куда идешь?

Ничего не могу ответить, во рту пересохло, в сознании все спуталось. Он приближается ко мне, заставляя сделать шаг назад. Его конечности с жутким скрежетом царапают каменный пол. Еще немного и эта тварь коснется когтями моей ноги!

— Куда ты идешь? — повторяет он, — Кто твой хозяин?

— У меня... — я с трудом заставляю язык ворочаться, — У меня... нет хозяина. Больше нет.

Достаю пистолет. Бах! Грохот выстрела, отразившись от стен, закладывает уши. Бесконечно долгую секунду я рассматриваю разбитую свинцовой пулей конструкцию. Одна лапка еще дергается, но и она вскоре замирает. Под эйнером растекается маленькая лужица бурой жидкости.

Я срываюсь с места, перескакиваю через турникет, со всей дури налетаю в сумраке еще на одну дверь, лихорадочно начинаю искать замок. Вот он! Поворот круглого фиксатора — один оборот, два, три. Дверь распахивается.

Никогда в жизни я не бежала так быстро! Зеленая трава, яркое солнце, ветер в лицо... Главное не запнуться, добежать до леса! Поперек дороги разрослись колючие кусты, они цепляются за мою одежду, но я не обращаю на это внимания. Все напряжение последних часов, спрессованное неторопливой прогулкой по захваченному городу, вырвалось сейчас на волю в этом беге.

Справа от меня, чуть выше головы, проносится голубой энергетический сгусток. Отклоняюсь влево, пригибая голову. «Нет, только не сейчас!» Еще один выстрел, совсем рядом. Бегу зигзагами, до кромки леса остается каких-нибудь тридцать метров. «Не сейчас, не сейчас! Я ведь почти смогла!» Очередной заряд впивается в землю рядом с моей ногой, я вскрикиваю, едва не падаю, споткнувшись о кочку, продолжаю бежать. Десять метров... Пять...

Лес охватывает меня со всех сторон тенистыми зарослями, обнимает переплетением веток, стволов, скрывает от холодных, чужих глаз. Душат слезы, хочется реветь навзрыд, но я продолжаю бежать, до полного изнеможения, до судорог в ногах, до хриплого свиста в легких. И даже когда сил больше нет, не могу сразу остановиться — перехожу на шаг, оглядываюсь, только потом падаю в прелые листья, раскинув руки, по-прежнему сжимая в правой сверхпрочный полимер, от которого еще пахнет порохом.

* * *

Меня не преследуют. Хочется лежать, вдыхая лесной запах и не шевелиться. Но едва отдохнув, я отправляюсь дальше, поминутно оглядываясь по сторонам. То и дело снова переходя на бег я одергиваю себя — нужно быть разумной, не тратить силы.

Лес для меня хоть и давно забытый кусочек прошлого, но совсем не экзотика. Детство и юность прошли не в городе — я фермерская дочка, не боюсь остаться один на один с густыми зарослями и зверьем. Кажется, я уже ничего не боюсь.

До темноты стараюсь уйти как можно дальше. У эйнеров нет своей полиции, они ведут очень обособленный образ жизни, объединяясь лишь для войны и решения деловых вопросов. Но я знаю — могут и организовать, если посчитают, что преследование и уничтожение одного человека оправданно. Слабость их в том, что они не любят механизмы. Странный парадокс машинной психологии. Эйнеры почти не делают транспортных средств, предпочитая биологических существ. Можно, конечно, отобрать пять или шесть мужчин, из числа наиболее выносливых, послать за мной в погоню, но это в разы менее эффективно, нежели использование колесной или гусеничной техники, а еще лучше — флайера.

Эх, если бы еще удалось избавиться от энергоблока! О, тогда и тысяча самых быстрых и сильных мужиков не смогут за мной угнаться! Но для этого нужен нейрохирург, так просто горб не отрежешь. А где тут возьмешь нейрохирурга?

Зато сейчас есть возможность проверить оружие. Ставлю его, наконец, на предохранитель, достаю магазин.

— Один, два, три... — тыкаю указательным пальцем в прорезь, через которую видны круглобокие, отсвечивающие желтизной патроны, — Девять. Все верно, Вероника! Ты умничка.

Криво усмехнувшись, загоняю магазин обратно в рукоять, убираю пистолет за пояс. Сейчас уже нет резона прятать оружие под рубашкой.

При свете дня успеваю обобрать несколько ягодных кустов — какая-никакая еда. Один раз набрела на ручей и, кажется, впервые со дня вторжения сумела напиться чистой, живой воды.

Приближается ночь, нужно искать место для сна. Я продолжаю идти, пока вижу, куда ступает нога. В небе зажигаются звезды, но света от них чуть. Останавливаюсь. Все, дальше идти нет смысла. Это не тот ночлег, о котором можно мечтать, но какого черта? Везде одно и то же — деревья, кусты, трава, мох... Буду спать здесь! Прикладываюсь спиной к толстому дереву, закрываю глаза. Несколько минут меня мучают видения, всплывающие из глубин сознания, я снова и снова прокручиваю события, случившиеся за этот невероятно длинный, страшный и счастливый день. Потом усталость берет свое и я засыпаю, уронив голову.

Кто-то гладит меня по щеке. Губы сами растягиваются в улыбке. Из тьмы проступает мутный образ, но я знаю — это тот единственный, кому я позволила... С кем была счастлива... Пусть только пять минут, в хозяйском гараже, но мы были счастливы, потому что принадлежали лишь друг другу и никому больше! Я помню его руки, нежные прикосновения, помню, как он снимал с меня одежду и мы даже не замечали проклятые энергоблоки, потому что желание было слишком сильным, в миллион раз сильнее, чем у свободных людей! Мы знали, что это, скорее всего, никогда не повторится. Пять минут наслаждения, животного экстаза, а потом... Потом я увидела его бессмысленный взгляд, когда эйнеры заменили ему мозг имплантом. Нет! Нет, не прикасайся ко мне! Тебя больше не существует! В нос вдруг ударяет гнилой, отвратный запах. Я открываю глаза, понимаю, что вижу перед собой лицо человека — это мужчина в лохмотьях, с приоткрытым, почти беззубым ртом, он касается грязными пальцами моей щеки.

Руки надо беречь, поэтому бью ногой, как привыкла. Охнув, незнакомец откатывается в сторону.

— Ты чего, дура?!

— А ты чего?!

Он встает, отряхивается. В темноте плохо видно, но глаза уже пообвыклись, на расстоянии в пару метров я могу различить тощую фигуру.

— Только потрогал. И в мыслях ничего не было! А ты сразу пинаться.

— Ну, положим, в мыслях-то у тебя было, по роже видно.

Он не уходит, но и подойти ближе теперь опасается.

— Кто такой?

— Тощий. Не признала?

— Я не местная. А имени что, нет?

— Имени? — он рассыпается сухим, гавкающим смехом, — Имени! Где оно, то время, когда у нас были имена...

— Трех лет еще не прошло.

— Трех? Верно. А кажется, будто все тридцать.

Он замолкает, задумавшись, потом с усилием выдавливает:

— Р-роберт. Мое имя. Давно не произносил вслух. Можешь звать просто Роб. Или... Зови лучше Тощий, я привык.

— Очень приятно, Роб. Я Вероника. Руку пожимать не буду, извини.

— Ничего, ничего. Понимаю. Кому я нахер нужен, чтобы мне руку протягивать... Костер бы разжечь. Ты не против?

Пожимаю плечами.

— Мне нечем.

— О, у меня есть! Это не проблема! — он кидается собирать сухие ветки, — Это сущий пустяк!

— А не заметят? Костер?

— Кто? — он удивленно замирает.

— Ну... Мало ли.

— Тут километров на двадцать никого вокруг, а то и на все тридцать. К городу люди боятся подходить.

Он чиркает спичками, прикрывая огонь руками. Через минуту оранжевые языки пламени уже облизывают с довольным потрескиванием хворост. Роберт сидит ближе к огню и мне его хорошо видно, я же остаюсь на своем месте, чуть в тени. Он достает из кармана какой-то сверток, раскладывает его на траве. Тонкий аромат вяленого мяса едва долетает с другой стороны костра, но мой желудок тут же откликается урчанием. Пока есть терпение, я жду, но Тощий не предлагает мне еды и терпение быстро заканчивается.

— Эй, может, поделишься? Заплатить, правда, нечем. Но мне много и не надо. Небольшой кусочек.

Оборванец напускает на себя важный вид.

— Ну, не зна-аю... Всегда можно найти, чем расплатиться.

Выхватываю пистолет, направляю ему в лицо.

— Сейчас я тебя пристрелю, сожру твое мясо, а потом и тебя!

Роб судорожно сглатывает.

— Я же пошутил. Ты чего? Пошутил я! На, держи, — он отрезает самодельной заточкой половину куска, встает, осторожно приблизившись протягивает мне.

Едим мы молча, с недоверием поглядывая друг на друга. От сытости и тепла глаза снова начинают слипаться. Смотрю на часы — половина третьего ночи, до рассвета далеко.

— Все-таки потуши костер. Не хочу, чтобы нас видно было за километр.

— Какой километр? Деревья кругом.

— Я сказала — потуши.

— Хорошо, хорошо, — он раскидывает тлеющие угли, затаптывает их ногами. Смотрит на меня, переминаясь в нерешительности, — Слушай... Ты только не пойми неправильно! Было бы лучше во всех отношениях... И теплее... Я понимаю, от меня воняет, но можно спиной к спине...

Если кто-то будет лежать рядом, я почувствую, когда он встанет. В этом я уверена. А вот если он ляжет в сторонке — тогда контролировать его не смогу.

— Заточку воткни в дерево. Нет, не в это, подальше. Хорошо. Запомни, Роб: реакция у меня моментальная, даже если тебе кажется, что я сплю. Понял?

Он согласно кивает. Осторожно подходит, пристраивается сбоку.

— Да мать же твою! — вскакивает, как ошпаренный, пятится назад, выставив перед собой руки, словно пытаюсь защититься от меня.

— Чего ты подпрыгиваешь-то?! Напугал, идиот.

— Горб! У тебя эйнерский горб!

— И что? Хозяина же на нем нет.

Роб вытягивает шею, стараясь заглянуть мне за плечо. Встаю, раздраженно закатывая глаза, поворачиваюсь к нему спиной.

— Убедился?

— Ни фиги себе. Ты... Ты из города?!

— Да, из города, там тоже люди живут. Давай уже ложиться, а? Так и ночь пройдет.

Снова укладываемся, но я все еще чувствую его страх. Роберт и сам не рад, что напросился спать рядом со мной. Видимо, здесь, за стеной, в людях живет ничуть не меньший ужас перед эйнерами, чем на оккупированной территории.

— А ты... Как тебя? Вереника. Ты вообще с мозгами?

— С утра была. Но кто-то из нас точно дурак. Чтобы управлять безмозглым телом нужен хозяин! Неужели не понятно?

— Понятно.

— Роб, заткнись и спи. Да, и, если попытаешься лапать меня — убью. Хорошо?

— Хорошо.

* * *

Он снова притрагивается к моему лицу. Вот же недоумок! Ведь ясно сказала... Разлепив заспанные глаза, понимаю, что Роб не просто прикоснулся, он зажал мой рот ладонью, указывая куда-то другой рукой. Ночная тьма уступила место рассвету, но лес заволокло туманом, который превратил стволы деревьев в призрачные тени. Я вдруг понимаю, что в той стороне, куда указывает Роб, одна из теней шевелится. Там кто-то есть! Тень раздваивается, еще через мгновение их становится уже три. И они движутся в нашу сторону.

Глава 4. В МОНАСТЫРЬ

Я отрываю руку Роба от своего лица, достаю пистолет, перевожу предохранитель в боевое положение. Пригибаясь, мы пятимся прочь от незваных гостей, которые молча продолжают идти к нам. Вряд ли они могли что-то заметить в тумане, но я знаю — в городе, среди носителей, есть охотники за головами. И они умеют находить беглецов шестым чувством. Одна из самых мерзких профессий, какую можно придумать для несвободного человека! Выслеживать своих, чтобы снова обратить их в рабов. Ну ничего, когда-нибудь и мы будем охотиться на эйнеров!

Я понимаю, что они нашли место костра: тени в тумане замирают, потом группируются, слышен тихий, неразборчивый разговор. Даже не имея возможности толком разглядеть, что они делают, я представляю, как один, самый опытный, прикладывает руку к измятой траве, чувствуя тепло недавно покинутого ночлега. Теперь они знают, что мы рядом.

Поворачиваюсь к Роберту, заглядываю в его распахнутые, испуганные глаза.

— Нам нужно разойтись, — говорю ему одними губами и он меня понимает, потому что страх обостряет восприятие, — Бежим!

Срываюсь с места, наугад выбирая направление, лишь бы подальше отсюда, прочь, как можно быстрее! Надеюсь, оборванец догадается не стоять на месте, как вкопанный, и не рванет следом за мной.

Горб добавляет телу килограмм пять. Немного, но все равно без него было бы легче. К черту! Я привыкла, не нужно об этом думать. Просто беги, Вероника, беги что есть духу!

Меня, конечно, услышали. Можно прятаться, не издавая ни звука, или даже бесшумно идти. Но бежать... Бежать бесшумно не получится. Не знаю, сколько там преследователей — один, два, или все трое. Оглядываться некогда. Резко сворачиваю налево, пытаюсь сбить их со следа. Туман редет, скоро

он исчезнет совсем. Еще один поворот, в ту же сторону. Но если слух меня не обманывает, из-за спины все еще доносятся звуки погони.

Упираясь подошвами ботинок в мягкую лесную подстилку, я останавливаюсь, разворачиваюсь, вскинув руку с пистолетом. Выстрелы следуют один за другим — бах, бах! Не думаю, что в кого-то попала, но надо быть совсем чокнутым, чтобы продолжать нестись во весь опор, когда тебе навстречу летят пули. Человека это остановит.

«Человека?» — спрашиваю саму себя, продолжая убегать, — «Твари на спинах людей, заставляющие преследовать меня, могут вовсе не иметь страха».

Под ногами что-то хлюпает. Кажется, в воздухе потянуло болотной гнильцой. Перепрыгиваю через лужи, стараясь не угодить в жижу, не поскользнуться. Быстро понимаю, что выбрала неверное направление: местность превращается в сплошное, расплескавшееся по лесу болото. Нужно поворачивать назад, но там... Там неволя, страх, унижения. Там при любом исходе — смерть.

— А-а-а!!! — мой вопль отчаяния несется по лесу, помогая преследователям точно определить, где их жертва. Они появляются почти сразу, все трое. Перешли с бега на шаг, приближаются ко мне.

— Твари!

Стреляю, уже не считая патроны. Кажется, один охотник упал, но я не уверена. Сама спотыкаюсь, валюсь спиной в слякотный замес из травы и грязи. Энергоблок словно с удовольствием впечатывается в чавкающую массу, не желает отпускать меня, не разрешает снова подняться. С усилием встаю, но они уже рядом. Кто-то пинком выбивает из моей руки оружие.

— Не сопротивляться, — приказ холодный, без эмоций, звучащий из-за спины охотника. Этот голос пробирает до дрожи, вводит в ступор. Но только не меня, не сейчас!

Я бью охотника по лицу наотмашь, чувствуя, как в бионическом манипуляторе что-то предательски хрустнуло. Боли нет — значит, повреждение серьезное, сработал болевой блокиратор.

Человек, которого я ударила, от неожиданности делает шаг назад, взмахивает обеими руками и, не удержавшись, падает прямо в блюдце черной воды. Он попадает в такую же ловушку, что и я несколько мгновений назад, только весит охотник раза в два больше и на дне лужи совсем уж вязкая субстанция. Он будто перевернувшийся на спину жук, сучит лапками, не в силах подняться. Его хозяина не видно и не слышно: не думаю, что металлическая тварь захлебнется, но она не может отдавать приказы.

— Борька, помоги!

Борька отмахивается от приятеля. Первоочередная задача для него — обезвредить беглянку, посмевшую убить в городе двух эйнеров. Он отпинавает подальше мой пистолет, надвигается, раскинув руки в стороны. На лице его играет кривая, злорадная ухмылка.

Я медленно отхожу, придерживая правой рукой поврежденную левую, но бежать мне уже некуда — позади сплошная тряси́на. Еще пара шагов и меня затянет, засосет так, что не выбраться. И я не знаю, чего боюсь больше — жуткой, мучительной гибели, или той жизни, от которой сбежала.

Когда между нами остается не больше двух шагов, что-то хлюпает позади охотника. Обернуться он не успевает: увесистый обломок дерева со свистом рассекает воздух и попадает ему в висок. Борька оседает на землю. Он в сознании, но на его голову обрушивается новый удар, потом еще один и еще! Роберт не может остановиться, он с остервенением продолжает охаживать дубиной уже безжизненное тело охотника, до тех пор, пока не замечает, как из-под того выбирается сверкающий металлом скелет. Роб испуганно вскрикивает, отскакивая в сторону.

Пистолет снова у меня в руке. Правая в полном порядке, оружие я держу твердо и на прицеливание, как обычно, уходит тысячные доли секунды. Грохот выстрела, сверкающие осколки. Тишина. Даже парень, упавший на спину в черную лужу, перестал барахтаться, затих. Он испуганно смотрит на нас, переводя взгляд то на меня, то на оборванца.

Не знаю, остались ли в магазине патроны. Может, отпустить? Для парня это рулетка. Навожу на него ствол, сжимаю холодную запятую спускового крючка... Бах! Судьба сама решает его участь. Спокойно, не испытывая ни злости, ни радости, иду искать третьего. Его тело лежит метрах в пятнадцати. Сквозное попадание, один патрон для носителя и его хозяина. Хорошее оружие.

Возвращаюсь к Роберту и только тогда позволяю себе выплеснуть эмоции. Сжимаю оборванца в объятиях, используя лишь правую руку. Обнимаю долго, изо всех сил, зажмурившись и не обращая внимания на запах, источаемый его грязным, давно немывтым телом. Но, несмотря на ком в горле, в моих глазах нет слез. Наверное, я выплакала их раньше. Теперь уже ничто не сможет вернуть из прошлого ту наивную девчонку, которая мечтала закончить политех, а попала в горнило захватнической войны и последние три года желала лишь одного — снова стать свободной.

— Что теперь?

Роб отстраняется от меня, растерянно смотрит по сторонам.

— Там еще один, — отвечаю я, показывая на лежащего в луже охотника, — Наверное, хозяина придавило, он не может сам выбраться.

— Да и черт с ним! Вереника, оставь это дерьмо, давай уже уходить!

— Вероника, — поправляю я.

Несколько секунд молчу, глядя ему в лицо.

— Хочешь вздрагивать по ночам, опасаясь, что тварь выбралась, пошла по нашим следам, и теперь прижимает к твоему горлу когти?

Он опускает взгляд, отходит на пару шагов. Я проверяю обойму — пусто.

— Тьфу! Ладно, справимся так.

— Справимся? Нет уж, уволь! Я не...

— Иди сюда. Ты же не трус, я знаю.

Пересилив страх, Роб подходит ближе.

— Я не смогу поднять охотника, у меня слабые руки. Да левая еще и повреждена. Так что хватай его за одежду и медленно тащи, переворачивая на бок. Если вдруг крикну — сразу отпусти. Понял?

Он кивает. Цепляется за ворот и пояс мужчины, тянет на себя. Медленно, преодолевая ужас перед находящимся в глубине лужи существом. Я внимательно заглядываю под широкую спину безжизненного тела. Наконец появляется эйнер. Он жив. Шевелится, испачканный в грязи. Поворачивает ко мне металлическую мордочку с двумя светящимися искорками глаз. Я чуть было не вскрикиваю, но сдерживаюсь, замечаю, что тварь запуталась одной конечностью в проводах, не может выбраться.

— Ладно, отпусти. Нам нужно подтащить его к трясине и спихнуть туда. Будем толкать палками, чтобы затянуло. Охотник тяжелый, должен придавить эйлера.

Мы исполняем задуманное, несмотря на протесты Роба, который опасается, что хозяин в любой момент может освободиться и выскочить из случайного капкана. Вдвоем толкаем тело, длинными палками прижимаем его, окуная в воду, заставляя провалиться в илистое дно, исчезнуть навсегда. Мне кажется, что из глубины трясины я слышу пронзительный визг, приглушенный толщей воды, но это, наверное, лишь игра воображения.

* * *

— Нужно идти в монастырь.

Мы устали — позади целый день изнурительного, пешего марш-броска, подальше от города, от других охотников, которые, если эйнеры окажутся достаточно упрямыми, могут быть отправлены за мной.

— Что еще за монастырь? — я пытаюсь оттереть грязь с пистолета, бесполезного без семнадцати ступок свинца, но внушающего уважение даже с пустым магазином, тем более, когда враг об этом не знает.

— Поселение. Километрах в десяти, если повернуть на восход солнца, — объясняет Роб.

— И что там, в поселении?

Он пожимает плечами.

— Люди. Разные. Отец Кирилл всех принимает. Меня, правда, выгнал, — Роб горько усмехается.

— За что выгнал? — я останавливаюсь, изучаю лес в том направлении, куда мы двигались, потом поворачиваюсь направо, туда, где восходит солнце.

— А-а...

Он машет рукой, не хочет отвечать, но, заметив немой укор на моем лице, все-таки бормочет:

— За пьянство, распутство. Нежелание работать. Да ну их к лешему!

— Зачем же нам туда идти?

— Так ведь... больше некуда.

— В другое поселение.

Роберт смотрит на меня как-то странно.

— Других нет.

Старая каменная кладка, некогда окружавшая монастырь, бывшая прочной стеной, а теперь постепенно разваливающаяся под воздействием природных сил и людей, разбирающих ее на строительные материалы, показалась на холме почти в сумерках, после заката. Никаких зданий за стеной видно не было, лишь колокольня возвышалась над поселением, указывая в небо позеленевшим шпилем.

— Ошибка наведения, — поясняет Роб, когда мы пересекаем руины монастыря, территорию, испещренную воронками, — Там, чуть подалее, был гарнизон. Личный состав перебросили на оборону города, но эйнеры этого не знали и накрыли его с орбиты бомбардировкой. Чуть-чуть промахнулись, раздолбали вместо гарнизона монастырь.

Я оглядываюсь по сторонам, поджав губы. Ненависть к захватчикам не прорывается наружу, она бурлит в глубине души, настаивается, обретает необходимые вкус и крепость, чтобы выплеснуться лишь тогда, когда придет время.

Спускаемся с холма. Среди перелеска с трудом можно разглядеть приземистые верхушки бункеров, разбросанные по обширной территории, укрытые полинялыми, но все еще выполняющими свою функцию маскировочными сетками. Среди вкопанных в землю бетонных укреплений тут и там заметно движение: мы действительно вышли к обитаемому поселению.

— Стой!

Навстречу выходят двое мужчин, один из которых вооружен автоматом, другой эйнерским импульсатором. Первый, завидев мой горб, скидывает оружие с плеча.

— Тихо, тихо! — Роб выставляет руки, заслоняя меня, — Она без хозяина. Сбежала из города. Можете сами убедиться.

Пока тот, что с автоматом, держит меня на прицеле, другой обходит вокруг, внимательно осматривая энергоблок. Бесцеремонно обшаривает, забирает пистолет.

— Он пустой.

Но патрульный не обращает на мое возражение никакого внимания, сует пистолет себе за пояс.

— Если все в порядке, потом верну. Идем!

Нас сопровождают к центру поселения; по дороге попадают люди, встречающие Роберта кто с ухмылкой, а кто и с неприязнью. По мне скользят любопытные взгляды, натыкающиеся на горб, который заставляет зевак в страхе шарахаться в сторону.

Спускаемся по узкой лестнице вниз — один пролет, другой, третий. Пожалуй, даже если бы эйнеры не промахнулись, они бы не пробili эту защиту. Коптящие светильники тускло мерцают в длинном коридоре, после которого следует один поворот за другим. У массивной железной двери нас еще раз обыскивают, потом вталкивают внутрь.

— Вот, отец Кирилл, поймали двоих. Шли сюда от леса, через развалины.

На нас поднимает глаза еще не старый, но изможденный жизнью мужчина. На носу у него очки, одна дужка замотана скотчем. Он смотрит вверх стекол — видимо, носит их только для работы с бумагами, которые ворохом рассыпаны на столе.

— Она с горбом, отец...

— Вижу.

Он встает, подходит к нам ближе. Мягким движением отталкивает Роберта, бросив на него мимолетный взгляд — мол, с тобой позже разберемся.

— Как зовут?

— Вероника.

— Из города?

Киваю утвердительно.

— Беглянка, значит... Давненько оттуда никто не прорывался. Садись! — пододвигает мне стул, — Этого шалопа в изолятор пока.

Протестующего Роба патрульный выводит из комнаты.

— Информации у нас оттуда почти никакой, так что твое появление как нельзя кстати.

Комната, в отличие от коридора, освещается диодной лампочкой. Она не намного ярче копящих светильников, но говорит о том, что в поселении есть генератор. Пожалуй, жизнь здесь не такая уж и плохая.

За спиной Кирилла, чуть выше его головы, висит карта полушарий планеты «Расцветающая», бета GJ 1252. Местонахождение поселения отмечено булавкой с приклеенным к ней красным флажком. Рядом видны очертания города, одного из двадцати двух, которые успели основать люди до вторжения. Семнадцать из них располагаются на побережье, и лишь пять, включая тот, из которого я сбежала, в глубине материка. Приглядевшись, замечаю линию, проведенную карандашом: стена, окаймляющая зону оккупации. Она извивается вокруг восьми городов, превращенных в одну большую агломерацию.

Отец Кирилл перехватывает мой взгляд.

— Остальные города разрушены, если тебя это интересует.

— А дальше? Там, в космосе?

Отрицательно качает головой.

— Неизвестно. Видимо, эйнеры нашли и уничтожили все ретрансляторы в системе бета Джи-Джей. Связь ухудшалась постепенно, — он усмехнулся, — Отыскать каждый болтающийся в космосе ретранслятор непросто даже для них. Месяца три или четыре еще была возможность общаться с другими мирами и мы знали, что эйнеры контролируют не все колонии. Но что происходит сейчас — одному богу известно!

Кирилл вздыхает.

— Мы можем собрать новые ретрансляторы и восстановить сеть, это несложно, технология менсо очень простая и надежная. Но для этого надо выйти в космос. Те, кто пытался, были сбиты хозяевами. Даже два больших транспорта с беженцами.

Я сижу, задумчиво уставившись в пол, баюкая левой рукой правую. Забытые слова — сеть, менсо, транспорт... Они звучат как осколки другой жизни, как эхо, которое никак не хочет затихнуть в скалистом ущелье.

Встрепенувшись, спрашиваю:

— Вы можете снять мой энергоблок?

— Лично я не могу. Да и никто в монастыре не сможет. Просто смиришься с этой штукой и все дела, — советует мне собеседник, — А что с рукой?

— Не рассчитала удар. Это бионический манипулятор, справа такой же. Они не рассчитаны на большую нагрузку.

Он встает со своего стула, присаживается рядом со мной на корточки.

— Ну-ка...

Осторожно берет мою поврежденную левую в свои ладони, начинает ощупывать.

— Корпус цел. Видимо, что-то внутри. Есть у нас один человек, который может это исправить, но я тебя с ним позже познакомлю. Он, знаешь ли, со своими тараканами в голове. Не хочу оставлять вас наедине друг с другом.

Отец Кирилл смотрит на часы.

— Знаю, у тебя еще много вопросов. А у меня к тебе еще больше. Но время позднее, давай отложим до завтра. Отоспишься и тогда уж... Ты, кстати, голодная?

Скромно передергиваю плечом. Есть, конечно, охота. С другой стороны — вряд ли у них с едой намного лучше, чем у тех, кто живет по другую сторону стены.

— Тебя проводят и накормят.

Я встаю, собираясь идти за патрульным. В последний момент оборачиваюсь.

— А Роб?

— Думаешь, он заслуживает?

В сущности, я могла бы и наплевать на дальнейшую судьбу оборванца. Но что-то заставляет меня нахмуриться, что-то странное, непонятное, чего я раньше в себе не замечала, но что, видимо, было во мне всегда. То, что заставляет в любой ситуации оставаться человеком.

— Поверьте, я видела сильных и опытных мужчин, которые оказались трусами. Он не такой. Не сбежал, когда было страшно. Поэтому — да, он заслуживает.

Простой, но сытный ужин. Опрятная, хоть и поношенная одежда. Чистая постель в женской комнате, где стоит дюжина кроватей. А перед этим еще и душ, в котором я нахожу большой кусок мыла. Мне сказали, что вода из чистой жилы спускается в бункер самотеком, и ее можно не жалеть. Холодная, но я на это не обращаю внимания. Как и на горб, которому влажность не повредит — конструкция абсолютно герметичная, рассчитанная на эксплуатацию под открытым небом.

Стою, упершись железякой в стену, задрвав голову навстречу упругим струйкам, закрыв глаза. Как давно обнаженное тело не чувствовало свежего потока, не ощущало чистоты! Вспоминается довоенный фермерский дом, маленький водопад неподалеку, под которым любили купаться с соседскими девчонками, а потом уже и с мальчишками... Первые нежные прикосновения... Сладкая, беззаботная юность, кружившая голову!

Сползаю по стене вниз, сажусь на кафельный пол — уже нет сил стоять. Невольно склоняю голову на бок, готовая провалиться в блаженную дремоту. «Только минутку... Одну минутку... А потом встану... Пойду... Спать...»

Кто-то выключает воду, подхватывает меня, заворачивая в полотенце, словно ребенка. Ну и пусть. Ну и хорошо. Уносит в комнату — не ту, где двенадцать кроватей, совсем в другую.

Глава 5. ЧУЖИЕ СЛЕДЫ

Просыпаюсь нагая, в чужой постели. Хочу привстать, но вовремя замечаю, что не одна в комнате: у противоположной стены мужчина, он тоже без одежды. Стоит, курит сигарету, аккуратно выпуская дым в подвывающую за решеткой вентиляцию. Его спина изуродована жуткими отметинами.

Сажусь на кровати, натягивая одеяло до подбородка.

— Эй! Ты кто?

Он оборачивается, расплывется в улыбке. Нужно признать, что парень красив. Тот же Роберт ему и в подметки не годится. Впрочем, бедняга Роб вряд ли хоть кому-то может составить конкуренцию.

— Почему я здесь? И где моя одежда? — изо всех сил стараюсь не смотреть на него ниже пояса.

— О, да! — он вдруг спохватывается, начинает натягивать брюки прямо на голое тело, — Извини, не хотел тебя смутить. Просто вчера ты уснула прямо в душе, а моя комната совсем рядом, вот я и принес сюда.

— Твоя комната? Больше похоже на склад.

— Да, ты права. Это мастерская. Зачем занимать место в общей спальне, если я все равно торчу здесь круглые сутки? Выпросил у отца Кирилла кровать.

— Не приходила в голову мысль позвать кого-нибудь из женщин, чтобы меня разбудили? Обязательно было тащить к себе?

Понимаю, что щеки у меня краснеют — представила на миг, что могло случиться ночью, пока была в забыты.

— Нет, нет! — словно догадавшись о моих мыслях, парень машет руками, — Ничего такого я не делал! И ночью к тебе не притронулся, честное слово!

«Не врет, пожалуй. Какая бы усталость не навалилась на меня вчера, „такое“ я все равно почувствую». Он протягивает мне руку.

— Андрей.

Я еще сомневаюсь секунду, но отвечаю на рукопожатие.

— Вероника.

— Можно Вера? Или лучше Ника?

— Без разницы. Только не Века.

Вижу, что на его улыбающемся лице появляется несколько лишних морщинок, он опускает взгляд. Видимо, понимает — кто мог меня так называть.

— Твоя одежда, — протягивает мне сверток, — Лежала на полке, в душе.

«Попросить его отвернуться? Вот еще!».

Встаю, откидывая одеяло, начинаю одеваться, делая вид, что не обращаю на парня никакого внимания. Несколько мгновений он завороченно пялится на мое тело, потом резко отворачивается.

— Значит, ты здесь вроде мастерового?

— Ага, — он осторожно поворачивает голову, проверяя — оделась ли я.

— Наверное, про тебя мне говорил отец Кирилл.

— Что говорил?

— Что ты можешь починить мне руку, — правой приподнимаю левую, — Бионический манипулятор. Что-то хрустнуло, когда врезала охотнику.

Андрей осторожно обхватывает сильной ладонью запястье, но не глядит на него — с нескрываемым сожалением он все еще смотрит мне в лицо. Догадывается, через что пришлось пройти, прежде чем я оказалась в их монастыре.

Быстро пробегает пальцами по руке, достает какой-то прибор с маленьким экраном, прикладывает сначала к моему плечу, потом спускается все ниже и ниже.

— Ограничение по нагрузке?

— Да. Пятьсот грамм, если по инструкции. Ну, максимум кило. Как догадался?

— Сломаны все три балки усиления: видимо, облегченная версия, более хрупкая. Обычно, чтобы их сломать, нужна куда большая нагрузка. Да и дополнительных стабилизаторов у тебя там целая куча. Так бывает только с манипуляторами для тонкой работы.

Откладывает прибор, начинает копаться в ящиках с инструментами, запчастями.

— Я могу поставить нормальные балки, если хочешь.

— Нормальные?

— Такие, с которыми рука выдержит вес в два раза больше твоего.

— Но это нарушит все настройки!

— Нарушит. Поэтому тебе решать. Правую можешь оставить как есть, для точной работы. А левая будет ударной. Со временем адаптируешься, хотя, конечно, мозг будет долго привыкать.

Закусив губу, я раздумываю, но не слишком долго.

— Надо резать?

— Конечно.

— Тогда режь!

Андрей усаживает меня к столу, кладет на него клеенку, когда-то белую, сейчас покрытую пятнами, бурыми разводами. Работает он деловито, словно так и планировал — заняться с утра пораньше вскрытием чьей-то искусственной руки. Рядом лежат заготовленные штыри, отливающие матовым металлическим блеском. Мне не хочется смотреть, но я почему-то не смею отвернуться, уткнувшись взглядом в бледно-розовую кожу своего предплечья.

Скальпель скользит легко, ровно, оставляя тонкую красную полосу. Она набухает, по коже скатываются капли крови. Щипцами Андрей расширяет рану, промокает ее несколькими кусками ваты,

заползает внутрь какой-то штуковиной, больше похожей на отвертку механика, чем на инструмент хирурга.

— Не шевели пальцами.

— Я стараюсь.

Боль заблокирована, но неприятные ощущения остаются. Парень раскручивает крепления, отодвигает вспомогательные узлы, обычными плоскогубцами выдергивает поврежденные детали.

На клеенку уже натекло много крови, кожа на руке, перетянутой на плече жгутом, стала почти белой. Я с тревогой перевожу взгляд на Андрея. Он пытается меня успокоить:

— Не переживай, это регенерирующаяся органика, потом все быстро восстановится.

Легко ему говорить. Чувствую, как подступает тошнота. Скорее бы уже закончил!

Устанавливает новые балки, закрепляет их, проверяя сильными рывками в разные стороны, от которых мне становится еще хуже. Наконец, склеивает рану чем-то полупрозрачным, похожим на гель. Закрывает разрез широкой полосой пластыря.

— Эй, ты чего? — шлепает меня по щеке, — Нехорошо?

Едва заметно киваю головой. Он вскакивает, подносит мне урну, в которую я тут же выплескиваю остатки вчерашнего ужина.

На ремонт ушло не больше десяти минут.

— Ляг, полежи, — Андрей укладывает меня на кровать, — Тошнота скоро пройдет. Ничего, так бывает.

Он снова улыбается своей широкой, притягательной улыбкой.

Я смотрю на темные стены мастерской и вспоминаю белоснежную клинику, в которой устанавливали манипуляторы несколько лет назад. Идеальная чистота, яркие светодиодные лампы, бригада заботливых специалистов...

— Это твой? — кивком головы указываю Андрею на энергоблок, сиротливо приютившийся в углу помещения, — У тебя и на спине остались следы.

— Мой, — нехотя признается парень.

— Значит, ты тоже оттуда, из города. И много нас таких в поселении?

Он присаживается на край кровати.

— Сейчас двое. Ты да я. И, кстати, я не могу снять твой горб, если ты об этом думаешь. Извини.

— Почему? — недовольно хмурюсь, поджимаю губы.

— Сама знаешь. Это не балки в руке поменять. Тут нужен нейрохирург, который грамотно отсоединит тебя от энергоблока, не оставив калекой на всю жизнь. У меня нет такого опыта.

— Но кто-то же снял его с тебя!

Согласно кивает.

— Снял. Очень хороший специалист, но ты к нему не пойдешь.

— С чего ты взял?

— Потому что он живет в городе.

С досадой сжимаю правый кулак. «Андрей прав. В город я не вернусь. Ни за что!»

— А почему отец Кирилл не хотел оставлять меня наедине с тобой?

— Он так сказал? Ха! — Андрей встает с кровати. Не переставая смеяться, начинает убирать со стола инструмент и следы операции, — Это вовсе не потому, что я тащу к себе в мастерскую каждую симпатичную девчонку. Зря ты так думаешь.

— Я не говорила, что так думаю.

— Думаешь, думаешь. Я же вижу. Дело совсем в другом, но я об этом попозже расскажу. На самом деле Кирилл хороший человек, он, вместе с уцелевшими из братства, принимает всех, кто приходит в монастырь.

— И какая у них религия?

— Да уже никакой. Но и все сразу. Здесь столько разных людей, что все перемешалось, слилось в единый организм, у которого может быть лишь одна религия — выживание. Знаешь что, тебе надо поесть. Совсем бледная, посмотри на себя!

— Да я пока не хочу...

Встаю с кровати, подхожу к овальному зеркалу, которое пересекает тонкая трещина. На меня смотрит отражение худой брюнетки невысокого роста, с прямыми волосами. Тонкие губы, щеки с ямочками, удивленно вздернутые линии бровей. Пожалуй, лишь в глазах остался тот блеск, что был когда-то давно. Теперь он стал даже яростнее, злее.

«Симпатичная девчонка. Скажет тоже!» Но от его слов внутри становится тепло и приятно.

Стягиваю волосы, перехватываю их кусочком шнура, выпрошенного у Андрея. Рэк не давал мне стричься коротко, почему-то нравился ему мой хвост.

Мы идем в столовую. В коридорах постоянно встречаются разные люди — мужчины, женщины, дети, старики. Одни обращают на нас внимание, другие проходят мимо, даже не взглянув. Все озабочены личными проблемами, но каждый старается вложить свой кирпичик в фундамент общего дела, иначе нельзя, иначе не выжить.

В столовой многолюдно. Кто-то еще завтракает, а кто-то, поднявшись ни свет ни заря, уже пришел на обед. Андрей говорит, что надо заставить себя поесть. Приносит две тарелки с отварным картофелем и скромными кусочками мяса.

— Главное — налегай на это! — пододвигает ко мне сразу два стакана с алой жидкостью, — Ягодный морс. Офигенная штука!

Удивляюсь его неиссякаемому оптимизму. Кажется, радоваться всему, что происходит вокруг, его обычное состояние.

Морс я выпиваю без остатка — оба стакана. Мясо тоже съедаю, а вот картофелины долго ковыряю гнутой вилкой, расправившись с ними едва ли наполовину.

— Так и знал.

Я поднимаю голову, вижу нависшего надо мной отца Кирилла.

— Думал уже, что решила не оставаться с нами. В женской спальне не ночевала.

— Нет, я просто... Я уснула в душе...

Он машет рукой — «можешь не оправдываться, и так все ясно». Грозит зачем-то пальцем улыбающемуся Андрею и уходит.

— Ну вот! — бросаю вилку, — Он же все неправильно понял!

— Какое тебе дело? Пусть думает, что хочет. Давай лучше прогуляемся, если ты закончила.

* * *

Андрей сказал, что они все время патрулируют окрестные леса. Из города ждать гостей не приходится, попадают лишь разрозненные группы беженцев из других регионов, ищущие пристанище, да и то все реже и реже. Но ухо следует держать остро.

С нами идут еще двое мужчин и одна девушка, они держатся чуть позади, тихо о чем-то переговариваясь. Все вооружены, даже мне вернули пистолет с заполненным магазином и еще одним про запас.

— Хотел показать тебе кое-что.

Он достает из кармана смартфон. Настоящий, работающий смартфон! Почти такой же, каким и я пользовалась когда-то. Делала фотографии, выставляя их в социальных сетях, болтала с подружками в мессенджерах, флиртвала с поклонниками... Тысячи километров тогда не могли разделить людей. Да что километров! Световых лет! Волной накатывают воспоминания. Наваждение такое сильное, что приходится закрыть глаза и глубоко затануться лесным воздухом, чтобы отогнать его.

Андрей показывает мне фото.

— Не знаешь его? Может, встречала там, в городе? Видела где-то случайно?

Внимательно рассматриваю картинку, отрицательно мотаю головой. На фотографии улыбающийся парень, немного постарше меня. Он стоит, положив руку на плечо Андрею, на фоне развалин монастыря.

— Нет, не припоминаю. Да там ведь много кого видишь каждый день, всех запомнить нереально.

Он уже разочарованно убирает смартфон обратно, когда я вдруг замираю на месте.

— Стой! Покажи еще раз.

Андрей включает гаджет, заходит в галерею, находит нужную фотографию.

Ну конечно! Я и не могла его сразу вспомнить — такого веселого, уверенного в себе. Живого. В памяти лишь остекленевшие глаза, уставившиеся в потолок гаража. Невольно притрагиваюсь к серой коробочке на затылке.

— Прерыватель...

— Что?

— Я заменила аварийный прерыватель, иначе бы мне не сбежать.

— Это понятно. А что с парнем? Ты его видела?

«Наверное, он его друг. И как мне сообщить об этом? Как сказать?»

Смотрю Андрею в глаза.

— Это его прерыватель. Я сняла его... с мертвого.

Улыбка, которая кажется неотъемлемой частью Андрея, вдруг тускнеет, исчезает.

— Уверена?

Киваю, опустив взгляд.

Он идет дальше, не пытаясь снова заговорить. И я не лезу с вопросами, хотя очень хочется знать — кем был этот парень, почему все-таки отец Кирилл не желал оставлять меня наедине с Андреем, что тут вообще происходит?!

Через несколько часов мы возвращаемся к монастырю. Регенерирующаяся органика действительно быстро заживает: микрочип в манипуляторе решил, что болевые сигналы ниже критического порога и теперь я чувствую ноющий, залепленный пластырем разрез. Хорошо. Боль — это хорошо.

На спуске с холма, где виднеются каменные глыбы монастырских развалин, один из парней вскидывает руку, подзывает к себе остальных. Мы подходим к нему, останавливаемся у едва заметной цепочки следов, отпечатавшихся в грязи.

— Кто-то из наших?

Андрей приседает на корточки, пожимает плечами.

— Может быть. А может и нет.

Идем по цепочке, пока она не теряется в траве. Сохраняя направление, натываемся на место, где трава примята. Это на краю пригорка, тут можно лечь, оставаясь незамеченным, наблюдать за поселком в долине. Парни настороженно переглядываются.

— Тэфл, иди вниз! Скажи Кириллу — пусть созовут людей, чтобы на поверхности никого не осталось. И отправят сюда еще человек пятнадцать с оружием! А мы пока попробуем найти остальные следы.

Парень срывается с места, устремляясь вниз, к бывшей армейской базе, где, среди едва заметных бункерных верхушек, видны шевелящиеся точки.

Расходимся цепью, высматривая на земле, в траве, среди каменной крошки развалин отпечатки чужих башмаков.

— Есть! — вскрикивает девушка, идущая крайней слева.

Следы не слишком четкие, порой они прерываются, теряются среди других, оставленных местными жителями, но мы снова и снова находим цепочку, упрямо направляющуюся в сторону леса. Кто-то пришел оттуда, наблюдал за поселением, не спускаясь с холма, а потом пошел обратно. Более очевидных доказательств враждебных намерений сложно придумать!

Идем быстро, порой переходя на бег.

— Если это один из охотников — дело плохо! Раньше они сюда не добирались. Видно, расшевелила ты осиное гнездо, Вера-Ника.

Андрей говорит едва слышно, так, чтобы слова долетали только до тех, кто рядом.

— Ох, чувствую, просекли они фишку с подменной прерывателей!

В лесу следы теряются окончательно. Никого это не смущает: теперь идем широко разбежавшись в стороны, почти до границ визуального контакта. Мы с Андреем по центру, парень справа от меня, девушка слева от Андрея. Время от времени я смотрю по сторонам, стараясь не отстать от остальных, не забежать вперед.

Грохот первого выстрела, прокатившийся по лесу, заставляет вздрогнуть. Это чуть левее: видимо, наша девчонка вышла на чужака! Устремляемся к ней. Девушка сидит, прислонившись к дереву, прижимает ладонь к плечу. Зеленая рубашка под ее рукой наливается красным.

— Сидел в засаде. Видно надеялся, что я одна, — быстро говорит она, — Туда побежал!

Нас остается трое, но враг где-то рядом, в пределах досягаемости, нужно лишь поднажать! Чувствую, что во мне просыпается азарт: раньше я ничего подобного не испытывала. Кто бы это ни был — носитель с хозяином на плечах, свободный охотник или хоть сам черт — он часть враждебного мира, который я ненавижу всей душой, который отнял у меня дом, близких, заставил чувствовать себя чьей-то собственностью.

Вдруг понимаю, что не слышу и не вижу никого. Азарт сыграл со мной злую шутку. Останавливаюсь, стараюсь успокоить дыхание. Поворачиваюсь на все триста шестьдесят градусов, внимательно ощупывая взглядом мшистые стволы деревьев. Не притаился ли кто-то за ними? Может, за этим? Или за тем? Как бы не попасть в своего.

Щепки разлетаются в стороны, царапнув меня по щеке — пуля-дура промахнулась сантиметров на двадцать. Между выстрелом и попаданием не было промежутка, значит, стрелок совсем рядом!

Еще один «ба-бах!», разлетающийся эхом по лесу. На этот раз выстрел с другой стороны и не в меня. Кто-то из наших угадал, где прячется чужак, выкурил его, заставляя спасаться бегством. Теперь я вижу его!

Глава 6. ПОД КОЛПАКОМ

Плечистый, высокий мужик. Он из свободных — на спине нет горба. Бежит большими прыжками, перескакивая через кочки, разрывая телом заросли кустов, словно это не переплетение колючих веток, а цветочная клумба.

«Нет уж, дорогой! Будь ты хоть самым быстрым бегуном на Расцветающей, я не дам тебе уйти!» Преследую его, пересекая наши траектории, догоняя справа. Я хоть и небольшого роста, но гораздо легче, а тренированные ноги позволяют держать темп. «Не уйде-ешь...»

Мелькнула мысль поднять оружие, выстрелить на ходу. Нет. Очень хочется взять его живым! Сжимаю зубы, делаю над собой усилие, ускоряясь еще больше, не обращая внимание на свист в легких и бешено стучащее сердце. Это дело принципа. Мы люди — он и я, но он выбрал добровольную службу захватчикам. И теперь нельзя уступить, показать, что не покорившиеся хоть в чем-то проигрывают эйнерским лакеям!

Он не оглядывается, но по звуку моих шагов, близкому дыханию, чувствует, что я настигаю его, приближаюсь с правой стороны. Делает резкий скачок в сторону, через несколько метров в другую, надеясь запутать меня, заставить проскочить мимо и потерять время на разворот. Как же он удивлен, когда все-таки оглядывается и видит девчонку, уже догнавшую его, налетающую с криком и перекошенным от злости лицом!

На моей стороне лишь эффект внезапности, надеяться на победу в рукопашной не приходится. Да, остальные скоро подоспеют на помощь, но они отстали и за минуту-другую он может со мной справиться. Поэтому, кинувшись на охотника, я не жалею сил: усиленная левая с размаху врезается предплечьем ему в голову.

Мужик падает, перевернувшись в воздухе, но тут же вскакивает. В лицо ему уже направлен пистолет. Не сомневаясь ни секунды я нажимаю на спусковой крючок, отправляя пулю чуть выше головы охотника.

— Брось... оружие! — слова даются с трудом, грудь быстро вздымается и опускается, наполняясь лесным воздухом.

Он зло смотрит в черную, круглую пасть моего оружия, готового в любую секунду плюнуть новой порцией свинца. Позади слышен шум — наши уже совсем близко. Смирившись, он бросает на траву длинноствольный пистолет.

Запахавшийся Андрей останавливается рядом, тут же подбегает и его товарищ, который глядит на меня, не скрывая изумления.

— Дура ты, что ли? Вера-Ника? — мастеровой смотрит, как я сжимаю и разжимаю пальцы, встряхиваю рукой, проверяя ее работоспособность, — Зачем левой била?

— А что мне, правой прикажешь?

Не спрашиваясь, поднимает мою ладонь, закатывает рукав, внимательно изучая пластырь и просвечивающую под ним линию разреза. Кажется, все в порядке. Андрей качает головой, отпускает меня.

— Не нужно напрягать руку, хотя бы дня два-три. Поняла?

— Поняла, — тихо ворчу я себе под нос.

Чужака пришлось скрутить ремнем от автомата, снятого с оружия Андрея. Мы конвоируем его, окружив со всех сторон. Я иду сзади, помогая раненой девушке. Мы ее перевязали, но от кровопотери она побледнела, с трудом переставляет ноги. Ничего, осталось уже недалеко! Скоро встречаемся еще с одной группой, шедшей нам на подмогу: Андрей отправляет их в лес — прочесать окрестности. Вдруг охотник был не один?

* * *

В комнате трое: я, отец Кирилл и Андрей.

— Вот это как раз то, о чем я и говорил! — настоятель разрушенного монастыря грозит нам обоим пальцем, — То, из-за чего не хотел оставлять тебя наедине с...

Кивает головой на Андрея, грозит теперь уже только ему, но не пальцем, а кулаком.

— Стоило ненадолго оставить без внимания, и ты уже скачешь по лесу, преследуя охотника за головами!

— Так поймали же, — тихо замечаю я.

— Поймали... А если бы вас поймали? Что, если бы он был не один? Нет, я все понимаю! — он вскидывает ладони, словно защищаясь, — Сам дурак — привык, что место спокойное, охотники сюда не забредают, тишь да гладь! Ну, думаю, что тут с девчонкой случится? Она ж не будет никуда выходить. Пусть отдохнет, оклемается денек-другой от городской жизни, а там уж и с расспросами...

Все это время он нервно расхаживает по комнате, но сейчас подходит ко мне вплотную, наклоняется ближе.

— Ты хоть понимаешь, дуреха, сколько здесь, — легонько тыкает мне в голову пальцем, — полезной информации? А? У нас сто лет не было пришлых из-за стены!

— Девятнадцать месяцев, — поправляет его Андрей.

— Мы понятия не имеем, — продолжает Кирилл, — что там происходит. А это важно! Очень важно! Если хочешь — жизненно важно для всей общины.

— Спрашивайте, я ведь не против. Что знаю — расскажу.

— Вот пусть он с тобой теперь разговаривает, как самый умный, — лицо отца покраснелось, он садится на стул, наливает из графина воду, выпивает целый стакан, шумно глотая.

Андрей какое-то время смотрит на него, слегка улыбаясь, потом поворачивается ко мне.

— Видишь ли, Вера, у нас тут, как бы это сказать... Ячейка образовалась. Из наиболее активных.

— Иногда излишне активных, — поддакивает Кирилл.

— Сопrotивление, что ли?

— Да вроде того, — Андрей улыбается еще шире, — Но всех мы вовлечь не пытаемся, чтобы секретность хоть какую-то сохранить, да и не все готовы к такой работе.

— Я лично вообще никакого отношения к этому не имею, — на всякий случай поясняет Кирилл,
— Мое дело — благополучие поселения.

— Да, но отца мы держим в курсе, — оглядывается на него Андрей, — Все-таки действия надо согласовывать.

— Чем же вы занимаетесь? Готовите восстание?

— До этого, пожалуй, далековато. Сейчас самое главное — работа на территории противника. Вот только от тех людей, которые поставляли нам информацию, уже полгода нет вестей. Одним из связных был тот парень... Валерка.

Андрей мрачнеет.

— У которого ты прерыватель сняла. Хороший человек, надежный. Не знаю — раскрыли они его, или еще что случилось, но, в общем, теперь мы только на себя надеяться можем, — помолчал секунду,
— И на тебя.

Он смотрит мне в глаза и я не могу понять: то ли сомневается, то ли хочет уговорить этим честным, пытливым взглядом серых зрачков. А может, это проверка? Вдруг что-то подозревает? Думает — случайно ли оказался их связной в том гараже, в одно время со мной? Но пересилить себя я не могу.

— Обратно в город не вернусь, — говорю едва слышно, как ребенок, испуганный посещением стоматолога, — Думайте про меня, что хотите.

Андрей вздыхает, встает со стула, наливает себе воды в кирилловский стакан.

— Нам нужно найти их слабые места, понимаешь? Не может быть, чтобы цивилизация, пусть даже машинная, была бы совсем неуязвима. Нужно изучить их как можно лучше — психологию, мотивы, возможности. Мы должны знать их, как облупленных!

Я ничего не могу ему ответить. Сижу, уставившись в одну точку.

— Ну хорошо, — Андрей отряхивает рубашку, будто не в его голове засели самые важные мысли, а прилипли к этой клетчатой ткани и не дают теперь заниматься чем-то более прозаическим, — Расскажи о том, что было с тобой в городе.

Я не хочу рассказывать, снова переживать эти страшные три года, пропускать их через себя. Не хочу, но все же начинаю говорить — отрешенно, почти с одной и той же интонацией, будто и не со мной все это происходило, а с кем-то другим.

— Многих убили в первый же день. За остальными гонялись на механических ходоках — потом эйнеры почти перестали ими пользоваться, пересели на людей. Нас вылавливали, как животных, стреляли парализаторами. А потом... Потом по живому стали врезать нам энергоблоки...

Говорю долго — может, часа три, а может и больше. В какой-то момент Андрей достает блокнот, начинает записывать. Отец Кирилл приносит из столовой еды. Мы молча едим, прерываясь лишь на пятнадцать минут, и я продолжаю.

Выговорившись, чувствую себя опустошенной. Мы оставляем комнату, идем в мастерскую. Сама напросилась — не хотела в женскую спальню, где много народу, чужих взглядов.

— Можешь переночевать, я не против. Поместимся вдвоем. Но если хочешь, лягу на полу.

Заставляю себя улыбнуться.

— Не надо на полу. Я же не оккупант какой-нибудь.

Но кровать в мастерской уже захвачена: на ней разлегся, вытянувшись на всю длину, черно-белый кот.

— Так, а вас сюда звали?

— Мяу!

Андрей отодвигает его в сторону, но не прогоняет. Одна лапа у кота забинтована.

— Что с ним?

— Выдрал себе пару когтей. Суется, куда не следует, вот и... Ничего, заживет! Кстати, о лапах.

Он еще раз проверяет мою руку.

— Завтра перевяжу. Больше не бей залетных охотников, не порти мою работу! Пользуйся, вон, — кивает головой на мой пистолет, — своим трофеем. Тебе еще повезло, что оружие современное, не антиквариат какой-нибудь. Весит всего ничего, даже с полным магазином. У кого отняла-то?

— У Рэка.

— Рэка?

— Это мой хозяин. Бывший. Даже не отняла, он сам приказал взять. Я ведь рассказывала — собирался моими руками делать выбраковку товара. А может даже надеялся, что сама стану стрелять. Сволочь...

Андрей начинает рассказывать какой-то смешной случай, наверное, чтобы сменить тему. Ну и правильно. Хватит на сегодня моих воспоминаний.

Мы ложимся спать втроем — я, он и кот. В ночной тишине, нарушаемой лишь звуком работающей вентиляции, слышно, как кот лижет забинтованную лапу, старается снять повязку...

Мне снится болото. Туманное, вонючее болото. Я вдруг понимаю, что нахожусь где-то в глубине трясины, в кромешном мраке, где слышны лишь странные, булькающие звуки. Воздух не нужен, прекрасно обхожусь без него, но энергия медленно иссякает. Когда-нибудь она закончится и я останусь в ждущем режиме. Может быть, навсегда. Пока агрессивная жидкость не разъест металл, не проникнет внутрь организма. Проклятый человек, утопивший меня! Надеюсь, что я все-таки выберусь и приду за тобой!

Просыпаюсь, вскакивая в темноте мастерской, жадно хватая ртом воздух. Прижимаю руку к груди, будто это может успокоить сердцебиение. Перед моим взглядом еще стоят сверкающие объективы камер на металлической морде. Жмурюсь, снова открываю глаза, часто моргая. Что за сон? К чему он? Я не должна испытывать мук совести из-за того, что утопила эту тварь! Пусть даже она еще жива, там, в глубине болота, придавленная тонной ила и своим носителем. Любой эйнер заслужил это!

Рядом мурчит кот, я глажу его, постепенно успокаиваясь. Ложусь, обнимая Андрея, прижимаюсь к нему теснее. Он обнимает меня в ответ. К счастью, до конца ночи сновидения больше не посещают меня.

Утро приходит не сразу, оно разливается тягучим сладким сиропом, позволяя потягиваться, раскрываясь, и снова зарываться под одеяло, заштопанное в нескольких местах... Вставать не хочется. Это не просто лень, это свобода! Настоящая свобода — подниматься не по чьему-то приказу, а когда решаешь сама! Знаю, что на моем лице сейчас блаженная улыбка.

В постели я одна, Андрея рядом нет. Даже кот куда-то ушел. Заставляю себя сесть, открыть глаза. Парень сидит за столом, на голове у него устройство с окулярами, которые он время от времени подстраивает, чтобы лучше видеть электронные потроха. Он ковыряется в них тонкими металлическими инструментами.

— С добрым утром! Что ты делаешь?

— А, привет... Как спалось? — он даже не поворачивается в мою сторону, так сосредоточен на работе.

Я встаю, подхожу ближе. Штуковина, которую Андрей препарирует, кажется мне до боли знакомой. Я вскидываю руку, начинаю ощупывать затылок.

— Черт, ты снял с меня прерыватель!

— Да-а... — медленно отвечает он, по-прежнему уткнувшись в миниатюрные микросхемы, — Всю коробку снял.

— Но это... Это же моя...

— Она не часть твоего организма. Ты что, против? — он наконец отрывается от работы, поднимает окуляры.

— Мог бы хоть спросить, прежде чем что-то выдергивать из меня!

— Вер, с этими прерывателями не все понятно. Нужно разобраться.

— Что с ними не так? Просто признайся — ты мне не доверяешь! Да? Думаешь — почему это я оказалась рядом с твоим другом, что за странное совпадение? Но это на самом деле совпадение! Случайность, понимаешь?!

— Успокойся, я ни в чем тебя не виню.

Злость вдруг переполняет меня, подступает к самому горлу.

— После того, через что мне пришлось пройти... Видеть недоверие в твоих глазах...

Отворачиваюсь, хочу ударить кулаком по стене, но нахожу в себе силы сдержаться.

Андрей позади вздыхает.

— Я просто хочу понять, что и как работает. Ты не первая, кто обманывает эйнеров подменой, и до сих пор мы были уверены, что функция аварийного прерывателя — отключение человека в случае опасности для хозяина. Но мы также знаем, что эти устройства программируются под каждого носителя индивидуально. Зачем? Ведь гораздо проще и надежнее сделать универсальный, одинаково подходящий для любого энергоблока, правда?

Я задумываюсь, разворачиваюсь к нему.

— Видимо, они надеялись, что никто не сможет самостоятельно, без специальных знаний и навыков, снять эту коробочку, вскрыть, заменить прерыватель, а потом еще и не глядя установить ее на место. Поверь, это нетривиальная задача!

— Тут ты права. И все же я подозреваю, что они специально не делают универсальных устройств, каждое программируют индивидуально. Боюсь, что прерыватели имеют еще какие-то неизвестные нам функции.

Он понимает, какой напрашивается ответ, но молчит, не желая мне подсказывать. А я долго не решаюсь произнести это вслух.

— Удаленная телеметрия? Если бы это было так, они бы все время знали — где я.

Андрей по-прежнему молчит, смотрит мне в глаза, лишь чуть-чуть склонив голову набок. Не выдержав его взгляд, я отворачиваюсь. Отвечаю сама себе едва слышно:

— Если они знают, где я, и до сих пор не напали, не разбомбили все поселение, значит... Все было так и задумано? Мой побег подстроили сами хозяева?! Это... Это невозможно! Разыграть такой спектакль, пожертвовав своими...

— Ты же понимаешь, что с момента подмены тебе чертовски, фантастически везет! Разве так бывает на самом деле? Ты бы не дошла даже до стены.

От злости не остается и следа, в душе лишь отчаяние и липкий страх. Мне жутко: я понимаю, что на самом деле не свободна и ни разу не была свободной с того момента, как подменила в гараже маленькую пластинку! Я до сих пор под наблюдением, и все эти люди, которые сейчас меня окружают, которые приютили меня в своем доме, из-за меня же оказались под колпаком.

Андрей касается моего плеча.

— Не сходи с ума. У нас нет стопроцентной уверенности, что эти выводы верны.

— Ну да, уверенность процентов девяносто, не больше. Это совсем меняет дело!

— Даже если так... Они ведь и правда не нападают, чего-то ждут. Значит, у нас есть время. Я не знаю сколько, но есть. А то, что мы обо всем догадались, дает нам преимущество. Мы можем играть на опережение!

В глазах у него светится тот азарт, который был и у меня накануне, в лесу. Тогда он чуть не загнал меня в ловушку.

— Я должна уйти из монастыря!

— Конечно, — он соглашается с такой готовностью, что я даже приоткрываю рот от удивления,
— Мы должны уйти. И я знаю — куда!

Глава 7. ВДВОЕМ ЧЕРЕЗ ЛЕС

Неизвестно, когда нападут эйнеры. Может, они уже отправили сюда карательный отряд, или того хуже — подняли орбитальный бомбардировщик. Любое промедление смерти подобно, поэтому решение уходить даже не обсуждается. У нас нет сомнений, нет желания «еще немножко подумать».

Андрей рассказывает об этом только отцу Кириллу: остальным, даже друзьям, входящим в ячейку сопротивления, знать необязательно. Отец не пытается остановить нас, разрешает взять запас

еды — столько, сколько нужно, сколько сможем унести. Андрей сказал, что идти придется долго, несколько недель, может быть месяц. Я вижу, что Кирилл мрачнее обычного, он предчувствует беду и с радостью сам объявил бы общую эвакуацию. Но идти им некуда. Без укрытия, без продовольственных складов община будет обречена.

Я бросаю последний взгляд на долину, в которой приютилась едва заметная армейская база, ставшая теперь монастырем и одновременно поселением для свободных — возможно, единственным на всей планете. Андрей не оглядывается, он спешит уйти как можно дальше. Думаю, ему тяжелее расставаться с этим местом, чем мне.

— Где ты была так долго, Ника? Я ждал у выхода минут пятнадцать.

— Хотела попрощаться кое с кем.

Он ухмыляется.

— Ну и как? Не нашла, да? Он сбежал. Опять...

— Роб? Сбежал?

— Что-то украл или надебоширил — не знаю точно. Не стал дожидаться гнева отца Кирилла, смотался. С Тошим это уже не первый раз.

«Жаль. Пожалуй, он единственный человек, с кем мне хотелось еще раз увидеться. Теперь уж вряд ли получится».

Начинает накрапывать нудный, мелкий дождик. Я чувствую, как вездесущая влага проникает между спиной и энергоблоком. Знаю, что не замкнет, но все равно неуютно. Прерыватель мы вернули на место еще в мастерской — если он и правда сигнализирует о моем местонахождении, то пусть показывает, как я уйду в сторону от монастырских развалин. Позже мы его вытащим, но не раньше, чем отойдем на безопасное расстояние: надо хотя бы попытаться отвлечь внимание хозяев от места, где живут люди.

— А что с охотником? Которого вчера поймали?

— Фанатик, — Андрей отмахивается от моего вопроса, как от назойливой мухи, — Такие бывают на любой войне, у любого народа. Только он фанатично предан врагу, а не своим. Видать, лихо его обработали в городе! Не удивлюсь, если и в мозгах поковырялись, эйнеры на это дело мастера.

— Совсем ничего не удалось узнать?

— Ну почему же совсем? Кое-что узнали, — он достает из кармана небольшой прямоугольник плотной бумаги, помятый в нескольких местах, — Нашли у него в одежде, когда обыскивали второй раз, уже в бункере.

Я протягиваю руку, беру прямоугольник и... останавливаюсь. Это моя фотография. Кажется, скриншот взгляда хозяина — камера, запечатлевшая кадр, находится чуть выше моей головы, на уровне глаз эйлера, сидящего на человеке. Позади виден знакомый гараж, а на моих плечах плюшевый медвежонок — Рэк. Переворачиваю картинку. С обратной стороны кусочек карты, схематично обозначающий маршрут от города к поселению.

— Почему сразу не сказал?

— Мне только утром принесли. Да и какая разница? Даже без этой подсказки, — он указывает на фото, — понятно, за кем и почему шли охотники. Они вели тебя и должны были загнать к монастырю.

— То есть они и до этого знали, где поселение?!

— Выходит, что знали.

— Тогда я вообще ничего не понимаю... — переворачиваю фото с одной стороны на другую, потом обратно, стараясь постичь непостижимое, — Слушай, нам надо... Надо вернуться! Рассказать все отцу Кириллу!

— А то он сам не догадался. Идем дальше.

Дождь постепенно усиливается. К счастью, он не холодный и даже в промокшей одежде можно спокойно идти, хоть это и неприятно. Я продолжаю перекачивать мысли в голове, стараясь собрать из них хитрую мозаику, но ничего не получается, всегда недостает какого-то элемента, а другие, кажется, занимают не свои места.

— Они все обречены, — от досады и бессилия сжимаю кулаки, — Там, в монастыре. За ними все равно придут. Не сегодня, так завтра. Я не понимаю, почему эйнеры узнали о местонахождении поселения и не уничтожили его сразу, но так не будет продолжаться бесконечно. Андрей, мы могли бы остаться с другими, помочь им.

Поворачиваюсь к нему, но он не хочет на меня смотреть. Упрямо идет вперед, уставившись куда-то вдаль.

— Там сейчас на счету каждый человек, способный держать в руках оружие! — не унимаюсь я.

— С нами или без нас — случится то, что случится. Мы не можем им помочь. Если Кирилл найдет возможность покинуть поселение, увести куда-то людей — хорошо, желаю им удачи. И лучше будет, чтобы тебя с энергоблоком, — он кивает на треклятый горб, — в этот момент рядом не было. Ясно?

— Но мы же знаем, что прерыватель можно вынуть и тогда нас не смогут...

— Мы сейчас ничего не знаем! — перебивает уже со злостью, нетерпением в голосе, — Поэтому нужно уходить как можно дальше. И закончим этот разговор, Вера-Ника.

Я не пытаюсь оспорить его лидерство в нашей маленькой группе, но остается неприятный осадок, обида, а в сознании поселяется червячок сомнений.

Дождь льет весь день и, когда с наступлением темноты небо наконец проясняется, мы останавливаемся, чтобы с наслаждением обсохнуть у костра. Слов немного, каждый думает о своем. Совсем запутавшись в догадках, я оставляю их, отпускаю на волю. Нельзя бесконечно думать об одном и том же. Тем более, что за меня неплохо думает Андрей: по его сосредоточенному лицу понятно, что он сейчас собирает ту же мозаику.

Проходит еще один день, потом другой. После размолвки наши отношения стали налаживаться: лучше не злиться на человека, с которым постоянно находишься рядом, это выматывает, сводит с ума. Да и сложно быть в обиде на Андрея — достаточно увидеть его широкую, добродушную улыбку, чтобы растаять и улыбнуться в ответ.

Он старается экономить еду, поэтому охотится на мелкое зверье. Не сказать, чтобы очень удачно, но пару раз ему удавалось подстрелить из самодельного лука местных зайцев. Тихое оружие всегда предпочтительнее, если стараешься не привлекать к себе внимание.

Мы уходим все дальше и дальше вглубь леса. Я не чувствую, чтобы нас кто-то преследовал; вокруг тишина, нарушаемая лишь естественными звуками — шумом ветра в кронах деревьев, криками птиц, журчанием ручья... Сложно представить, что где-то есть пыльный город, улицы которого провоняли, заросли помоями, а люди поработаны захватчиками с других планет. Война не напоминает о себе разрывами бомб, воем энергетического оружия и сухим кашлем стрелкового, но она продолжается. В мыслях повстанцев, в их делах, в желании найти уязвимое место врага. И в моем сердце тлеет, продолжает накапливаться ненависть. Ждет своего часа.

* * *

Ночью опять снится болото. На этот раз без чужих мыслей, всплывающих из глубин моего подсознания, без жутких видений. Просто болото. Блюдца черной воды, затянутые зеленой тиной, будто укоряют меня в совершенном злодеянии. Мне хочется крикнуть им в ответ, что я все сделала правильно, что это был отвратительный эйнер, уничтожить которого не преступление, но крик застревает в вязком воздухе, тонет в нем не хуже, чем в трясине. Я отступаю, бегу прочь, но вокруг одно и то же болото, убежать от которого невозможно. Оступаюсь и одна из черных луж заглатывает меня...

— Что с тобой?

Андрей трясет меня за плечо.

— Ты кричала.

Рядом тлеют угли догорающего костра, над нашими головами раскинулась чаша звездного неба, окаймленная верхушками деревьев.

— Плохой сон, — я убираю с плеча его руку, достаю фляжку, чтобы выпить воды, — Просто плохой сон.

Мне не хочется рассказывать Андрею о том, что приснилось, хотя он и смотрит на меня выжидающе.

— Давай поспим еще немного, до рассвета есть время, — обнимаю его, увлекая обратно на постель из хвойных веток.

Мы лежим рядом, уставившись на звезды. По небосклону, пересекая его с востока на запад, быстро движется мерцающая звездочка. Один из спутников, оставшихся со времен освоения? Или космический корабль? Чей?

Я закрываю глаза, снова засыпаю.

Андрей очень уклончиво рассказывает мне о том, что представляет собой цель нашего путешествия. Вроде как там опорный пункт, скрытый от посторонних глаз, где живут еще несколько человек из сопротивления. Где он находится, что это за люди и чем они там занимаются — Андрей не говорит. Он подозревает, что в городе узнали о монастыре от одного из схваченных связанных и теперь боится, что то же самое может случиться с любым из нас. Чего не знаешь, того не выдашь.

Сегодня опять пасмурная погода, прохладно. Мы уже два часа идем вдоль русла бурной реки, выискивая место для переправы. Ужасно не хочется лезть в воду, но перебраться на другой берег, перескакивая с камня на камень, вряд ли удастся. В конце концов останавливаемся напротив излучины, где русло совершает поворот, сильно сужаясь. Поток здесь сильнее, но и больших валунов, на которые можно забраться, уцепиться за них, если будет надобность, гораздо больше. Расстояние тоже имеет значение — чем ближе другой берег, тем лучше.

Он обвязывается веревкой, другой конец отдает мне.

— Сама завяжешь? Или помочь?

— Справлюсь.

Это не бахвальство, не глупое упрямство, я на самом деле могу завязать надежный узел — детство на ферме не прошло даром.

— Ты это делал раньше? Переправлялся с кем-нибудь через такую реку?

— Пару раз.

«Что ж, пару раз — лучше, чем ничего».

Первый шаг в ледяную воду и ботинок полностью скрывается в бурлящем потоке. Перехватывает дыхание, хочется рвануть назад, но поздно — Андрей тащит меня за собой. Дно под ногами проваливается все глубже и глубже, заставляет погружаться сначала по колено, потом по пояс. Быстрая река норовит опрокинуть, утащить вниз по течению.

— Крепче держись! — Андрей оборачивается, смотрит на меня с тревогой, но я, хоть и упираюсь в каменное дно из последних сил, не подаю виду.

Волна перехлестывает, окатывает с головой. Дошли почти до середины, а оставшийся путь все еще кажется нескончаемым! Чувствую, как подошвы скользят по булыжникам, облизанным водой за десятки, сотни, может быть тысячи лет. Доходим до огромного валуна, к которому можно прислониться спиной, передохнуть. Но долго стоять нельзя, вода пробирает холодом до костей. Нужно двигаться дальше!

Андрей делает шаг и тут же проваливается, скрываясь в пенных бурунах с головой — наверное, сразу за камнем была донная яма. Его подхватывает потоком, несет прочь, не давая опомниться, и лишь веревка, моментально натянувшаяся как струна, останавливает. Меня прижимает к валуну. Понимаю, что может утащить следом, но упираюсь, хватаю веревку и начинаю тянуть к себе.

— Отвяжись! И тебя затащит, дура! — его голос едва слышен из-за шума воды.

Скрипнув зубами, продолжаю тащить. Медленно, переложив усилие на левую руку, правой едва помогая. Андрей хватается за каменный выступ. Еще мгновение и он, тяжело дыша, выбирается из объятий стремнины, прижимается спиной к камню.

Река по-прежнему шумит вокруг, набегая волнами. Конечности ломит от холода и я уже желаю, чтобы чип снова отключил болевую реакцию. Нужно идти. Все равно нужно! Прямо сейчас, не медля

ни секунды! Поворачиваюсь к Андрею. Он молчит — сам все понимает. Кивнув головой, снова делает шаг, теперь чуть в сторону, осторожно ощупывая дно ногой.

Метр за метром, с короткими передышками, мы все-таки выбираемся на другой берег. Я падаю почти сразу, валюсь прямо на камни. Андрей проходит чуть дальше, опускается на колени, отплевываясь, откашливая попавшую в легкие воду. Сбрасывает с плеч рюкзак. Хорошо ему, я свою ношу скинуть не могу. Вся одежда на нас промокла до нитки, ее надо немедленно снимать и просушивать, но мы несколько минут не двигаемся, пытаюсь прийти в себя.

— Вот и помылись... — он улыбается своей фирменной улыбкой.

Я смеюсь, хотя смех больше похож на кашель. Крою своего приятеля отборными ругательствами, потом встаю, неуверенной походкой подхожу ближе. Он тоже поднимается, обнимает.

Огонь разводим подальше в лесу, где нет холодного ветра. Неприятно сидеть совсем без одежды, когда вокруг ни стен, ни укрытия, одни деревья. Человеку вообще претит чувство незащищенности. Но это лишь ощущение, которое можно игнорировать. Главное, рядом тот, кто готов прийти на выручку, да еще у каждого свой помощник с патронами в магазинах.

— Как началась война? — прижимаюсь к напарнику боком, чтобы было теплее, — Я имею в виду не здесь, на Расцветающей, а там, в космосе. Ты знаешь?

Андрей почему-то хмурится, словно ему неприятна эта тема.

— Менсо, — медленно произносит он, — Изначально это была война между людьми и менсо.

— Странно. Я что-то слышала об этом, но... Все равно странно. Мы всегда жили с ними в мире. Ведь, в сущности, они так похожи на нас! Не сравнить с эйнерами.

— Нас больше, намного больше. Но менсо опережают нас в развитии. Пусть не сильно, но опережают. У них лучше оружие, космические корабли. А война... Все дело в том, что люди стали проникать в их миры, селиться рядом с ними, не слишком считаясь с правилами и культурой. Перетянули на себя часть торговли, раньше принадлежавшей менсо... Недовольство росло и в какой-то момент — бах! Небольшой конфликт перерос в полномасштабное противостояние.

Я внимательно слушаю. На Расцветающей, расположенной где-то у окраин обитаемого космоса, люди не интересовались событиями в метрополии. Как это часто бывает, война свалилась на нас, словно снег на голову. Я мало что знала о ее причинах.

— Они правда на нас похожи. Внешне, да и внутренне — от человека не отличишь. И за последние несколько десятков лет обе культуры здорово переплелись, — Андрей усмехается, — Ты же знаешь, даже имена у людей — через одного попадаетея менсианское. И на их языке они тоже называют себя людьми, а свою планету Землей. Ну, тут ничего удивительного: земля — это то, что у тебя под ногами.

Он снова мрачнеет.

— Они бы задавили нас техническим превосходством. Но кто-то очень умный на Земле — на нашей Земле — решил, что будет неплохо привлечь сильного союзника.

Тут он замолкает. Желваки на его скулах напрягаются, в прищуренных глазах читается непонимание и ненависть к «кому-то умному».

— Андрей, ты что, хочешь сказать, что эйнеры были нашими союзниками?!

На моем лице искреннее изумление.

— Были. Пока не расправились с менсо и не сели на спину нам самим.

Он подкидывает ветки в огонь, шевелит костер, чтобы пламя не затухало.

— Я прилетел на Расцветающую за год до вторжения. До этого мотался, как перекасти-поле — то на одной планете, то на другой. Все на моих глазах менялось: начало войны, поражения, потом помощь от эйнеров и интервенция уже в наши миры... Хочешь вкυσняшку?

Протягивает мне печенье, прихваченное в поселении.

— Спасибо.

— Ты не унывай. Уязвимость у них все равно найдется. Не мы, так кто-нибудь другой обнаружит!

Я киваю головой, хоть и не могу до конца поверить его словам. Должно случиться чудо, чтобы мы выиграли эту войну. А в чудеса я не верю. Уже года три.

* * *

Утром Андрей долго листает карту на смартфоне, то и дело оглядываясь по сторонам. Мне становится смешно: он похож на туриста, который заплутал в незнакомом городе. Только вокруг не дороги и здания, а деревья, деревья, деревья...

Подходит ко мне.

— Думаю, нам пора снять прерыватель. Ушли уже довольно далеко и теперь стоит проверить — под колпаком мы или нет. Пусть попробуют найти без своей телеметрии!

Он отсоединяет от моего энергоблока серую коробочку, прячет ее в рюкзак. Выдвигаемся в том направлении, которое указал Андрей после совещания с электронной картой.

— Проверь оружие.

— Зачем?

Он смотрит на меня, слегка покачивая головой. Достая пистолет, вынимаю магазин, вставляю обратно. Щелкаю предохранителем. Вижу, что и мой напарник скинул с плеча автомат, несет его в руках, держа наперевес. Все это кажется мне излишним. До тех пор, пока сзади, за нашими спинами не раздается вой.

Глава 8. УО-О-О-У-У-У!

Я слышала такое однажды, в захваченном городе, когда один из эйнеров врубил свою сирену, поднимая тревогу.

— Уо-о-о-у-у-у!

От звука и страшных воспоминаний по коже пробегает озноб, ужас сковывает движения. Андрею приходится кричать на меня, чтобы привести в чувство.

— Бежим! Быстрее!

В который раз за последние дни приходится спасаться бегством... Почувствовав себя однажды охотником, не жертвой, я не хочу возвращаться к прежней роли, но опасность гонит нас вперед и некогда вспомнить о гордости, о том, что лучше встретиться с врагом лицом к лицу, чем снова и снова отступить.

Вой раздается уже с двух сторон: нас пытаются окружить, зажать в клещи. Несемся сломя голову через лес, добегаем до склона, поросшего кустарником, начинаем спускаться. Через несколько мгновений мы уже на дне оврага, а впереди подъем, который кажется слишком крутым. Поворачиваем в сторону. Андрей успевает смотреть вверх, в поисках удобного места для подъема, и оборачиваться назад, чтобы вовремя заметить преследователей.

— Уо-о-о-у-у-у! — раздается уже совсем рядом, где-то на вершине склона, с которого мы спустились.

Напарник поднимает автомат и дает очередь в ту сторону, откуда слышен звук. Едва успеваю сунуть пистолет за пояс, как он хватает меня за руку и мы начинаем карабкаться вверх — бежать дальше вдоль оврага слишком опасно.

Ботинки скользят на глинистой почве, но я упрямо ползу, вцепившись левой в ладонь Андрея, правой хватаясь за ветки кустарника. Кожа на руке в ссадинах — кусты покрыты колючками, но сейчас не до этого, главное быть быстрее тех, кто позади, кто пытается настигнуть нас, с воем пробираясь через лесной массив.

И вот мы уже наверху! Мимо со свистом проносятся два энергетических заряда, разбиваясь о деревья. Стреляют чуть в сторону, так, чтобы напугать, но не убить. Мы прижимаем головы и продолжаем бежать. Снова достаю оружие, не глядя отвожу руку назад и делаю три выстрела — наугад, один за другим, быстро нажимая на спусковой крючок.

Вой отдалился. Видимо, для преследователей овраг еще большая сложность, чем для нас. Есть немного времени, чтобы убежать подальше или спрятаться, если найдем подходящее укрытие.

— Сюда! — Андрей показывает на открытое место, где нет ни деревьев, ни кустов, одна трава, проплешиной зеленеющая в чаще мрачного леса.

— Тут негде спрятаться! Нас увидят!

— Ложись в траву.

Он ложится сам, скидывая рюкзак защитного цвета, чтобы тот не торчал над его спиной. Мой энергоблок все равно видно и сбросить его я не могу, но он зятанут такой же накидкой цвета хаки — авось сойдет за кочку. Мы замолкаем, стараемся не шевелиться. Я даже задерживаю дыхание. Закрываю глаза: больше мы ничего не можем сделать, только ждать и молиться. Впрочем, я не помню ни одной молитвы.

— Уо-у-у! Уо-о-о-о-у-у-у!

Уже близко. Перебрались через овраг, догнали. Еще несколько секунд и будут здесь! Я слышу тяжелые шаги, ощущаю вибрацию на земле. Хочется открыть глаза и посмотреть, но я сдерживаюсь. Уже готова к тому, что меня вот-вот схватят за горло, поднимут в воздух, словно игрушку, разглядывая, наслаждаясь поимкой добычи.

С легким жужжанием сервоприводов топает механический ходок: я знаю эти звуки, эту тяжелую поступь. До него метров десять, не больше, но нам повезло — управляющий эйнер не замечает, проходит мимо. Второй приближается с другой стороны и его шаги не такие быстрые, он замедляется, останавливаясь у зеленой проплешины. Поворачивает, идет к нам. Ну вот и все. Я открываю глаза, оборачиваюсь...

Вижу, как Андрей спокойно встает на одно колено, вскидывает автомат, прицеливаясь в верхнюю часть ходока. Между ними лишь несколько шагов. Двухметровая конструкция, отливающая хромом, упирающаяся в землю четырьмя мощными лапами, замирает. До того, как она успевает направить на человека парализатор, удерживаемый металлической рукой, раздается треск автоматной очереди!

В стороны летят искры, взвизгивающие пули рикошетят, поднимая в траве фонтанчики земли. Андрей давит на спусковой крючок, заставляя оружие изрыгнуть весь запас магазина одной длинной очередью.

Я отползаю, поднимаюсь на ноги. В верхней части ходока бронированная пластина с узкой прорезью — она защищает хозяина, но лишь с одной стороны. Обхожу его сбоку и в тот момент, когда опустошенный автомат замолкает, а ходок активирует парализатор, успеваю сделать один единственный выстрел. Пистолет зажат в правой руке. Как обычно, тонко настроенный манипулятор наводит оружие с убийственной точностью: на землю отлетает блестящая деталь, над ходоком — электрическая дуга, вызванная замыканием в сложной системе. Конструкция тяжело оседает, угрожая придавить меня своим весом, но я отскакиваю в последнюю секунду.

— Уо-о-о-у-у-у! — доносится из леса в ответ на перестрелку.

Бах! Из пистолета, направленного на тщедушное тельце эйлера, вылетает отстрелянная гильза. Бах! Бах! Бах!

Я возвращаюсь к Андрею, но, не удержавшись, оборачиваюсь и делаю еще один выстрел в ненавистного врага — бах!

Андрей лежит на траве, раскинув руки в стороны. Глаза его открыты, правое веко едва заметно дергается.

— Андрюша, вставай! Ну же!

Оборачиваюсь. Где-то рядом слышны тяжелые шаги, они быстро приближаются. Хватаю напарника за рубашку, пытаюсь оттащить в сторону, но понимаю, что ничего не выйдет. Куда я с ним? С такой ношей меня быстро догонят, не смогу отойти и на полсотни шагов. Оставить? Бросить его здесь? Мысль о побеге так заманчива, что я отпускаю рубашку, выпрямляюсь. Но... Поздно!

Второй ходок появляется из-за деревьев. В одной металлической руке импульсатор, в другой — парализующее оружие. Он стоит, повернувшись ко мне бронированной частью. Не пробить. Да если и подниму пистолет, уложит из парализатора. Что тогда? Тогда сделает с нами все, что захочет — никаких шансов на спасение. Нет! Я должна оставаться в сознании.

Медленно протягиваю руку, отбрасываю пистолет, показывая обе ладони: «я безоружна».

— Встань у дерева, — голос, как всегда, бесстрастный, холодный.

Я послушно отступаю, упираясь энергоблоком в шершавый ствол. Ходок прижимает меня дулом парализатора, ткнув его в грудь. Эйнер сползает на землю. Он без шкуры, как и тот, которого я пристрелила минутой раньше. Голый металлический скелет, сверкающие глаза-камеры. Подходит сначала к Андрею — видимо, хочет убедиться, что тот без сознания. Потом привычными движениями карабкается на меня, запускает клешню в мой горб.

Эйнер — маленькая, но опасная тварь. Никому из здравомыслящих людей не придет в голову вступить с ним в единоборство. Один взмах лезвия и он перережет вам горло или проткнет грудную клетку. Но выбор у меня небольшой.

Быстрым движением стаскиваю ублюдка со своей спины, стараясь левой, усиленной рукой, вывернуть его манипулятор с заточками. Надежда лишь на то, что разряд парализатора, которым он управляет дистанционно и готов выстрелить в любую секунду, подействует не только на меня.

Но враг тоже это понимает, не торопится отдавать команду на выстрел. Пытается выкрутиться, спрыгнуть на землю. Успеваю почувствовать боль в руке, прежде чем микрочип блокирует болевые сигналы: тогда мне уже наплевать, что большой палец отрезан, продолжаю давить, выворачивая металлический сустав. Эйнер не выдерживает — вспышка, слабость в ногах, а потом серая пелена скрывает от меня окружающий мир.

Я кашляю. Со стоном поворачиваюсь на бок. Что случилось? Где я? Что со мной? Встаю на четвереньки, трясую головой. Вдруг рядом с оглушительным грохотом раздается выстрел! Подскакиваю, пытаюсь вскрикнуть, но из горла доносится лишь сиплый вздох.

Рядом стоит Андрей, в его руке мой пистолет. В памяти всплывает все, что случилось... Пять минут назад? Десять? Неважно! Главное, что он добил того, кто вырубил меня, а заодно и себя, зарядом парализатора.

— Рука, — Андрей присаживается рядом, осторожно поднимает мою многострадальную левую.

— Что? Ох, черт!

Я брезгливо смотрю на залитую кровью ладонь.

— Подожди, сейчас перевяжу, — достает из рюкзака аптечку, обрабатывает рану, аккуратно перевязывает, — Что ж ты, горемычная, руки-то не бережешь?

Улыбается и я начинаю улыбаться в ответ.

— Онемение чувствуешь?

— Да я ее совсем не чувствую, она отключилась. Управлять могу, а ощущений никаких.

— Ничего. Сейчас рана затянется и снова откроются клапана, восстановится кровоснабжение.

Он встает, первым делом перезаряжает автомат, потом надевает рюкзак.

— Можешь идти? Вряд ли нас пасли только эти двое. Где-то рядом могут быть и другие. Надо уходить!

Я киваю головой.

* * *

Андрей прав — нас продолжают преследовать. Уже не по пятам, где-то вдалеке, но мы слышали пару раз раздраженное «у-о-о-у-у!»

— Ты знал, что они идут за нами?

— Догадывался. Пока следили по телеметрии, не приближались. Как только потеряли сигнал, решили брать.

— Почему не сразу?

— По той же причине, по которой и монастырь не уничтожили. Я так понимаю, они тянут за все возможные ниточки, тянут очень аккуратно, чтобы не спугнуть людей, стараются выйти на членов сопротивления. Пока все ячейки не накрыли — предпочитают наблюдать.

— Проще в камере допрашивать, чем следить. Если в городе кого-то сумели расколоть, значит и других могут.

— Да, но поди возьми нас живьем! — он ухмыляется, — Никаких гарантий, что получится.

— Сейчас чуть не получилось, — замечаю я вполголоса.

Андрей по-прежнему ведет мудреным, одному ему известным маршрутом. А я снова привыкаю к тому, к чему привыкнуть невозможно — тошнотворному ощущению преследования, постоянной опасности, будто за каждым кустом, каждым деревом тебя подстерегает враг.

Мы стараемся говорить как можно реже и тише. В темноте не зажигаем костер, довольствуясь холодной пищей и объятиями друг друга, для того, чтобы согреться. Половину ночи Андрей не смыкает глаз, потом будит меня, чтобы самому отдохнуть. Мне стоит большого труда не подпрыгивать от каждого шороха, любого дуновения ветра. Правда, один раз я слышу звук, не принадлежащий лесу, но он далек и не вызывает панического ужаса, лишь тихую ненависть.

Утром снова чувствую свою руку и не могу сказать, что это приятные ощущения. Отрубленный палец хоть и остался валяться на проклятой поляне, все равно будто приделан к ладони и продолжает ныть тягучей, изматывающей болью.

Молча завтракаем и вновь отправляемся в путь. Господи, как же я ненавижу этот нескончаемый лес! Если будет еще другая жизнь, на свободной планете, без войн и эйнеров, я снова поселюсь на ферме, такой, как та, что покоится в детских воспоминаниях. Вокруг бесконечные поля, озера, реки... И никакого города, никакого леса — их не видно из окон моего дома.

Проходит еще один день, наступает другой. На нас по-прежнему охотятся. Я не понимаю как, но преследователи знают, где искать. Может, следуя простым логическим рассуждениям, сужая круг поисков, прочесывая один район за другим. Над лесом нет-нет да и разнесется протяжный вой — то справа, то слева. Со временем звуки становятся более частыми, они приближаются. Эйнеры еще не вычислили наше местонахождение, но если так будет продолжаться — неминуемо настигнут.

Перед нами горная гряда. Древняя, почти сравнявшаяся с холмами вокруг, отличающаяся от них лишь каменистыми уступами.

— Туда! — командует Андрей, указывая на расщелину и мне в очередной раз хочется возразить, но на этот раз я держу язык за зубами. Все равно ничего другого предложить не смогу, а он пусть и не гений, но какой-то план в голове имеет.

В расщелине виден узкий лаз, уходящий вглубь скалы. По высоте достаточный, чтобы прошел даже самый рослый человек, а вот в ширину двоим уже не разойтись. Я начинаю злорадно улыбаться, понимая, что и ходок сюда не протиснется.

— Зря так расцвела, — замечает Андрей мою светящуюся физиономию, — Если захотят — пройдут и здесь.

Узкий лаз тянется на несколько десятков метров. Потом пещера расширяется — потолок уходит вверх, стенки раздвигаются в стороны. Андрей включает светодиодный фонарик, но его свет теряется в темноте, выхватывая лишь небольшую часть окружающего нас пространства.

Мы идем вдоль правой стенки, бугрящейся неровными выступами. Пропускаем два или три ответвления, ведущие в другие, очевидно, меньшие по размеру пещеры. Но рядом с очередным коридором, уходящим в сторону, Андрей замедляется, внимательно осматривая стену, потом и вовсе останавливается.

— Сюда!

Мы поворачиваем, я замечаю, что эта пещера плавно закругляется и ведет куда-то выше: ноги чувствуют, что мы поднимаемся в гору. Скоро и это ответвление раздается в стороны, пространство увеличивается, пол снова становится горизонтальным. Еще несколько минут и мы замираем у едва заметного выступа, который располагается на высоте моего роста. Вряд ли на нем можно спокойно стоять, если только повернуть ступни ног вдоль стены. Но Андрея это не смущает: он подтягивается, хватаясь за неровности и выбоины, забирается на уступ, начинает обшаривать стену.

В какой-то момент мне кажется, что ее кусок, размером примерно полтора на полтора метра, поддавшись давлению его руки проваливается прямо в скалу!

— Чего там? — удивленно шепчу я, но эхо разносит голос по всей пещере, будто я крикнула.

Андрей хмурится, прикладывает палец к губам. Потом протягивает мне руку, помогает забраться.

То, что, как мне показалось, провалилось внутрь, всего лишь замаскированный под камень люк, за которым вход в тесную комнату. Напарник пропускает меня, поднимает люк, прислоняя его так, чтобы с той стороны не было заметно ни единой щелочки.

Я тяну Андрея к себе, чтобы прошептать на ухо:

— Что это за место?

Он отстраняется и говорит уже не шепотом, нормальным голосом, хоть и стараясь не повышать его.

— Можешь разговаривать спокойно, стены обшиты звукоизоляцией. Мы знали, что когда-нибудь такое укрытие понадобится.

В свете фонарика замечаю, что рядом стоят два деревянных ящика. Вопросительно киваю на них головой.

— Кое-что из еды и оружие с боезапасом. Пересидим тут немного.

— Немного?

Он пожимает плечами.

— День, два. Может, несколько дней. Эйнеры должны убедиться, что потеряли нас, или с нами что-то случилось. В общем, что им нет смысла продолжать поиски.

«Несколько дней в темном, каменном мешке. Хотя... Это лучше, чем бегать по лесу, как загнанный зверь».

Мы сидим с Андреем на полу, подстелив что-то из запасной одежды, жуем пресное печенье. Прошло уже больше часа, но преследователи, почти поймавшие нас в ловушку, никак себя не проявляют.

— Ты сказала, что не вернешься в город.

Не знаю, что это — вопрос, утверждение? Молча жду, когда он продолжит.

— Так?

Я шумно вздыхаю. Знаю, что рано или поздно он вернулся бы к этому разговору. Но продолжаю молчать.

— В последние месяцы нам здорово досталось. Мы потеряли связь со всеми людьми, кто работал в городе. Но работу нужно продолжать, тем более что есть много данных, которые могут вывести нас на уязвимость эйнеров. Там, куда мы идем, можно будет все это изучить, — он замолкает, но тут же, спохватившись, добавляет, — Если захочешь, конечно.

— Не буду врать — я совсем не желаю возвращаться в город. И, честно говоря, я не верю, что смогу быть... Агентом под прикрытием. Они раскрыли всех ваших, а я, в отличие от тебя и остальных, не разведчик. Меня раскроют еще быстрее.

— Ты себя недооцениваешь! — он обнимает меня, положив руку на плечо, — Из тех, кого я знаю, работать в городе можем только мы с тобой. Остальные вообще слабо представляют, как там все устроено.

— А ты тоже собираешься туда вернуться?

Он усмехается.

— Неужели думаешь, что отправлю тебя одну?

Прижимает к себе еще крепче.

— Но я еще не решила.

Чувствую на щеке его дыхание. Надо бы отодвинуться... Другая рука Андрея касается моего подбородка, нежно, но настойчиво поворачивает мою голову к себе. Фонарик выключен, заряд надо экономить, а мне кажется, что я вижу в темноте блеск его глаз.

— Я еще не сказал тебе спасибо.

Опускаю веки, изо всех сил пытаюсь разозлиться на себя, изгнать из тела накатившую вдруг слабость.

— За что?

— Там, на реке...

Его губы касаются моих. Мгновение упираюсь рукой, но потом сама отвечаю на поцелуй, невольно прижимаюсь к сильному телу. Чувствую, как пальцы расправляются с пуговицами моей рубашки, теплая ладонь проникает под ткань, сжимает нежную плоть. Из груди рвется стон, я уже готова к тому, что сейчас эти руки снимут с меня одежду и я не буду сопротивляться, позволю ему уложить себя на пол, проникнуть...

— Нет! — яростно отталкиваю его, пытаюсь прикрыть расстегнутую рубашку, — Нет, Андрей! Я не хочу... Не хочу... Прости!

Он отстраняется.

— И ты прости. Я не собирался...

— Ничего страшного, все в порядке. Просто не сейчас. Ладно?

Молча соглашается.

— Ника.

— М?

— Наверное, ты будешь злиться на меня, но я все равно скажу. Не хочу скрывать, после того, через что мы прошли вместе, и что нам еще, возможно, предстоит.

— Что скажешь?

— Знаешь, я... Как ты там меня назвала? Разведчик? Да. Но не совсем тот. Дело в том, что я разведчик менсо.

Глава 9. ГОРЫ

— М-м-м... — я отодвигаюсь, обхватив голову руками, — Ду-ура... Какая же я дура!

Все вдруг встает на свои места, мозаика складывается и загадки проясняются.

Андрей хочет дотронуться до меня, но я брезгливо отпихиваю его руку.

— Они же не за мной шли. На кой черт я им вообще сдалась? Они шли за тобой! А я... Меня просто подсунули, как маячок, который должен показывать, где мы находимся. Где ты, Андрюшенька, находишься! Агент менсо...

— Ника.

— Замолчи! Какой еще реакции ты от меня ожидал? Что я пожму плечами и скажу «ну разведчик, так разведчик, ничего страшного»? А весь кипиш, оказывается, из-за тебя!

Он не пытается протестовать, оправдываться. Ждет, когда успокоюсь, но мое раздражение лишь усиливается.

— Не смей больше меня трогать, понял?

Часы на левой руке простые, без подсветки, я не могу знать, сколько мы уже сидим, не разговаривая друг с другом. Попросить его включить фонарик? Ну уж нет! И так понятно, что прошел час, не меньше. Конечно, я остываю. Мне некуда деваться из темной каморки, с захваченной пришельцами планеты. Еще один пришелец сидит рядом и от него мне тоже не избавиться, мы зависим друг от друга, причем я от него в большей степени. Нужно как-то привыкнуть, смириться... Господи, меня уже тошнит от этого слова — «смириться»! Я не хочу быть покорной судьбе!

Вскакиваю с места, делаю шаг вперед, упираясь в стену, два шага назад — другая стена. Еще одна западня, в которую меня загнала жизнь! Это просто невыносимо!

— Хорошо.

Я не могу видеть Андрея, но понимаю, что сейчас он повернулся на мой голос и смотрит, наверняка удивленно.

— Хорошо. Я пойду с тобой в город. Мы найдем все их слабые места и я... Я хочу их уничтожить, стереть с лица Расцветающей, хочу, чтобы не осталось ни одного эйлера во всей Галактике! Если нужно, найду каждого и собственными руками...

Андрей на ощупь хватается меня за ладонь, притягивает к себе.

— Тихо!

Где-то в глубине пещеры, далеко отсюда, слышен низкочастотный звуковой удар, от которого едва заметно вибрируют стены. Еще один... Еще...

— Расширяют проход, — Андрей инстинктивно переходит на шепот, хотя сам говорил, что здесь хорошая звукоизоляция, — Будут обыскивать пещеру.

Он кладет автомат себе на колени.

— Думаешь, у нас есть шанс? — я мгновенно забываю про его чужеродную сущность, про все обиды, тем более про наивное желание собственноручно освободить от захватчиков Галактику.

Но Андрей не отвечает. Молчит. И это красноречивее любого ответа: нет у нас шансов. Если обнаружат — убьют. Или, что гораздо хуже, захватят. Смогу ли я не дать себя живьем? Хватит ли смелости?

От нервного напряжения хочется лезть на стены, кусать локти. Ограничиваюсь обкусыванием ногтей, которые исправно растут на регенерирующейся органике, скрывающей бионические манипуляторы. Все как обычно, как почти каждый день за эти долгие три года — учащенное сердцебиение, дыхание, адреналин в крови... Не удивлюсь, если в мои девятнадцать темные волосы начнут сесть.

Эйнеры справляются с узким лазом минут за сорок. Низкочастотные удары прекращаются, наступает звенящая тишина. Теперь только ждать. Рано или поздно они появятся здесь. Я сама нащупываю ладонь Андрея, сжимаю ее в своей руке.

Вокруг темно, тихо. Мы не разговариваем друг с другом и вообще стараемся не шевелиться. Время перестает ощущаться. Минуты не идут ровным строем, чеканя шаг, они еле шевелятся, кружатся в воздухе, как пылинки, попадающие в свет солнечного луча. Где это солнце? Скрыто толщей скалы. Глаза у меня слипаются, дремота тяжелым грузом тянет голову вниз...

Проснуться заставляет яркий свет, пробивающийся через сомкнутые веки. Андрей светит мне в лицо фонариком, хмурит брови.

— Не спи. Ты стонешь во сне.

— Они уже идут?

Кивает головой, выключает фонарик. Мы замолкаем, потому что слышим перестук металлических конечностей, ступающих по каменному полу. Сначала тихий, потом все громче и громче. Порой ходок останавливается — видимо, осматривает подозрительные места. Идет дальше, перемещаясь от одной стенки к другой.

Он уже рядом, напротив нашего фальшивого люка, замаскированного под камень. Шаги снова прерываются. Я снимаю пистолет с предохранителя, но не знаю, куда его направить. Себе в висок? Или на вход?

Перестук отдаляется. Можно выдохнуть. Еще минуту мы слушаем, как машина, управляемая эйнером, шагает по тоннелю, потом тишина снова заполняет наше маленькое укрытие. Я хочу спросить Андрея — вернется ли эйнер, но откуда ему знать? Да и не хочется нарушать молчание.

Проходит час, другой. По крайней мере, мне так кажется.

— Я хочу в туалет, — шепчу едва слышно.

— Я тоже, — отвечает он, — Но надо потерпеть. Хотя бы еще час.

Зажигает на несколько секунд фонарик, позволяя мне, наконец, взглянуть на циферблат часов. Внутреннее ощущение не подвело, я ошиблась лишь на пятнадцать минут.

Ближе к ночи Андрей решается снять люк. Сначала в темноте, прислушиваясь к дыханию пещеры, продуваемой едва заметным сквозняком. Потом включает свет. Вокруг никого. Он спускается вниз, помогает спуститься мне. Далеко уходить мы не решаемся, поэтому он показывает на выбоину в стене, найденную метрах в тридцати от укрытия — «делай свои дела здесь». Сам уходит в другую сторону. Не знаю, чувствуют ли эйнеры запахи, но если снова будут проходить мимо этого места, могут учуять. К черту! Не делать же нам это там, где прячемся! Да и оттуда запах мог бы просачиваться наружу.

Мы остаемся в пещере еще три дня. Лишь однажды где-то далеко, на границе слышимости, до нас донеслись звуки, похожие на цоканье ходака. И все. Больше они сюда не заходили.

Андрей ведет не в ту сторону, откуда пришли. Мы идем дальше по тоннелю: видимо, есть другой выход. Когда впереди начинает брезжить свет, я чуть с ума не схожу от счастья! Утреннее солнце, порыв свежего ветра, несущий запахи ранней осени... Голова кружится от открывшегося над головой голубого купола.

— Тихо, тихо! — он подхватывает меня, потому что я оступилась и чуть не упала. Смотрит в глаза, улыбается, — Все хорошо. Теперь все будет хорошо.

Лицо у него бледное. Подозреваю, что и я выгляжу не лучше. Ерунда! Главное выбрались.

— Думаешь, они совсем ушли?

— Вряд ли. Скорее переместили район поисков. Потратили время и усилия на обыск пещеры, решили, что нас там нет, теперь пытаются догнать, прочесывая лес.

Мы уходим в горы. Становится холоднее — так, что Андрею приходится достать из рюкзака теплую одежду. Я больше не завожу разговор о том, что он менсо, это ничего не изменит. Зато могу расспросить о других мирах, в которых он побывал.

Андрей вырос в небольшом городе, но рядом было бесконечное поле космопорта. Каждые несколько минут в небо поднимались корабли, которые он провожал тоскливым взглядом. Ему не терпелось покинуть родную планету, увидеть что-то новое. Тогда он поступил в армейское училище, прошел один учебный лагерь, потом другой. Кто-то из командования заметил смышленного курсанта и его отправили в разведшколу. Последние несколько лет он работал на разных планетах, колонизированных людьми, пока не застрял на оккупированной Расцветающей.

Мы идем через продуваемый всеми ветрами перевал. Сутки ждали, пока установится пасмурная погода, чтобы не оказаться на открытом пространстве под окулярами орбитального корабля-наблюдателя. А может, там и нет никаких кораблей, но береженого бог бережет.

Горная гряда, казавшаяся из леса совсем невысокой, даже какой-то игрушечной, теперь показывает себя во всей красе. Пологие вершины сверкают снежными шапками, дыхание порой перехватывает от морозного воздуха и недостатка кислорода. Андрей говорит — надо пройти еще километров сорок. На это уходит два дня, пока мы, наконец, не спускаемся в зеленеющую долину, окруженную со всех сторон белыми верхушками гор.

— Почти на месте! — проводит рукой по небритому подбородку. Уголки его рта приподнимаются — это еще не та улыбка, к которой я привыкла, но она уже говорит о том, что можно расслабиться: скоро наше путешествие закончится.

Вечером подходим к склону одной из восточных вершин, в складках которой, среди деревьев, я замечаю небольшой домик, крыша которого поросла травой и мхом. Сверху заметить его практически невозможно, да и в долине ни с одной из сторон не видно, если только не подойти совсем близко.

Навстречу нам выходит девушка. Несколько секунд она смотрит на приближающихся гостей с подозрением, потом срывается с места и бежит к Андрею, чтобы повиснуть у него на шее.

— Ну ладно... Ладно, Поля... Все, хватит.

Девушка отстраняется от него, вытирая скупую слезу. Поворачивается ко мне. Похоже, ее несколько не смущает, что за спиной у меня виден горб энергоблока.

— Это Вероника, — Андрей показывает сначала на меня, потом на свою знакомую, — А это Полина.

Мы обмениваемся рукопожатием: она с добродушной улыбкой, я — с холодностью, непроницаемым выражением лица.

— Идемте! Метецио и Киар скоро должны вернуться с охоты.

Она все никак не может наглядеться на Андрея, постоянно оборачивается на него и улыбка ее становится еще шире.

— Как же я рада тебя видеть! Столько месяцев прошло и ни одной весточки, ни одного сообщения! Ну разве так можно, а?

— Ты и сама все понимаешь, — отвечает он и Полина кивает — «понимаю».

В доме тепло — в печи с треском горят поленья, на плите что-то шкворчит, источая изумительный аромат. Мебели немного: стол, несколько стульев, выдавший виды диван и односпальная кровать в углу. Я вижу, что наверх ведет лестница — видимо там, под крышей, есть еще одна комната.

Полина начинает хлопотать в кухонном уголке, выкладывая на стол все то небольшое, что могут предложить двум беглецам отшельники, живущие в горах. На ходу она пытается расспрашивать о жизни в монастыре, но Андрей больше отшучивается, не желая обсуждать дела до возвращения остальных.

Они приходят через час: совсем еще молодой паренек, Метецио, которого все называют просто Мет, и мужчина в летах, с седыми волосами — Киар. Похоже, именно Киар здесь главный.

— Вероника уже знает, что я менсо, — сообщает Андрей всем, когда они садятся за стол.

Полина чуть приоткрывает рот от удивления, Мет застывает с ложкой, не донесенной до рта, а Киар, солидно крякнув, откидывается на стуле.

— И они все — тоже менсо, — он обводит взглядом своих друзей. Мы жили в разных городах Расцветающей, когда началась интервенция. Этот дом был конспиративной базой, все пробирались сюда, как могли. Потом мы стали налаживать связи с людьми, с теми, кто остался за пределами оккупированной территории и был готов что-то делать для освобождения от эйнеров.

— Может, все пароли ей расскажешь? — ворчит Киар, — Явки?

— Сейчас наши интересы и интересы людей совпадают, — спокойно отвечает Андрей, — Мы уже не враги, судьба распорядилась иначе. Теперь нам надо сотрудничать. Да и нет больше никаких явок и паролей, Киар. Ни здесь, на Расцветающей, ни на нашей Земле, ни на их.

Он кивает в мою сторону.

— А Вероника — она не из тех, кто пойдет на сделку с эйнерами, я могу поручиться за нее, как за самого себя.

С благодарностью бросаю на него взгляд, но на остальных смотреть не решаюсь. Никогда не думала, что буду сидеть в окружении четверых менсо, о которых раньше имела лишь приблизительное представление. Они и правда ничем от нас не отличаются — те же манеры в общении, такая же мимика, смех, кашель... И все же холодок недоверия, пожалуй, даже страха, сквозит между нами.

— Ладно, — соглашается Киар, — Чего сейчас препираться... Давайте лучше ужинать, а ты между делом рассказывай, что там да как. В монастыре и вообще.

Рассказ затягивается надолго. Мы уже расправились с едой, напились горячего чаю с пирогом, который умудрилась испечь за полчаса Полина, а Андрей все говорил и говорил.

К тому времени, когда он закончил, Киар несколько раз успел встать, сесть, снова подняться и пройти по комнате, налить себе еще заварки в кружку, но так и не разбавить ее кипятком.

— Ну и наследили вы, ребята...

— Иначе не уйти.

— Это я понимаю. Ну что ж, думать придется! — громогласно объявляет он и впервые за вечер позволяет себе улыбнуться, — Информации много, так сразу все не обмозгуешь. Ты, Вероника, иди с Полиной наверх отдохнуть, а мы уж тут разместимся, мужской компанией.

— Нет! — возглас выскакивает из меня раньше, чем я успеваю подумать.

Киар удивленно оглядывается.

— Можно я... с Андреем ночевать останусь, — чувствую, как краснеют щеки, но мне и правда не хочется расставаться с единственным человеком из этой компании, которого я знаю.

Полина пожимает плечами.

— А мне что? Идите наверх. Я тут и с Метом на диванчике расположусь. Не впервой!

Андрей смотрит на Киара и тот, озадаченно хмыкнув, соглашается.

В комнате под крышей мебели еще меньше, чем внизу. Стол, стул, тумбочка, да полутороспальная кровать, прижатая к дымоходу.

— Извини, я, наверное, веду себя ужасно бесцеремонно.

— Совсем немного, — он смотрит на меня как-то странно, с улыбкой, но в то же время серьезно,

— Они всего лишь подумают, что мы спим вместе.

— Дурак, — позволяю себе пихнуть его руками в грудь, но удар получается такой слабый, что Андрею понятно — злобы во мне нет.

* * *

Осень в горах заканчивается быстро. Еще неделя-другая и повалил пушистыми хлопьями снег. Дверь в дом заносит каждый день, приходится расчищать дорогу с лопатой в руках. Но мне эту работу не доверяют: Андрей сказал, что чинить мою правую руку, если я ее сломаю, ему здесь будет еще сложнее, чем в поселении отца Кирилла.

В подвале дома есть небольшая мастерская, где он в минуты, свободные от изучения прерывателя, занимается и восстановлением моего пальца. Органика охотно наращивается на новых металлических косточках, но ее тоже нужно программировать, чтобы вместо пальца не отрастить что-то другое. Андрей копается в электронных справочниках, чтобы найти нужную информацию, но все равно сомневается в себе и почти каждый день подключает компьютер к чипу в руке, проверяет — правильно ли идет процесс восстановления.

Мы потихоньку готовимся к заброске в город. Нужно учесть миллион разных нюансов: выбрать правильный район агломерации, чтобы исключить нежелательные встречи, придумать убедительные легенды, дабы не вызвать подозрений у хозяина, к которому попадем, спрятать в городе оружие, да мало ли еще что...

Киар с Метецио продолжают ходить на охоту. Иногда они пропадают так долго, что я начинаю беспокоиться, но Полина с Андреем меня успокаивают: это нормально, скоро вернутся.

После одной из таких длительных вылазок Киар долго о чем-то разговаривает с Андреем в подвале. Я жду, когда они закончат, чтобы Андрей остался один. Спускаюсь к нему, останавливаюсь в дверях.

— Все в порядке?

Он оглядывается, пожалуй, слишком резко, будто не хотел, чтобы его тревожили. На столе, под яркой лампой, у него, как обычно, разложены какие-то железки и он копается в них своими инструментами. Встает ко мне так, чтобы загородить собой стол.

— Все нормально, Вер. Ты иди пока, помоги Полине. Мне тут надо... Кое с чем закончить.

— С чем? — предчувствуя нехорошее я медленно приближаюсь к столу.

Сверкающие хромом железки кажутся знакомыми. Чем ближе я подхожу, тем сильнее сжимается в груди сердце. У Андрея на столе эйнер.

Глава 10. РАЗОБРАННЫЙ ЭЙНЕР

В первое мгновение меня охватывают такие ненависть и отвращение, что хочется смахнуть со стола останки пришельца, топтать их ногами, разрывать на части! Но знаю, что сил не хватит — я уже пыталась вывернуть металлический сустав эйлера и ничего у меня не вышло.

— Как тут оказалось... это?

Андрей хочет вернуться к работе, но, понимая, что я не отстану, что мне теперь все надо объяснять, вздыхает и откладывает инструменты.

— Мет с Киаром принесли.

— Откуда?

— Ну... Им пришлось прогуляться, — он вымученно улыбается.

Пересилив себя, подхожу ближе. Раньше такая тварь сидела у меня на шее, только пряталась в шкуре игрушечного медвежонка. Тогда я не могла толком разглядеть его тело, сверкающее хромом. А потом... Потом они мелькали передо мной лишь на мгновения, готовые броситься или выстрелить.

Я смотрю на манипуляторы, лезвия, части разобранного корпуса, не опасаясь, что они могут причинить мне вред. Но и сейчас озноб пробирает до костей!

— Зачем он тебе?

— Одного прерывателя мало. Нужно знать, как взаимодействует вся система. Как эйнер получает информацию, управляет через энергоблок имплантами человека. Нужно знать — что они вообще такое.

Я согласно киваю, сжав губы. И все же мне не нравится, что в дом, где мы живем, принесли это существо. Даже мертвое.

В горах бывают сильные морозы, случаются снежные бури, после которых приходится подолгу откапывать выход из дома, но горы я люблю больше, чем лес или, тем более, вонючую агломерацию на оккупированной территории. Здесь всегда чистый воздух и тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра.

Мы идем с Андреем на лыжах. Он обещал показать мне то место, где Мет и Киар подстрелили эйнера. Тогда вместе с хозяином погиб и носитель, но никто из нас не испытывает угрызений совести: война продолжается.

Такие вылазки мы делаем часто: Андрей специально вытаскивает меня из дома, придумывая самые разные поводы. Прогулка на свежем воздухе — хороший способ развеяться, прочистить мозги. Потому что большую часть времени мы проводим в своей комнате, за столом, изучая целую пропасть файлов, собранных сопротивлением за годы оккупации. Перед моими глазами проносятся истории самых разных людей: их внедрение, служба хозяевам, вербовка новых информаторов, бесконечные наблюдения за социальным устройством эйнерского общества. Кажется, мы знаем о них уже очень много, но по-прежнему не можем ответить на самые простые вопросы. Почему эйнеры используют биологических носителей, если у них есть ходоки? Откуда они пришли? Кто их создатели? Ведь не могла же машинная цивилизация возникнуть сама собой! Но главное — мы до сих пор не знаем, как дать им отпор.

В космосе с захватчиками не справлялись даже менсо. Имея совершенное вооружение и мощные боевые корабли, они уступали эйнерам в тактике, всегда оказывались на шаг, а то и на десять позади. На заблокированных планетах оккупанты всегда использовали одну и ту же тактику: бомбардировками из космоса подавляли сопротивление, зачищали часть территории от остатков армии и полиции, обращали гражданских в носителей.

Андрей рассказывал, что однажды сопротивление использовало электромагнитный заряд, надеясь вывести из строя эйнеров, попавших в радиус его действия. Но защита металлических тварей предусматривала и такое развитие событий. Ни один из них не был поврежден, все продолжили функционировать.

Чем же их взять? Как найти уязвимость? Мы продолжаем работать, Андрей подолгу засиживается в подвале, тестируя на компьютерах системы эйнера и прерыватель, но результата пока нет.

— Уже недалеко, — он останавливается, стараясь отдышаться, оглядывается на меня, — Не устала?

— Совсем немного.

Впереди вершина, с которой ветер сдувает длинный снежный шлейф. Мы обходим ее стороной, чтобы выйти на перевал. Полдня пути и вот перед нами открывается крутой склон: по нему месяц назад спускались Киар с Метецио. Им нужно было выйти к заброшенному городку, в котором до сих пор попадают одиночные патрули эйнеров. Парни делали это уже не в первый раз, но повезло именно тогда.

Андрей протягивает мне мощный бинокль, который я подстраиваю под свое зрение. Смотреть будем издалека, близко подходить опасно. В окулярах — серые развалины зданий. Снега на улицах мало, там значительно теплее, чем в горах. Да, похоже, городку серьезно досталось! Из всех домов я могу отыскать лишь несколько неповрежденных, да и те на окраине, напоминают фермерские постройки — длинные, с узкими окнами. Возможно, склады.

— Что это? — указываю пальцем, возвращая Андрею бинокль, — Там! Такие длинные здания.

— Они использовали их, как лагерь для пленных.

— Лагерь?! — я с удивлением смотрю на напарника, — Вот дерьмо... Не знала, что эйнеры делают лагерь. Нас они захватывали и сразу превращали в носителей.

— Порой их очень сложно понять. Какими руководствуются мотивами, что толкает их на те или иные поступки... Насмотрелась?

— Что, все?

— Да, надо возвращаться. Домой придем уже затемно, но хоть не ночью. А ты думала тут остаться?

Я кидаю в него снежком, хватаю лыжные палки и удираю, неумело спускаясь по склону перевала. Через какую-нибудь сотню метров падаю, раскидав палки в стороны. Хорошо хоть лыжи на сломала.

Андрей смеется, останавливается рядом. Протягивает мне руку.

— Зарылась в сугроб, чудо?

Поднимаюсь, отряхиваясь от снега. Знаю, что щеки у меня горят румянцем. Хочется носиться, кричать, быть молодой и счастливой! Первый раз за несколько лет я снова чувствую себя обычной девчонкой, не знающей бед и лишений. Обнимаю Андрея, прижимаюсь к нему. Мне уже все равно, что он родился на другой планете, среди представителей чужой цивилизации.

— Сбежать бы...

— Куда?

— Все равно. Взять тебя в охапку и удрать.

— Нас собьют на взлете.

— Знаю...

Возвращаемся другой дорогой. Она ничем не лучше и не хуже той, по которой мы пришли, но позволяет выйти еще на одну площадку, с которой видна равнинная местность, раскинувшаяся у подножия горной гряды. Нужно использовать любую возможность осмотреться, заметить что-то новое, если оно вдруг появляется, или исчезновение старого. Любые изменения могут иметь решающее значение для маленькой группы, скрывающейся от остального мира.

— Осторожнее, — предупреждает Андрей, — Не подходи близко к краю. Может, снизу тоже кто-то любопытный осматривает горы и именно в этот момент направляет свою оптику на тебя.

Выглядываем из-за снежного бруствера, лишь чуть-чуть приподняв над ним головы. Отсюда равнина кажется ближе, чем с перевала. Мы видим прямую линию шоссе, несколько маленьких коробочек вдоль него — возможно, мотель и заправка... Я успеваю пригнуться до того, как Андрей с шипением давит мне на плечо.

— Сама вижу! И нечего на меня шикать — с такого расстояния нас не слышно!

Он снова осторожно приподнимается, смотрит в бинокль: закат у нас за спиной, стекла не должны сильно бликовать.

— Ну что?

— Два, три... — он считает почти беззвучно, шевеля одними губами. Приседает, говорит уже нормальным голосом, — Семь человек, все связаны, один за другим. Эйнер на носителе, шагах в десяти позади них. Видимо, выловил в заброшенном городе.

— Он точно один?

— На, посмотри, — протягивает мне бинокль, — Только аккуратно.

Я тоже приподнимаюсь, нахожу цепочку движущихся фигур. Они как раз переваливают через шоссе.

— Да, один. Все вокруг хорошо просматривается, место открытое. Если бы был еще кто-то, мы бы увидели.

Я смотрю Андрею в глаза, жду, что он скажет. Но он молчит.

— Андрюш, у тебя же снайперская. Он там один. И пять жизней, которые можно спасти. Ну же! Уйдут ведь!

— Если убьем, — произносит он наконец, — эйнеры узнают, где это случилось. Придут сюда, будут прочесывать местность. Мы поставим под угрозу убежище.

Я снова выглядываю из-за бруствера. Фигуры медленно удаляются. Кто они? Может я их знала в той жизни, до войны? Может, с кем-то из них здоровалась, разговаривала о погоде?

— Мы не можем им помочь.

Пригнувшись, отходим подальше от края обрыва.

* * *

Домой возвращаемся ближе к полуночи. Усталые, продрогшие. Киар что-то ворчит недовольно, Полина с подозрением смотрит на наши лица, расставляя тарелки на столе.

— Есть что-нибудь интересное?

— Со второй площадки видели семерых беженцев в сопровождении одного эйлера на носителе. А больше... Ничего особенного. Все как всегда, — Андрей зачерпывает ложкой суп, сваренный из неосторожной птички, дует на дымящуюся, маслянистую жидкость.

Киар подсаживается рядом.

— Хорошо, что не стали глупить. Молодцы. А как там у тебя с работой? — смотрит на Андрея, ждет, пока тот прожует и проглотит.

— Продвигается, но медленно. А что?

— Месяца через полтора снег в долине будет сходить.

Я понимаю, что это значит. Весной и осенью у хозяев большая торговля живым товаром. Многие носители будут меняться — кого-то продадут, отправят в неизвестность на транспортных кораблях, вместо них появятся новые, выловленные на территориях за стеной. Лучшего времени для внедрения не придумаешь.

— Знаю, — Андрей отпихивает пустую тарелку, — Я делаю все, что могу. Мы с Верой перелопатили тонну информации и эйлера этого чертового я несколько раз собрал и разобрал.

Киар задумчиво сгребает крошки на столе в аккуратную кучку. По его лицу сложно понять — осуждает он нас за медлительность или соглашается, что задача стоит непростая.

— Он тоже специалист в какой-то области? — спрашиваю я у Андрея, когда мы уже лежим в постели, наверху.

— Киар? — Андрей усмехается, — Учитель он. Преподавал язык менсо на ваших планетах, разведка завербовала перед самой войной. Не знаю, почему он согласился. Может, хотел каких-то приключений на старости лет.

— А Полина?

— Она закончила разведшколу вместе с Метом, на два года позже, чем я. Их сразу отправили на Расцветающую, так что они, можно сказать, старожилы.

— Так кто у вас главный?

— Никто. Все понемножку. Понимаешь, мы случайно оказались вместе. Каждый должен был работать сам по себе. Так что никакая мы не диверсионно-разведывательная группа, а так... Потерянные одиночки, без связи, без четких инструкций. А Киар — он просто старше остальных, вот и задает вопросы. Вроде как намекает, что плохо, мол, работаете, господа разведчики!

Андрей тихо смеется.

— Ты и Полина... — спрашиваю я, — Вы...

— Ну-у, начинаются женские домыслы!

— Просто она так кинулась на тебя, когда увидела, вот я и подумала...

— Не думай, — он целует меня в висок, но осторожно, едва касаясь — надеется, что я не замечу.

— Вы оба менсо, родственные души. А я... Как вы нас называете, на своем языке?

— Акци. Полное название, кажется, акциности. Понятия не имею, что это значит. Кстати, тебе стоит поучить наш язык. Я скажу Киару, пусть займется.

— Это еще зачем?

Андрей долго смотрит в потолок, не желая объяснять, потом все-таки признается:

— На случай вынужденной эвакуации. Видишь ли, ближайший обитаемый мир — Саленос. Его основали менсо. Несколько миллиардов жителей, огромная колония на границе наших цивилизаций. К тому времени, когда эйнеры вторглись на Расцветающую, Саленос уже пал. И я думаю, транспортники улетают именно туда. Там у эйнеров, скорее всего, большой базар.

— Интересная информация. И что с того?

— Когда мы будем в городе, случится может всякое. Если вдруг наши планы пойдут наперекосяк, тебе нужно быть готовой к тому, что попадешь в одну из групп живого товара. И это в лучшем случае. Про худший я даже говорить не буду, сама догадываешься, не маленькая.

Ночью Андрей уходит в подвал. Что-то пришло ему в голову, не давало спокойно заснуть, вот и пошел проверять. Это уже не первый раз. Мне хочется пойти за ним, но сон тяжелой рукой прижимает к подушке. Просыпаюсь только с рассветом и сразу слышу монотонное андрюшкино бормотание. Он вернулся и уже делится своими размышлениями, не обращая внимания на то, что я еще спала.

— ...И теперь смотри, какая хитрая цепочка вырисовывается. Подсовывают они, значит, Валерку, уже понимая, что ты можешь свистнуть у него прерыватель — видимо, следили за тобой. Зачем, спрашивается, подсовывают? А затем, что когда я об этом узнаю — а я об этом обязательно узнаю, как только ты придешь в монастырь! — я буду думать-гадать, как так получилось, что же это за странная случайность, что именно у моего связного, а не у кого-нибудь другого, ты забрала прерыватель! А поскольку я уже знаю, что вотчина отца Кирилла под колпаком, то естественно буду собираться свалить оттуда. Да, поступок не очень этический, но у меня, извините, другие цели! Я здесь не для спасения отдельно взятого поселения.

Он прикуривает сигарету, что делает, как я заметила, очень редко, лишь в минуты серьезных раздумий.

— Так вот... Времени у меня не остается — неизвестно, когда они монастырь накроют. Поэтому логично предположить, что я уйду и заберу тебя с собой. Ну, чтобы во всех сомнениях уже по ходу дела разобраться. На это они и рассчитывали! Что агент менсо проявит себя, уйдет из поселения, причем вместе с девчонкой, у которой энергоблок. А по сигналу этого энергоблока с прерывателем они выйдут не только на меня, но еще и на то место, где я попытаюсь укрыться, и где, как они небезосновательно предполагают, могут скрываться другие агенты.

Он щелкает пальцами и, довольный собой, тушит сигарету. Поворачивается ко мне.

— Я прав или не прав?

Едва разлепив глаза утвердительно киваю.

— Прав. Поздравляю. И что дальше?

— А то, — Андрей наклоняется вплотную к моему лицу и говорит медленно, разделяя слова, — Что машины так не думают.

— Как — «так»?

— Очень хитро, очень рискованно.

— Почему тебе знать — как думают машины?

— Уж поверь, я на этом деле собаку съел! Искусственный интеллект — мой конек. А здесь очевидный почерк живого ума.

Эта догадка будто подталкивает его, открывает глаза на какие-то моменты, которых он раньше не замечал. Андрей с удвоенной энергией углубляется в изучение захваченного эйнера, он пропадает в подвале целыми сутками. Да сейчас и не выйдешь на прогулку: на улице стоят такие морозы, что ночью слышно, как трещат бревна.

* * *

Под глазами у него темные пятна — видно, что бессонные ночи не прошли даром. Но на лице все та же довольная улыбка. Андрей собрал всех у компьютера, от которого множество кабелей тянутся к разобранному эйнеру и еще парочка — к серой коробке с прерывателем.

— Сначала про Ваську.

— Про кого? — переспрашивает Поля.

Андрей кивает на эйлера.

— Это я его так назвал. А то, знаешь, в минуты тягостных раздумий не хотелось задавать вопросы кусочкам железа. Вот с Васей мы нашли общий язык! — он бесцеремонно пихает кулаком основной корпус пришельца.

— Посмотрите сюда, — указывает на монитор, — Это файловая система его электронной думалки. Казалось бы — ничего особенного, если не считать того, что на ее расшифровку ушло несколько недель. Но где тут, собственно, мозг? Файлы файлами, но чем он думает? Оказывается, никакого мозга нет! Зато...

Андрей многозначительно поднимает указательный палец.

— Есть образ! Видите?

В центре монитора, среди множества маленьких прямоугольников файловой системы, приютился скромный кружок со знаком вопроса — видимо, он так и не был расшифрован.

— Я долго гадал — что это такое? А потом меня осенило! Это же образ! То есть с какого-то мозга, живого сознания, была сделана электронная копия. Именно она Васей и управляет!

— Они не искусственные? — с сомнением спрашивает Киар.

— Оболочка, несомненно, искусственная. Но сам разум — нет. Я убежден, что это точная копия мозга живого существа.

Мет присвистнул.

— Но это еще не все, друзья мои, — Андрей подвигает ближе к нам серую коробочку, — Что касается прерывателя. Если коротко, то его функционал, это: первое — сигнал, позволяющий видеть не абстрактную точку на карте, а именную, то есть индивидуальный код носителя; второе — собственно функция отключения человека; и, наконец, третье, самое интересное — сбор аналитики о совместимости хозяина и носителя. Понимаете? Они зачем-то анализируют — насколько люди, наши с вами организмы, подходят для управления сознанием эйлера! Мы еще не держим их за яйца, ребята, но подобрались очень близко. Осталось вот столько...

Он показывает расстояние между двумя пальцами, едва ли превышающее сантиметр.

— Чтобы узнать все наверняка, нам нужно в город. Позарез нужно!

Андрей смог перепрограммировать мой прерыватель. Теперь я для любого хозяина лишь неизвестная потеряшка, которую можно смело прибрать к рукам. Себе он сделал точную копию энергоблока с тем же функционалом.

Как только снега в долине растаяли, ушли звонкими ручьями, просачиваясь в грунтовые воды, стекая в блюдце большого озера, мы отправляемся в путь. До ближайшего перевала Киар, Метецио и Полина провожают нас, а дальше мы идем вдвоем, чтобы через несколько дней увидеть на горизонте белую ленту стены. За ней — город, часть агломерации, захваченный врагом плацдарм. Разыгравшееся весеннее солнце нагревает его улицы, здания, мы видим дрожащее марево, сквозь которое город кажется миражом. Но он есть — враждебный, зловонный, и мы должны попасть туда, чтобы сделать свою работу.

Глава 11. ЗАГОН ДЛЯ БЕГЛЕЦОВ

— Обойдем город с востока, — он показывает рукой налево, потому что позади нас север, горы, — Там должен быть один из центров сбора. Хозяева сгоняют туда беглецов, да и вообще всех пойманных людей.

— Лагерь, — утвердительно киваю я, вспоминая длинные бараки, которые мы видели раньше.

— Можно и так сказать, — тихо соглашается Андрей.

Мы спускаемся с возвышенности, поминутно оглядываясь по сторонам. Вся Расцветающая и без того территория эйнеров, но окрестности агломерации — в большей степени, чем любое другое место. Следует быть крайне осторожными, чтобы не обнаружить себя раньше времени. Мы должны попасть в самый дальний район, где нас вряд ли кто-то узнает.

На стене города видны три или четыре флага: выцветшие, запутавшиеся между собой, оборванные. Символы утраченной власти. Видимо, кто-то из людей установил их там, рискуя жизнью. Зачем? Эйнерам совершенно безразличны тряпки, едва шевелящиеся на слабом ветру.

— Там у них контрольно-пропускной пункт.

Андрей замечает впереди башню, на которой стыкуются две прямые, многокилометровые стены.

— Лучше пройти через рощу, чтобы с башни нас не было видно. Кто его знает, вдруг КПП действующий.

Он постоянно оглядывается, с тревогой смотрит вверх, где раскачиваются в такт моим движениям верхушки ивняка. Мы прячем среди деревьев оружие, дальше с ним будет опасно. Выходим на оперативный простор, уже на почтительном расстоянии от белоснежного бетона стен и башен. Я делаю шаг вперед, но Андрей дергает меня за энергоблок, молча затаскивая обратно в заросли. Я не возмущаюсь, не протестую. Уже привыкла. Раз тащит, значит нужно, значит есть причина, которую я, по своей неопытности, не заметила.

Причина следует в сторону города гуськом, появляясь из-за холма. Несколько человек... Пересчитываю про себя, чтобы знать точно... Шестеро! Они не связаны, не имеют горбов, поблизости не видно хозяина на своем ходоке или носителе.

— Это свободные люди, — шепчу я на ухо Андрею, — Вдруг они нам чем-то помогут? Что-нибудь подскажут?

Свободные послушно продолжают идти к городу, а Андрей качает головой.

— Нет. Надейся только на себя. На меня тоже можно, но совсем чуть-чуть.

Мы ждем, пока люди пройдут, скроются из виду, исчезнут за стеной с истрепанными флагами. Только тогда следуем дальше, своей дорогой.

— Твой план может быть худшим из всех возможных, — поясняет мне напарник деловым, почти менторским тоном, — Но если ты его выбрала — следуй ему, не отвлекайся, не пытайся что-то менять без веской на то причины. Иначе все пойдет прахом! И новую цель не ухватишь, и старой не достигнешь.

Я не спорю с Андреем, но мне сложно быть военным человеком. Я слишком привыкла к постоянным изменениям, к необходимости каждую минуту приспосабливаться. Все эти планы, стратегии... Иногда мне кажется, что именно они погубили людей и менсо. Мы всегда полагались на четкую организацию, продуманность действий, их логичность и обоснованность. Но разве так можно воевать с цивилизацией машин? Пусть даже в их металлических черепашках спрятаны образы биологических мозгов! Они всегда будут опережать нас.

Издали уже доносится шум лагеря. Чем ближе мы подходим, тем сильнее охватывает знакомое чувство: квинтэссенция тревоги, отвращения и какой-то ментальной тошноты. Мне отвратителен этот мир! Но я должна к нему вернуться. Хотя бы для того, чтобы попытаться его уничтожить.

На ночь мы еще остаемся свободными, наблюдая из-за пригорка за движением на территории сборного пункта. Андрей сказал, что хозяева уже сформировали несколько групп и скоро поведут их в город. Сунься мы сейчас — нас без разбору кинули бы в одну из них, неизвестно с кем, неизвестно для кого. Лучше явиться утром, чтобы до вечера осмотреться, если получится — завести с кем-то знакомства, а при удачном раскладе и попасть в удобную для нас группу.

Мы лежим в траве, задрав головы к звездам. Сухое печенье съедено, вода выпита.

— Там, — почти шепотом произносит Андрей. Он по-прежнему смотрит на небо, но я понимаю, что говорит про город, — будет трудно. Страшно, иногда больно.

Знаю, о чем хочет предостеречь, но ведь я сама прожила в городе три года. Три долгих года под хозяином Рэком!

Конечно, будет больно. В этом нет ничего нового. Иногда я смотрела на эйнеров — как они меняли носителей, ходоков, свои собственные запчасти, и думала: чем человек лучше или хуже? Вот у меня две искусственных руки, я могу их убрать или заменить. Но кого-то война оставила без глаза,

или без пальцев на руке, и сейчас их нечем заменить. Но люди живут, приспосабливаются. Мы продолжаем работать — побитые, обшарпанные, плохо смазанные и без запчастей. Боль — не самое страшное.

* * *

— Встать!

Утреннее солнце слепит глаза, но его заслоняет чья-то массивная, горбатая фигура. Первое желание — выхватить спрятанную в энергоблоке заточку, но я замечаю Андрея, он делает мне знак: «не сопротивляйся». Позволяю вытолкнуть себя на пыльную дорогу, обыскать. Вокруг нас четверо: один носитель с хозяином и три свободных охранника, все вооружены.

— Смотри-ка, Дотт! Неплохой улов! И где они так откормились?

Мы с Андреем незаметно переглядываемся.

— Обычно беглецы совсем дохленькие, — продолжает удивляться охранник.

Нас заставляют сесть на землю. Вперед выходит носитель, на голове которого имплант, заменяющий правую половину черепа. На спине у него шевелится потемневший от грязи плюшевый зайчик. Глаза игрушки светятся красным.

— Откуда? Кто хозяин?

Андрей глупо улыбается в ответ, а я даже боюсь поймать взгляд зайчика.

— Да с каньона они, — лениво предполагает один из охранников, жующий в зубах тонкую спичку, — Позавчера большая группа разбежалась.

Еще минута на осмотр и нас ведут к лагерю. Все! Теперь обратной дороги нет...

Бараков, как у подножия гор, мы не видим. Все гораздо прозаичнее и ужасней. Один большой загон для всех, словно для скота! Но люди здесь не задерживаются: их собирают, сортируют и увозят обратно в город.

На территориях за стеной много неприкаянных душ — и свободных, и с энергоблоками. Кто-то целенаправленно пытался бежать, а кто-то, в силу разных причин, потерял хозяина. Теперь они все потеряшки, все — ничьи.

Нас заталкивают в загон, подгоняя пинками. Охранники не церемонятся, для них нет разницы — парень ты или девушка, молодой или старый. Огрызнувшись на конвоиров злым взглядом, иду на середину площадки, чтобы осмотреться. Народу еще немного, большинство держится обособленно, чураясь незнакомцев. Жмутся к забору, да к стене единственной деревянной постройки.

— Идем туда, — тащу Андрея к дальней стороне дома, рядом с которой никого нет. Судя по запаху, между стеной и ограждением отхожее место, но меня это не смущает.

— Постой, Ника. Нам будет плохо видно площадку.

— Зато меня не видно, — подхватываю горсть грязи, провожу по щекам, точно боец спецназа перед операцией.

— Андрюш, я знаю эту толпу и не хочу оказаться в центре их внимания.

Он смотрит на меня, окидывая взглядом сверху донизу, будто только сейчас заметил. Молча соглашается. Пожалуй, это можно считать комплиментом.

К тому времени, когда солнце замирает в зените, загон заполнен чуть меньше, чем наполовину. К нам подсаживаются другие беглецы: оборванные, худые, со следами побоев. Эти не хуже меня знают, что дольше проживет тот, кто не бросается в глаза, тихо сидит у помойки.

Но через час Андрей толкает меня локтем: в центре загона какая-то движуха. Люди кучкуются, между ними появляются свободные охранники.

— Начинают делить на группы, — шепчет мне на ухо напарник.

Что ж, дальше сидеть нельзя. Придется идти в гущу событий, чтобы не проспять свой шанс! Не впервой мне и локтями работать, пробираясь через толпу. Верчу головой, стараюсь ухватить обрывки разговоров — для кого готовят группы, что известно об этих хозяевах? Но толком ничего не разберешь.

Хватать первого встречного за рукав и расспрашивать тоже не годится, здесь так не принято, информацией обмениваются свои со своими. Или за отдельную плату...

Через несколько минут Андрей отводит меня в сторону.

— Надо держаться этой группы.

— Почему?

— Их набирают для... Да сотри же ты это! — он начинает размазывать грязь на моих щеках, — Видишь? Заглядывают каждому в лицо! Их набирают для домашней прислуги.

Он может быть неправ, может ошибаться, но я понимаю, что других вариантов у нас нет. Проморгаем сейчас — угодим на рыночные склады, а то и еще похуже.

Я иду вперед, пристраиваясь к намеченной группе. Андрей встает рядом. Мимолетный взгляд охранника, секунда на размышление — отогнать или оставить? Он отворачивается, оставляя нас с остальными. Позволяю себе перевести дыхание.

До заката загон пополняют еще пять раз. Толпа все больше сегментируется, распадаясь на отдельные группы. Некоторые беглецы пытаются перескочить из одной в другую, но охранники покрикивают на них, охаживают палками. Есть и такие, кто неприкаянно бродит между слипшимися кучками человеческой массы, клянчит, чтобы их тоже взяли в город. Но охрана игнорирует самых бесполезных, беспомощных, безнадежных. Что с ними будет, когда нас уведут? Не хочу об этом думать!

Унылой колонной мы бредем к воротам, зияющим черной пастью в белоснежном полотне стены. Солнце закатилось за горизонт, ночная прохлада уже прощупывает наши одежды — у кого поплоче, с кем можно расправиться в первую очередь? Застудить, заморозить. Но вот уже и стена, ворота, город, и здесь как будто теплее. Одна за другой группы отходят от колонны, следуя за провожатым. Некоторые из охранников держат в руках фонари, но большинство — чадающие факела.

— Сюда! — хрипло командует наш ведущий.

Отделяемся от остальных, сворачивая к большому дому, обнесенному живой изгородью. Удивительно, но здесь почти не пахнет помоями.

Мы с Андреем держимся за руки, стоим в ожидании своей очереди. Люди замерли перед запертой калиткой, к которой с той стороны уже кто-то спешит, размахивая диодной лампой. А за нашими спинами продолжает ползти, шуметь множеством ног уставшая гусеница — колонна беглецов.

Вдруг кто-то дергает меня за руку.

— Какого черта...

Не успеваю ничего сделать. Секунда — и меня затащили в толпу.

— Андрей! Андрей!

Он что-то отвечает, но я не могу разобрать, только успеваю заметить через чужие спины, как распаивается калитка и нашу группу начинают заталкивать во двор.

Колонна тянет меня дальше, но я отчаянно сопротивляюсь, стараясь вырваться из чьих-то рук. Удар в живот обрывает мой крик. Оседаю, нырнув в толпу, которая тут же смыкается со всех сторон.

— Я... из другой группы...

— Была из вашей, стала из нашей!

Рядом смеются. Меня по-прежнему держат за руки, принуждая идти со всеми. Кто-то приподнимает мою голову и я вижу в отблеске факелов жуткое лицо, обезображенное размашистым шрамом. От человека несет густым перегаром табака, в его взгляде злорадство.

Как глупо. На миг утратила внимание и вот пожалуйста! Еще не осознав до конца весь ужас своего положения, я чувствую, что все кончено. Вся накопленная против эйнеров злость, все собранные знания, все желание покончить с захватчиками — все это рассыпается сейчас о сиюминутное желание какого-то болвана заполучить себе девчонку!

— Как зовут, милашка?

Сжимаю зубы, но меня больно бьют в бок.

— Ника.

— Отличное имя, детка! А я Глот. Да не переживай ты так, с нами будет весело!

Еще один взрыв смеха, от которого у меня заходится сердце. Успеваю вдохнуть прохладный воздух и бросить взгляд на темное, пасмурное небо, прежде чем нас заталкивают в большой ангар. Метров сто в длину, десять в ширину. Под двускатной крышей редкие точки ядовито-голубых светильников.

Охрана тут же начинает сортировать новоприбывших на свободных и тех, кто уже с энергоблоком. Я стою у стены, вместе с остальными горбатыми. Молча наблюдаем, как «свободных» выстраивают в шеренгу, друг за другом, затылок в затылок. Они стоят перед дверью в небольшой павильон, собранный из досок прямо здесь, в центре ангара. И я знаю, что с ними будет... С ненавистью ухмыляюсь, заметив в шеренге того — со шрамом на лице. Интересно, как им будут вживлять? Как нам тогда, в первые дни интервенции? По первым же крикам понимаю, что технология не изменилась.

Конвейер работает споро: через одинаковые пятиминутные промежутки с другого выхода павильона вытаскивают бессознательное тело, аккуратно кладут на бетонный пол спиной вверх. На каждом — новенький энергоблок. Пожалуй, чуть более компактный, чем мой, но в целом похож.

Украдкой смотрю по сторонам. С двух концов ангара стоят вооруженные охранники. Еще двое постоянно прохаживаются мимо нас. То, что я единственная девчонка, явно не предназначенная для этой партии, никого не смущает. Видимо, такое здесь в порядке вещей: работяги стараются обеспечить себя развлечениями, когда подворачивается возможность.

Через полтора часа после начала процедуры все уже кончено. Из павильона выходят двое — один седой, в темных очках, другой помоложе, с блестящим кейсом. Не оглядываясь, они уходят через главные ворота ангара. Следом из дощатой постройки работники выгоняют широкими швабрами бурю жижу, а среди лежащих на бетонном полу слышатся стоны, заметны первые попытки встать на ноги...

Мне хочется надеяться, что в первую ночь им будет не до меня. Лежу в стороне от других, с открытыми глазами. Вдруг кто-то зажимает мне рот широкой ладонью, перехватывает руки. Сумев вывернуться, замечаю, что противник лишь один — тот самый Глот.

— Отвали!

Он пытается стянуть с меня одежду.

— Тупой ублюдок, у тебя же швы разойдутся! Энергоблок отвалится вместе с позвоночником!

На миг его это останавливает, он приподнимается, сменив самодовольную ухмылку на гримасу напряженных раздумий. Воспользовавшись моментом, я спихиваю с себя ухажера, вскакиваю на ноги. Но Глот не думает отступать.

— Врешь ты все, девка! Хозяева не станут пришивать горб, который так легко отвалится!

Успокоив себя, он наступает, заставляя меня пятиться к центру ангара. Кто-то рядом уже проснулся, на нас глазуют, но мне все равно. Я выхватываю заточку, наставив ее жало на человека со шрамом.

Кажется, это не слишком его смутило, но в глазах сверкнуло понимание — девку так просто не возьмешь.

— Ну давай, цыпочка, давай... Поиграем...

Мы кружимся вокруг одной точки, не спуская глаз друг с друга. Станет ли он убивать меня, если перехитрит? Или только изнасилует? Как бы то ни было, я церемониться не стану — пырну его заточкой при любом удобном случае, не задумываясь!

Размашистым движением рассекаю воздух, заставляя Глота прыгнуть назад. «Что ж ты отскакиваешь? Подходи... Подходи ближе!» Я заманиваю его, оттягивая руку с жалом чуть назад, создавая иллюзию относительной безопасности. Он облизывает губы, продолжая ухмыляться, делает шаг вперед. Еще один шаг... Теперь главное не промахнуться, не прозевать возможность! Один точный удар...

— Отойди от нее.

Толпа испуганно расходится в стороны, уступая дорогу двухметровому верзиле, разрисованному татуировками. На плечах у него сидит эйнер в лоскутной шкуре, сделанной, видимо, из разных детских игрушек.

Верзила останавливается между нами. Сверху слышен один на всех эйнеров голос:

— Как ты посмел?

— Хозяин, так она же это... — пытается оправдаться Глот и я вижу, как лицо его бледнеет с каждой секундой, — Она же не работник! Так, игрушка!

— Все, кто здесь находятся, моя собственность. Ты покушался на мою собственность?

Глот вжимает голову в плечи, не смея больше ни ответить, ни отойти в сторону. Плюшевый Франкенштейн поворачивает ко мне морду с красными глазами, долго разглядывает. Потом одним движением когтистой лапы дает команду своему носителю и они отходят назад.

— Продолжайте! — приказывает эйнер мне и человеку со шрамом.

Глава 12. НА МЕНЯ СМОТРИТ ЗУН

«Продолжать? Что значит продолжать?!» И я понимаю, что хозяин не собирался останавливать развлечение. Наоборот, он встал в сторонке, чтобы понаблюдать, выяснить, кто окажется ловчее, вооруженная девчонка или безоружный мужчина? Смерть, насилие — ему все интересно.

Очень трудно снова заставить себя защищаться. Заступничества эйлера — вольного или невольного — оказалось достаточно, чтобы выбить меня из колеи. Вселить надежду, что теперь не дадут в обиду. Как же...

Снова кружимся вокруг невидимой точки на грязном полу. Тот, со шрамом, нагло улыбается, как будто он уже заполучил меня, словно это дело решенное и вопрос лишь в том, сколько времени еще поиграть коту с мышкой. Сжимаю заточку крепче. Вспоминается зимний вечер, когда Андрей принес мне металлическую заготовку, показал, что с ней делать. «Пригодится» сказал он тогда.

Я бросаюсь вперед, с безумным криком, ненавидящим взглядом. Успеваю чиркнуть лезвием по рукаву Глота, но он уворачивается и тут же бьет меня по лицу. Не удержавшись, падаю на доски. Надо мною гвалт, я в кругу, образованном беснующейся толпой. Так или иначе они сегодня получат развлечение.

Глот приподнимает меня за ворот рубашки, бьет по лицу еще раз, так, что в глазах появляются цветные разводы. Заворачивает мне за спину руки, стараясь придавить их весом моего тела и энергоблока. С треском рвет на мне одежду.

Не знаю, как получилось высвободить правую — возможно, сказались усиленные балки, которые имплантировал Андрей еще в монастыре. Заточка валяется рядом, я нащупываю ее в тот момент, когда враг уже празднует победу. Он окидывает взглядом кричащих дружков, прижимает холодную ладонь к моей груди...

Вижу, как в его темных зрачках вспыхивает огонек страха. Глот замирает. Чуть ниже его сердца в тело упирается заточенный металл, выдавливая красную каплю. Окружающие не сразу понимают, в чем дело, они продолжают кричать, подбадривая Глота, недоумевая, почему он остановился. А я смотрю ему в глаза и решаю: надавить сильнее или нет? Одно дело, когда стреляешь из пистолета, на расстоянии, да еще и не в человека. А тут... Глаза в глаза... Пусть он даже самый конченный ублюдок из всех, но останусь ли я той же девчонкой, если решусь?

Человек со шрамом медленно приподнимается. Вижу, как прыгает в горле его кадык, когда он судорожно сглатывает. Глот рывком встает на ноги. Кто-то заметил в моей руке жало, кто-то нет — думаю, большинство так ничего и не осознало. Они все еще возмущенно вопят, размахивают руками, и только два маленьких, красных глаза светятся над толпой: все это время эйнер неотрывно наблюдал за мной. Уж он-то все заметил, я уверена!

Глот отходит в сторону, скрываясь среди других работяг. В последний момент он оборачивается, смотрит на меня, и я не знаю, чего больше в этом взгляде. Злости? Благодарности? Нет. Скорее — непонимания.

Носитель хозяина выходит вперед, подталкивает меня, чтобы я шла к выходу из ангара. Шум обрывается, оставшись за рифлеными металлическими дверьми. Меня ведут мимо хозяйственных построек — сараев, складов. Заставляют подняться по внешней лестнице офисного здания. На втором этаже заталкивают внутрь большой, хорошо освещенной комнаты.

Носитель забирает у меня заточку — все это время я держала ее в руке — поднимает наверх, передавая своему эйнеру. Тот обхватывает металл мягкими лапами, в которых виднеются кончики своих лезвий, внимательно разглядывает человеческую поделку.

— Почему не убила?

Если б я знала... Поддонк стоил того, чтобы продырявить его жалом!

— Может... потому, что я человек?

— Глупость! — эйнер бросает мое оружие на стол, — Ты его ненавидела. И сейчас ненавидишь. Разве нет?

— Да, хозяин.

— Значит, должна была убить.

Молчу, не зная, что ему ответить. Я и себе не могу ответить на этот вопрос.

— Кем был твой последний хозяин?

— Не знаю. Мне и еще нескольким беженцам надели гор... энергоблоки, но я так ни разу своего хозяина и не видела. Нас вели куда-то большой группой, за городом. Все вдруг бросились врассыпную и я... я тоже побежала... Потом пыталась снять энергоблок, но у меня не получилось, только замкнуло там что-то.

— Снять? Глупая самка.

Верзила-носитель подходит ко мне, повинувшись команде своего эйлера, и я чувствую, как тот начинает ковыряться у меня за спиной. На пол падает извлеченный прерыватель.

— Ты могла бы погибнуть, если бы прикоснулась не к тому контакту. Больше никогда так не делай.

— Слушаюсь, хозяин.

Чувствую, как вздрогнули мои руки. Эйнер добрался до интерфейсов, коммутирующихся с моими имплантами.

— Очень любопытно. Завтра тебя наладят. Будешь моим вторым номером. Ты интересный человек, я хочу поехать на тебе, узнать поближе.

Покорно опускаю голову, успеваю заметить косой взгляд номера один. Мы выходим из офисного здания, к нам присоединяется охрана, еще какие-то люди из свиты хозяина, идем по улице к его дому. Никак не могу задавить в себе протест, который и раньше, когда я была носителем Рэка, рвался наружу: это ничем не объяснимое высокомерие по отношению к захватчикам, ведь я знаю города Расцветающей лучше, чем они. Каждый раз, когда мне указывают, куда идти, хочется крикнуть — «это наши дома, наши улицы!» Но сжимаю зубы, послушно следую за высоким мужчиной в татуировках, на спине которого сидит чужой.

В комнате, где я буду теперь жить, еще три обитателя. Хозяйский номер один — его зовут Григ, он молчалив и подозрителен. Таня, служанка по дому, девушка с милым, даже аристократичным лицом, но только до тех пор, пока не откроет рот... В общем, не очень умна. И, наконец, лакей Авер, вихрастый парнишка лет двадцати пяти. Этот хоть и простой в общении, но смышлен. С ним я схожусь быстро — лучшего источника информации в доме не найти. Авер знает все и обо всех. Порой Григ даже цыкает на него, опасаясь, что парень болтает лишнее.

— Помойте, — указывает хозяин на меня, прежде чем скрыться в недрах дома на плечах верзилы.

Аристократка с вихрастым приносит воду, помогают мне раздеться. Парень с видимым усердием натирает мочалкой мою грязную кожу. Я не протестую — пускай развлекается. Тем более, что тело отзывается блаженной истомой.

Утром присылают настройщика, который устанавливает в мой горб новый прерыватель. Я с замиранием сердца жду, когда он подключится, опасаясь, что меня вот-вот раскроют, обнаружат

вмешательство в энергоблок на программном уровне. Но все проходит благополучно — Андрей молодец, он знал, что делал. Да и технологии менсо вряд ли уступают эйнерским.

У меня начинается новая жизнь, с новым хозяином. Он появляется чуть позже, взбирается по чистой одежде. Его приказано звать Зун. Он не торгует живым товаром, люди ему нужны лишь для того, чтобы разрабатывать полезные ископаемые.

С минуту Зун устраивается, словно водитель автомобиля, подгоняющий под себя кресло и органы управления. Потом вдруг хватает меня за волосы, тянет их вверх — взмах лезвий и темный хвост отброшен на пол, рассыпался причудливым пятном.

— Так лучше, — слышен бесцветный голос.

Я стою, разинув рот, разглядывая отрезанную копну. Невольно поднимаю руку, ощупываю затылок. Зун брезгливо отпихивает мою ладонь.

— Привыкнешь.

Он выезжает на мне из дома. Грига тоже берем с собой: первый номер выглядит столь внушительно, что с ним можно передвигаться без дополнительной охраны.

Мы идем в сторону промзоны, туда, где закатана в бетон огромная взлетно-посадочная площадка. Временами доносится гул взлетающего или садящегося корабля, но яркое солнце мешает на них смотреть.

Пока идем, я стараюсь привести мысли в порядок, оценить свое положение. Мне повезло, что эйнер не оставил меня в ангаре, взял к себе в дом. Но то, что нас с Андреем разделили — очень скверно. Не уверена, что смогу быть полезным агентом, если рядом не будет опытного товарища. Да чего уж там... Я и в своем завтрашнем дне не уверена.

Выходим на широкий проспект, который упирается асфальтовой полосой в бетонку космопорта. Раньше там стояли таможенные посты, пропускные пункты полиции... Сейчас ничего этого нет, эйнеры все разобрали. Вход-выход осуществляется беспрепятственно. Чужим некого бояться на Расцветающей, а сами себя они не контролируют.

Идем вдоль кораблей, которые раньше я видела лишь издалека, да и то мельком. Высокие, сплюснутые с боков корпуса, длинные стволы энергетических излучателей, мощные опоры стабилизаторов. У дальнего корабля суета: несколько десятков человек занимаются погрузкой, среди них два портовых механоида, созданных еще до интервенции. В стороне — три носителя с хозяевами на плечах, рядом с каждым своя свита.

— Ты наконец нашел транспорт попроще, Зун, — замечает, повернувшись к нам, один из эйнеров.

— Взял на пробу, Цим, — отвечает мой хозяин.

«Зачем это представление? Неужели они не могут общаться невербально? Или хотя бы на другом языке?» Но я стараюсь сохранять невозмутимость, скрывать свое удивление.

На открытом пространстве гуляет свежий ветерок, он шевелит остатки моих волос, заигрывает с ними. На миг я позволяю себе отключиться от окружающей действительности. Если закрыть глаза, можно подумать, что мне шесть лет и мы вышли с отцом на прогулку среди холмов. Сейчас он возьмет меня за руку, поведет вперед...

— Это самка? Она эстетичная. Поздравляю.

— Спасибо, Дэл. Она еще и норовистая.

Я стараюсь не слушать, но эйнеры обсуждают мою внешность, перспективы эксплуатации. Это просто невыносимо!

Кто-то касается моей руки. От неожиданности я готова вздрогнуть; к счастью, тело умнее пугливого сознания, оно словно буфер между моими эмоциями и существом, сидящем на загривке, способном почувствовать любое неосторожное движение. Я опускаю взгляд, вижу руку Грига. Наверное, он заметил, что я начинаю раздражаться из-за эйнерских разговоров. Отодвигаю его ладонь. Весь мир носителя состоит из таких вот движений, которые должны остаться незамеченными для хозяина. Слова, произнесенные одними губами, многозначительные взгляды, неуловимые жесты — все идет в ход. Горбатый всегда поймет горбатого. «Сейчас, Григ, мне не нужна помощь. Я

справлюсь. Да ты и не за меня беспокоись, правда? Взбесившийся носитель сулит неприятности не только хозяину, ведь случись что — под горячую руку эйлера попадут и другие люди».

Зун больше часа контролирует погрузку. Это очень странный груз для торговца полезными ископаемыми. Я замороженно смотрю на деревянные ящики с фруктами, корнеплодами... В какой-то момент Зун подключается к управлению моим бионическим манипулятором, подхватывает из одного ящика зеленое яблоко, сует мне в карман.

— Это тебе.

— Спасибо, хозяин. Я забыла сказать...

— Что?

— Моя левая рука рассчитана на точную работу. Но ею нельзя поднимать тяжелые вещи. С правой проще, там есть усиление.

— Хорошо, Ника. Мы будем поднимать левой только легкие яблоки. Молодец, что сказала, но беспокоилась ты зря: я сразу прочитал ограничения в микрочипах манипуляторов. Вы, люди, сами все время нарушаете собственные ограничения.

После полудня Зун оставляет меня, уезжает куда-то на Григе. Тани в комнате нет, со мной лишь Авер. Он мастерит что-то из деревяшки, обстругивая ее моей же заточкой. Я хочу отобрать, но не могу решиться, невольно засматриваясь на его работу.

— Хороший ножик. Сама сделала?

Я киваю.

— Странно, что хозяин позволил тебе его оставить, — продолжает болтать вихрастый, отодвигая ногой стружки, похожие на его волосы.

— Наверное, хочет посмотреть, как я прирежу мужика, который попытается на меня залезть.

На мгновение Авер замирает, но, увидев мою кривую усмешку, расслабляется. Я подсаживаюсь, смотрю, как двигаются его руки. Так же работал Андрей в горной хижине, когда ковырялся во внутренностях подстреленного эйлера, но у менсианца движения более точные, выверенные. А вихрастый строгаёт свою деревяшку хаотично, то размашисто, то едва касаясь, и, однако, в этих движениях есть свой артистизм, изящество.

— Зачем им наши фрукты? Как думаешь?

Авер пожимает плечами.

— В последнее время Зун, кроме нефти и газа, чего только не отправляет с Расцветающей. Кто их знает, зачем им все это нужно. Он и компьютеры наши собирал — я как-то видел целый склад, заваленный оргтехникой. По этой части они, конечно, спецы!

— А другие эйнеры приходят к Зуну?

— Бывает. Вообще они не любители по гостям шататься, только по деловым вопросам. Но, видимо, таких вопросов становится больше.

Спохватившись, Авер поднимает на меня испуганный взгляд.

— Дура ты, Ника. Зачем такие вопросы задаешь? Не нашего это ума дело!

— Ладно, не кипятись. Я ж не с кем-нибудь, а так только... Среди своих.

— Нет никаких своих, — ворчит Авер.

Выждав несколько минут, я снова начинаю расспрашивать:

— Как думаешь, если бы мне нужно было найти человека... Скорее всего он живет где-то недалеко, у другого хозяина... Можно было бы это сделать?

— Нет ничего невозможного, — авторитетно заявляет вихрастый, — Только зачем другой? Есть же я! Молодой и красивый!

Откладывает работу, пытается придвинуться ближе. Похоже, мою угрозу он не воспринял всерьез.

— Как тебя зовут? Полное имя, не сокращенное эйлерами?

— Аверинг. А что?

— Ты хороший парень, Аверинг. Но мне правда нужно найти другого человека, очень нужно, — я отталкиваю его руку, пробравшуюся на мою коленку, — А вы, мужики, все словно спятили!

Вихрастый со вздохом отстраняется.

— Люди торопятся жить, — замечает он совсем не по-мальчишески, с какой-то вселенской грустью.

Ночью мне приходится встать, чтобы идти во двор: удобства для людей хозяева вынесли подальше. Облегчившись и проводив взглядом очередную звездочку, пересекающую небосвод, я возвращаюсь в дом. Освещения нет, но дорогу выучить успела — поворот налево, три ступеньки вверх и еще чуть правее. Однако я не спешу возвращаться. Если повернуть направо, коридор приведет в каминный зал, в котором Зун проводит большую часть дня. Там ли он сейчас? И как проводят ночь эйнеры? Спят ли они? Андрей говорил, что у них должно быть что-то вроде аварийного режима, когда отключаются все второстепенные и вспомогательные функции. Так проще пережить неактивную фазу, свойственную покоренному биологическому виду. Ведь нам-то сон нужен.

Осторожно ступаю по полу, поворачиваю направо. Под ногами плитка и это хорошо, она не станет скрипеть в самый неподходящий момент. Нужно пройти чуть меньше десятка шагов, потом будет арочный портал. Справа три окна, но света они не добавляют, на улице не горят фонари. Считаю шаги: шесть... семь... Мягкая ступня вдруг натывается на острый камешек. Я отдергиваю ногу, закусываю кулак, чтобы не закричать. Переждав боль двигаюсь дальше.

«Остановлюсь в портале и осмотрюсь. Только остановлюсь и осмотрюсь, ничего больше! Скорее всего ничего не будет видно, и тогда я вернусь в комнату. В конце концов я должна что-то делать, расширять территорию своей активности! А когда еще тут все прощупывать, как не ночью?»

За пару шагов до арочного портала я понимаю, что вижу на полированных изгибах красного дерева бледные отсветы. Свеча? Не похоже — свет не колеблется, он статичен, хотя по яркости и сравним со свечой. Идти дальше? Или вернуться? Я делаю еще шаг. Вытягиваю шею, заглядывая в каминный зал.

Пространство слишком большое, чтобы его можно было осмотреть в темноте. Замечаю лишь светящуюся точку в центре. Шагаю к светлячку, словно замороженная — все ближе и ближе... Когда до источника света остается пара шагов, нога снова на что-то наступает, на этот раз мягкое, приятное. Я наклоняюсь, поднимаю с пола какую-то тряпицу. Подношу ее к самому лицу, стараясь разглядеть. На меня смотрит Зун. Это его шкура.

Глава 13. ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИМПЛАНТЫ

Мне хочется вскрикнуть, отбросить отвратительную оболочку! Но надо сдержаться. Медленно опускаю шкуру на пол, чувствуя, как по спине стекают капельки пота. Мне страшно. Но разве можно отступить, если зашла так далеко?

Еще один шаг вперед, навстречу светящейся точке. Что там? Хозяин? В центре зала прямоугольное пространство, образованное тремя большими диванами и камином. Посреди этого пространства — несколько пластиковых коробок, похожих на системные блоки мощных компьютеров. Чтобы занимать столько места, машинки действительно должны быть очень мощными! Они опутаны проводами разной толщины и в этом переплетении, словно паук в паутине, замер хозяин Зун.

В первое мгновение мне кажется, что он смотрит прямо на меня, но я тут же понимаю, что глаза эйнера не светятся красным, он будто отключен. Лишь слабенький желтый светодиод горит там, где толстый кабель подходит к металлическому телу. «Заряжается? Не слишком ли сложная схема для зарядки?»

Я набираюсь смелости, тяну руку, чтобы махнуть ладонью перед глазами-камерами. Ничего. Никакой реакции. Где сейчас его сознание? Полностью отключено? Или... Я могла бы прихватить с собой оружие, попробовать вонзить клинок в одно из уязвимых мест, где видны щели в сочленениях уродливого тельца. Узнает ли он когда-нибудь, что смерть стояла рядом и дышала ему в лицо?

Тут что-то с глухим стуком падает на ковер, закатывается под диван. Чертово яблоко вывалилось из кармана! Нагибаюсь, судорожно пытаюсь нащупать его гибкой правой, но упрямый фрукт никак не находится.

Из глубины дома доносятся звуки. Все, здесь нельзя больше оставаться! Бесшумно вскакиваю, на цыпочках бегу к выходу из зала, успевая еще раз наступить на шкуру Зуна. Вдоль по коридору, три ступеньки вверх, еще чуть правее... Аккуратно, не скрипнув петлями, притворить за собой дверь. Ложусь рядом с Таней, у стены, противоположной от спальных мест Грига и Авера. Девушка с аристократичным лицом поворачивается, обнимает меня во сне. Я закрываю глаза, стараясь успокоить дыхание.

* * *

— Ты ведь Григорий, да?

— Я Григ.

Нас отправили с поручением к ангарам и я стараюсь разговорить первого номера хозяйских носителей. Но он упрям и всем своим видом показывает, что его не интересует пустая болтовня. Не помогают ни обидные подначки, ни лесть, ни женские ужимки с «нечаянными» прикосновениями — я перепробовала все варианты.

— Хотела бы я взглянуть на тебя до вторжения. Кем ты был? Наверное, таким же громилой, как и сейчас: прислуживал какому-нибудь боссу, таскался везде за ним в черном костюме и солнечных очках.

Он вдруг останавливается, поворачивается ко мне. «Ого... Похоже, я его все-таки допекла».

— Я был учителем. Детским тренером, учил ребятшек плавать. Помнишь большой бассейн в центральном округе?

Не дождавись ответа, Григ отворачивается, возобновляя размеренное движение к ангарам. Некоторое время мы идем молча, я не решаюсь продолжить разговор, спросить его о тех ребятшках, о собственной семье. Кто знает, какая боль живет в воспоминаниях этого большого человека...

Неожиданно Григ сам начинает говорить.

— Все произошло так, как должно было произойти.

Он смотрит вперед, слегка прищурившись, и невозможно понять, с кем он вообще разговаривает — со мной, или с самим собой.

— Если на нас ездят, значит, мы это заслужили. Значит, что-то делали не так. Не умели отличить друзей от врагов, не умели защитить себя. Теперь остается лишь принять мир таким, какой он есть. И ты, если хватит ума, примешь его таким. Тогда жизнь станет проще. А то ведь я вижу, — он снова оборачивается, заглядывает мне в глаза, все так же прищурившись, — что в твоей милой голове бродят абсурдные повстанческо-революционные идеи. Учти, Ника, поднимешь руку на Зуна или другого эйнера — прихлопну не задумываясь! Я не страдаю глупыми фантазиями о человеческом братстве.

Мы идем через толпу рабочих, спящих между складами. На вышках видны охранники с эйнерским оружием, некоторые с хозяевами на горбу. Работяги бросают на нас с Григом косые взгляды, но заговорить не пытаются — теперь мы разные касты.

Заходим в ворота знакомого ангара. Здесь все заставлено ящиками. Проходим мимо них, лавируя, перешагивая. Добираемся до знакомого дощатого павильона, в котором пару дней назад надевали энергоблоки на пойманных беглецов. Внутри маленькая контора: столы, стулья, пара ноутбуков, какой-то футуристичный эйнерский сервер. К нам поворачивается пожилой мужчина, молча кивает головой. Его помощник тянет от сервера шнур, вопросительно смотрит на нас. Григ указывает на мой горб и парень подключает шнур к нему. Несколько секунд информация перебрасывается с одного устройства на другое, пожилой наблюдает за процессом на мониторе, лицо его становится все мрачнее.

— Много... — ворчит он, — Слишком много. До вечера не успеть! Да у нас и занято все, сами видели! Чтобы к ночи освободить ангар, нужны механоиды.

Григ пожимает плечами.

— Это не мои проблемы. Я просто сопровождал информацию. Идем, Ника.

— Люди вторые сутки не спят, работают на износ! — несется нам вслед, но верзила словно не слышит.

В дверях я сталкиваюсь с человеком, поднимаю на него взгляд и невольно отшатываюсь. Лицо со шрамом! В памяти всплывает имя — Глот. Он тоже смотрит на меня с удивлением, почти так же, как тогда, когда уходил в толпу после нашей стычки. Удивление и непонимание. Вижу, что хочет что-то сказать, но то ли не находит слов, то ли боится Грига, который уже тянет меня дальше.

— Приходил хозяин, просил тебя зайти к нему, сразу, как вернешься, — говорит мне Таня, когда мы возвращаемся домой.

— Хорошо, — я наливаю себе воды и тут замечаю кое-что, заставляющее меня замереть с алюминиевой кружкой в руке, так и не успев донести ее до рта.

На моей постели лежит зеленое яблоко. Другое? Или то же самое? Теперь не узнать. Я поднимаю его, засовываю в карман, туда, откуда оно так неосторожно вчера выпало. Какой смысл медлить? Надо идти. Оставив воду нетронутой, выхожу из комнаты: чуть направо, по ступенькам вниз, прямо по коридору, мимо выхода во двор. Под аркой, обнимающей красным деревом вход в каминный зал, останавливаюсь на секунду, но тут же заставляю себя идти дальше.

Системные блоки с паутиной проводов отодвинуты в дальний конец зала. Зун сидит на диване в своей шкуре игрушечного Франкенштейна. Поворачивает ко мне голову, сверкнув красными глазами.

— Подойди, — тычет лапой на ковер перед собой.

Я послушно встаю на указанное место.

— Любишь фрукты?

Чувствую, как сердце бьется все быстрее и быстрее. Я не знаю, что ответить. Сделав над собой усилие, киваю.

— Тебе нравятся вкусные вещи?

Он терпеливо ждет, пока я снова кивну, но его уже не устраивают молчаливые жесты, Зун хочет слышать мой голос.

— Говори же! Нравятся или нет?

— Да, хозяин. Думаю, всем людям нравятся вкусные вещи.

— Ты можешь описать мне разные вкусы?

«К чему этот разговор? Если он нашел под диваном яблоко, которое подарил мне, и теперь подозревает, что я приходила сюда ночью, пусть скажет прямо».

— Это... Думаю, это сложно. Но я могу попробовать...

— Если я прикажу поставить тебе имплант, который обрабатывает сигналы вкусовых рецепторов и передает их мне, ты не будешь против?

«Черт, конечно я буду против! Но кому интересно мое мнение? Если откажусь — Зун может сделать это принудительно. Другое дело, что он, наверное, надеется на мое добровольное согласие. Возможно, это доставило бы ему удовольствие. А главное, добавило бы доверия. Тогда почему не согласиться?»

— Хорошо... Я готова.

— Чудесно! Мы сделаем это позже, а сейчас можешь быть свободна.

Зун так и не признается — подозревает ли он меня в том, что я приходила ночью. Оставляет мучиться, пребывая в неведении. Мне следует быть осторожней!

* * *

Дни тянутся один за другим. Весна уступает место летней жаре, раскаляя улицы и здания города. Это вызывает у меня чувство дежавю, ведь именно в такую жару, на исходе знойного лета, я покинула город, выстрелив в хозяина Рэка. Стараюсь гнать от себя такие мысли: сейчас все по-другому, все иначе.

В бесконечно тянущейся обыденности прощупываю возможность найти Андрея. Хитростью и послушанием уже добилась того, чтобы меня одну отпускали по разным поручениям, без

сопровождения Грига. Завожу знакомых среди работяг, которые стали относиться к девчонке с большим уважением. Среди них словно запах тлеющего запала ощущается неумолимая жажда перемен. Кажется, многие готовы рискнуть, разом навалиться на маховик истории, толкнуть его, привести в движение, пусть даже ценой своей жизни. Им надо лишь указать цель, дать надежду.

Глот тоже часто попадаете мне на глаза. Ни разу после того, как он получил еще один шрам — совсем маленький, зато под самым сердцем — он не позволил себе усмешку или дурное высказывание в мой адрес. Всегда лишь сдержанный, едва заметный кивок вместо приветствия.

Несколько раз с наступлением темноты я пытаюсь заглянуть в каминный зал, но каждый раз мне что-то мешает. И вот сегодня снова — ночь опускается на оккупированную территорию, зной сменяется прохладой, в безмолвии, воцарившемся в большом доме, чудится безопасность. Иллюзия безопасности.

Как и в прошлый раз, я возвращаюсь через двор, со стороны уличных удобств. Над головой белесая дымка — следствие столкновения теплого и холодного воздуха. Сквозь туманную взвесь не видно звезд. Да и зачем мне на них смотреть? На одинокий, мерцающий огонек, пересекающий небосклон? Колонизированные миры, столкновения боевых эскадр, глобальная трансгалактическая сеть — все это в другом, не нашем мире. Мы живем в пыльном, пропахшем помоями городе.

Поворот направо, десять шагов по коридору. Мне никто не мешает, ни единого звука во всем доме. Арка, вход в зал. В центре бледный, желтый огонек. Я иду к нему медленно, но ни секунды не сомневаясь, что это правильный путь. Не удивляюсь, когда чувствую под ногами что-то мягкое, прохожу дальше. Оказавшись перед эйнером, будто запутавшемся в проводах, опускаюсь на колени.

Несколько минут я смотрю на него, потом протягиваю руку, осторожно касаюсь основного кабеля. Ощупываю его, потом остальные провода, будто это может как-то помочь мне, подсказать — что здесь сейчас происходит?

Поднимаюсь на ноги, обхожу пластиковые коробки, которые сама для себя называю системными блоками, так привычнее. Ни одного монитора, ни клавиатуры, ни какого-нибудь джойстика. Возвращаюсь к хозяину. Ощупываю его холодное, металлическое тело.

Почему он не боится? Ночует совсем рядом с людьми и не боится. Будто бессмертный. Сжимаю основание его корпуса, к которому крепится маленькая, уродливая голова. Потом отпускаю. «Я все равно разберусь с тобой, Зун. Разберусь со всеми вами».

В мою ротовую полость имплантируют несколько рецепторов. Они маленькие, практически не ощущаются. Зато теперь хозяин, подключившись к интерфейсу энергоблока, может чувствовать вкус еды, которую я ем. По крайней мере он так думает.

Почему бы им не вывести эти рецепторы на иголки, которые можно тыкать в любую человеческую жратву, если так интересно! Но нет, эйнеры любят пробовать все через людей. Твари... Зун обещает проверить вечером работоспособность новой системы, а пока отправляет меня на склады.

Это хорошо. Я знаю, что сегодня в ангаре должно быть пусто, готовятся к приемке большой партии грузов. На площадке перед сооружением из рифленого металла еще кружится стайка рабочих, но внутри тишина. Прохожу чрево пустого склада насквозь, догоняя гулкое эхо собственных шагов. В павильоне-конторе один лишь пожилой мужчина, который отсюда, кажется, никогда и не выходит. Передаю ему то, что должна, но возвращаться домой не тороплюсь.

— Что-то еще? — он смотрит на меня с удивлением.

Я присаживаюсь рядом, на соседний стул. С опаской оглядываюсь на дверь.

— Вы ведь знакомы с тем человеком, который вживляет энергоблоки?

Пожилой догадывается о том, что мне нужно, еще до того, как я заканчиваю фразу. Он встает, приоткрывает дверь, проверяя — нет ли кого снаружи. Закрывает и снова садится рядом со мной.

— И думать забудь. Живешь хорошо, хозяин не обижает. Чего еще надо?

— Можете договориться с ним, чтобы... — упрямо продолжаю я, сжимая и разжимая кулак левой руки, — Это не глупость. Мне для дела нужно.

— Для дела... — вздыхает дядька, — С чего ты вообще взяла, что он не только вживляет, но и наоборот?

— Подсказали.

Старик раздраженно трясет головой, закрывает оба ноутбука, отключает эйнерский сервер.

— С кем попало, — он переходит на шепот, — этот человек связываться не будет. Операции делает только проверенным людям. Но раз тебе подсказали, значит знаешь таких людей.

Смотрит на меня выжидающе, и я, поразмыслив, решаюсь — все равно кроме имени выдать ничего не смогу.

— Андрей. Его зовут Андрей.

Мужчина кивает — «запомню, передам».

— Обещать ничего не буду. Если что узнаю, при встрече скажу. А сейчас уматывай отсюда! Живо!

Пулей выскакиваю из ангара. Я даже не рассчитывала чего-то добиться, но видимо, чем-то расположила его к себе. Может наглостью, а может... Все равно мужику терять нечего. Удовлетворение приятно щекочет в груди, добавляет адреналина в кровь. Дело сдвинулось!

Я сразу замечаю — в доме что-то не так. Таня и Авер оделись во все чистое. Грига нет в комнате, зато по коридору снуют лакеи и охранники.

— Что за суета?

— Вечеринка у них, — отвечает аристократка, — Такое редко, но случается.

Хорошее настроение моментально улетучивается, хочется забиться в угол и сделать вид, будто меня не существует вовсе. Но я понимаю — вечеринка не обойдет меня стороной. Через полчаса, после того, как уходят Таня и Авер, присылают и за мной.

В камине горит огонь, на диванах несколько эйнеров в игрушечных шурах. Вдоль стен стоят их носители. Меня сначала не замечают, потом «Франкенштейн» оборачивается, одаривая взглядом красных глаз.

— Иди сюда, Ника.

Даже окажись я полностью раздетой в толпе работяг, все равно чувствовала бы себя более уютно, чем под взглядами чужих, устремленных с разных сторон. Меня заставляют сесть между гостями, Зун забирается на спину.

— Угощайся, — передо мной выставлен столик, заставленный фруктами, ягодами, какими-то мясными и сырными деликатесами, отдельно стоят бокалы и несколько бутылок, — Ты должна будешь попробовать как можно больше.

Обедала я давно, но от одной только мысли об этом гастрономическом эксперименте к горлу подступает тошнота. И все же я беру что-то, не глядя, наугад, отправляю в рот. Потом еще. И еще... Нужно перетерпеть. Совладать с эмоциями, отвращением. Место Зуна на моем горбу занимает кто-то другой, его сменяет третий... И я уже равнодушно замечаю, как в дальнем конце зала раздетые Авер и Таня вытворяют то, что им приказывают сидящие на плечах эйнеры.

Когда меня отпускают, я выхожу на улицу. Шатаясь иду через двор, но до туалета дойти не успеваю — падаю на четвереньки. Меня выворачивает. Спазмы долгие, мучительные, тело будто хочет исторгнуть всю прошлую жизнь, все воспоминания. Что ж, значит, так тому и быть. Предать забвению все, оставив лишь сегодняшний день и одну единственную цель — подобрать ниточку у таких, как Рэк и Зун, чтобы пройти по ней до конца, до самого сердца их цивилизации. И когда я закончу этот путь, моя рука не дрогнет.

* * *

— Адрес запомнишь? — старик в конторе показывает мне обрывок бумаги, тут же его сминает, поджигает, бросив себе под ноги, — Если надумаешь, предупреди через меня за несколько дней. Операция займет минут сорок, так что сама рассчитывай. А это... На, держи. Весточка тебе от Андрея, через знакомых передали. Как прочтешь — тоже сожги. Сразу же! Поняла?

— Поняла!

Глава 14. ВСТРЕЧА

Знаю, что записку лучше не держать при себе, нужно уничтожить ее как можно скорее. Но не могу с ней расстаться вот так, сразу. Я иду к дому Зуна, сжимая бумажку в кулаке. Слова, написанные обычной ручкой. Простой клочок тетрадного листа. Или офисного? Еще не смотрела. Для меня они доказательство того, что мир не превратился в хозяев и носителей. Есть еще Люди. Как бы мы себя не называли — акци, менсо... Этот клочок бумаги — моя личная вера в людей, продолжающих бороться.

Иду к старому каналу, который колонисты построили много лет назад, чтобы в сезон дождей спасти город от наводнений. Нужно пройти через дом, двор, мимо отхожих мест и хозяйственных построек, через калитку в стене, отделяющей канал от жилых кварталов. Сюда почти никто не выходит — эйнерам ни к чему, а для людей вода стала слишком вонючей. Мне плевать на запахи. Сейчас главное слова, написанные на мятом клочке.

«Вера-Ника! Не торопись снимать. Только когда будем готовы все изменить. Подробнее расскажу при встрече. Старик сообщит — когда и где. Андрей».

Сжимаю зубы, устремив взгляд вдоль канала. Плакать не буду: я не такая, как раньше. Не глядя бросаю клочок бумаги в сторону черной воды, зажатой каменными берегами, «украшенной» радужными разводами. Она разъест бумагу, не сохранив даже пепла, который остался бы после огня. Возвращаюсь домой.

Меня сегодня не беспокоят: Зун чем-то занят, ему не до дегустаций. Только Авер пристаёт, но его я быстро отшиваю. С омерзением вспоминается, как эйнеры использовали вихрастого и Таню. Есть ли у этих двоих свои, особенные импланты в телах? Не решаюсь спросить. Впрочем, и без того понятно, что есть.

Сплю я плохо. Иногда мне кажется, что в коридоре между людской и каминным залом кто-то ходит, а иногда заснуть не дают мысли. Думаю о том, нашел ли Андрей хоть какую-то зацепку, чтобы распутать клубок, пройти по ниточке, добравшись до эйнерских секретов? А если нет? Если он в худшей ситуации, чем я? Может, вся надежда именно на меня и я не должна сейчас лежать, нужно снова идти к отключившемуся Зуну, пытаться что-то исследовать, понять... Глаза слипаются и я проваливаюсь в сон.

Знакомое ощущение, как с тем утопленником на болоте. Будто чувствую чей-то разум, чужой разум. Но в этот раз не в глубине трясины, теперь я иду по коридору. Одна, в темноте. В руках шершавая нить, струящаяся по ладони, перетекающая по моим пальцам спереди назад. Откуда она тянется? Куда меня ведет? Я вдруг понимаю, что с каждым прикосновением нити слышу обрывки чьих-то мыслей: «заканчиваем... новая партия... много интересного... вид любопытный... эксперименты многообещающие...» Нить на мгновение исчезает, прерываясь в мягких лапках, из которых торчат лезвия. Эйнер. Но я тут же перехватываю нить с другого конца и иду по ней дальше. Никто меня не преследует, я словно в невидимом для эйнеров пространстве. Мысли продолжают струиться, одна за другой, от одних мягких лап с лезвиями к другим. «Склепники... Есть потери... Люди... Соппротивление!» Нить снова ныряет в чьи-то лапы, я пытаюсь найти ее продолжение, но никак не получается. Нет мягкой ткани, только металл, металл... Чувствую, как растёт напряжение, мои руки лихорадочно обыскивают недвижимые части чуждого организма, пока он не начинает шевелиться. «Кто здесь?» Я замираю и, за секунду до того, как страх вырывает меня из объятий сна, успеваю поймать последнюю мысль — «Некрополь!»

— Ох! — я сижу в темной комнате, зажимая себе рот рукой.

— Ты чего? — Таня поворачивается ко мне, смотрит застанными, удивленными глазами, — Ложись давай, рано еще.

Обнимает меня, заставляет лечь. Думает, наверное, что так может успокоить. Но я не хочу успокаиваться!

Ангар разобрали. Площадка теперь заставлена большими контейнерами, созданными еще до вторжения, для наших кораблей. Сейчас на них намалеваны непонятные эйнерские знаки. Между контейнерами прохаживаются вооруженные носители с хозяевами на плечах.

Чтобы найти контору, мне приходится долго бродить по всему промышленному району, и даже тогда, когда я ее нахожу, выясняется, что старик — управляющий хозяина Зуна — работает совсем в другом месте.

Он бросает на меня косой взгляд, когда я разыскиваю его в одном из многочисленных офисов, окружающих космопорт.

— По делу? От Зуна?

Отрицательно мотаю головой. Вокруг много других людей и старик хмурится, вздыхает недовольно.

— Не вовремя. Хотя... Сейчас всегда — не вовремя.

— От него... Ничего? — прерываю фразу на полуслове, но он и так все понимает.

— Вечером. С восьми до девяти, если сможешь. Тупик в конце Красной улицы.

— Найду.

Выскакиваю из офиса, не смея больше задерживать старика, привлекать к нему внимание. Велик соблазн пойти на Красную прямо сейчас, посмотреть — что там да как. Но я одергиваю себя: не стоит раньше времени светиться в месте, где назначена встреча.

Раньше рабочие часто поглядывали на ухоженную хозяйскую девчонку. Не столько с вожделием — понимают, что эйнерская собственность недоступна — сколько с желанием дать взгляду хоть немного отдохнуть на чем-то красивом, отвлекающем от рутины. Сейчас же я не чувствовала на себе взглядов. Охранников стало больше, времени на отдых меньше, злость среди работяг все сильнее.

Кто-то окликает меня по имени. Оборачиваюсь, вижу человека со шрамом на лице. Раньше он не смел со мной разговаривать.

— Ника! Постой!

— Мне нельзя болтать с вами, — я не останавливаюсь, лишь чуть замедляю шаг.

— Да я быстро. Я только...

Он оглядывается по сторонам. Если кто-то и обратил на нас внимание, услышать все равно не сможет. Мы слишком далеко от охранников.

— Ты извини. За тот случай.

Я отмахиваюсь — что было, то прошло.

— Мы тут с ребятами обсуждаем иногда, — он понизил голос, — Не то, чтобы надеемся, но... Вы же там, при хозяевах, больше знаете. Понимаете, что к чему. И если вдруг кто-то умный знает способ... На нас можно рассчитывать. Не на всех, конечно. Но верных человек сто будет.

Я киваю головой, собираясь повернуть к выходу с территории офисных зданий. В последний момент оборачиваюсь.

— Спасибо, Глот.

— Это еще не все!

Он хватает меня за рукав, заставляя сблизиться с ним, шепчет на ухо:

— Парни на разных хозяев работают, некоторые в домах бывают, слышат всякое. В общем, видели мальчика твоего, как он на встрече эйнеров всю подноготную выкладывал.

— Какого... мальчика?

— Да вихрастого такого, из твоего дома. Рассказывал хозяевам, о чем в людской базарят. Осторожнее с ним. Ну все теперь, бывай!

Глот толкает меня кулаком в плечо и быстрым шагом скрывается за корпусом ближайшего здания.

«Вихрастый. Аверинг. Что же ты... Как можно?!» Пальцы сами сжимаются в кулаки. Стараюсь вспомнить, где оставила заточку. «В сарае, за досками? Да, точно». В комнате прятать оружие не хотела, носить все время с собой тоже.

Как теперь поступить? Предательство — самое страшное. Страшнее боли, лишений. Один предатель может перечеркнуть все, ради чего мы живем. «Правду ли сказал тот, со шрамом? Что, если Глот решил подставить Аверинга? Но зачем?»

Нужно увидеться с Андреем и все ему рассказать. Только сначала зайти домой, убедиться, что меня не хватились, что хозяин все еще с Григом, бродят где-то по делам. Я иду, погруженная в свои мысли, не оглядываясь по сторонам.

— Ты где была? — в комнате меня встречает Авер.

— А что? Искали?

— Нет. Просто спрашиваю.

Смотрю на него внимательно, надеюсь одним взглядом подтвердить или опровергнуть самые худшие опасения. Но взгляда недостаточно. Врать люди умеют и некоторые делают это очень талантливо.

Улыбаюсь, толкаю парня в грудь.

— В соседском доме была. Развлекалась!

— Развлекалась? Как? С кем? — он тоже улыбается, но настороженно.

— С чужим хозяином. Не только Зун хочет поиграться со вкусовыми рецепторами. А мне что? Жратва у него отменная. Обожаю острую еду! До сих пор во рту все горит.

Аверинг задумчиво идет к выходу из комнаты, оборачивается.

— Врешь ты все, Ника. Не такой у тебя характер, чтобы по чужим хозяевам ходить. Ты и своего-то ненавидишь, хотя он к тебе хорошо относится. Думаешь, незаметно?

— Не хочешь, не верь. Ты спросил, я ответила.

Наливаю воды в кружку, выпиваю с передышками, растягивая удовольствие.

Через полчаса за мной приходят. Охранник ведет в каминный зал, к Зуну. Тот расположился на диване, он приказывает мне сесть рядом и тут же взбирается на спину.

— Чем ты занималась, Ника?

— Я вышла погулять, хозяин. Совсем ненадолго.

— Без разрешения?

Виновато опускаю голову, тихо произношу:

— Простите...

Подключившись ко мне, он будто прислушивается к своим компьютерным ощущениям.

— Съешь яблоко.

Пульс учащается. Я беру яблоко, откусываю его. Зун не почувствует того, чего ожидает. Рецепторы не передадут ему острого послевкусия, если он вообще может распознать его. Зато я знаю точно: Аверинг донес на меня. Заставляю себя жевать кислую мякоть, а сама думаю о том, что еще мог предатель рассказать хозяину за все время, что я живу в этом доме? Я не болтлива, но все же...

Три холодных лезвия скользят по моей шее.

— Не надо огорчать меня, девочка. Я не всегда терпелив. Ступай!

* * *

Опасно оставлять дом. Теперь Зун будет присматривать за мной и если поймает на самовольной отлучке — словами дело не ограничится. Но встретиться с Андреем еще важнее.

Стараюсь не показываться на открытых местах, скрываясь на обочинах темных улиц. Вечер в городе ничем не отличается от полуденного зноя, прогретый воздух даже на ночь не сдает своих позиций. Хочется снять рубашку, избавиться от ненавистного энергоблока. Но я понимаю, что рано. Нужно еще потерпеть.

Вот и Красная улица. Некогда оживленная магистраль, одна из городских артерий, застроенных развлекательными заведениями, сейчас безмолвствует. Ни огней ярких вывесок, ни реклам, ни гомона голосов. Интервенция эйнеров медленно, но верно губит цивилизацию на Расцветающей.

На перекрестке вижу пару вооруженных носителей. С хозяевами, или нет — не успеваю разглядеть, прячусь в узком проходе между домов. Заметили меня? Кажется, идут сюда. Я вжимаюсь в стену, стараясь раствориться в сумраке подворотни. Шаги все ближе, ближе. Вдруг замирают. До меня доносится едва слышимый разговор. Потом тишина и... Носители уходят.

Дождавшись, когда шаги затихнут, я позволяю себе выдохнуть. Осторожно выглядываю из-за угла. Все, можно идти дальше. На часах половина девятого, следует поторопиться. Когда подхожу к тупику, которым заканчивается улица, замедляю шаг. Кажется, здесь никого нет. Но вот от дома отделяется тень. Прятаться поздно и я с замиранием сердца жду, когда неизвестный подойдет ко мне.

— Здравствуй, Вера-Ника!

Напряжение последних недель разом спадает с моих плеч, освобождая их от гнета страха и недоверия. Преодолев последний шаг, я обнимаю своего напарника.

— Здравствуй.

Мы долго стоим так, не желая произносить ни слова. Все отходит на второй план — эйнеры, война, сопротивление... Хочется, чтобы он вывел меня с оккупированной территории, чтобы мы вернулись в горы и никогда больше не расставались. Но это лишь минутная слабость.

— Рассказывай.

И я рассказываю. Про своего хозяина, про его бизнес и встречи с другими эйнерами... Про вкусовые импланты и вечеринку... Про желание избавиться от горба, про человека со шрамом, его предложение помочь, если мы надумаем выступить. Про предателя Авера.

Андрей внимательно слушает, слегка нахмурившись, поглядывая на улицу. Можно подумать, что он записывает все это в блокнот, но информация откладывается лишь в его голове.

— Ах да, вот еще что. У меня в монастыре были странные сны. Будто я вижу все глазами эйнера, которого утопила в болоте. А вчера ночью... Черт, даже не знаю, как это объяснить! В общем, те же самые ощущения, чужие мысли, но уже разных чужаков, как если бы я переходила от одного к другому.

— И они связаны?

— Вроде да. Похоже на то, что они общались между собой.

— Ты понимала? То, что они говорят?

— Лишь отдельные фразы. Говорили, что эксперимент очень интересный, перспективный, кажется. Что-то про людей вообще, про сопротивление. Странное такое слово было... Не знаю, правильно ли я его поняла, — в нетерпении щелкаю пальцами, вспоминая услышанный во сне термин, — А, склепники! И еще в самом конце — некрополь.

По глазам Андрея вижу, что мой сон заинтересовал его больше всего.

— Что ж ты раньше мне про такие сновидения не рассказывала, дуриха?

Он взъерошивает мои волосы, а я лишь смущенно пожимаю плечами.

— Считала, что глупости все это. От переживаний. А ты думаешь...

— Тут и думать нечего, такие истории уже случались. У менсо подобной связи с эйнерами нет, а вот у вас... Причем больше у тех людей, которые каким-то образом постоянно контактируют с хозяевами, в основном через импланты, конечно.

— А кто такие склепники?

— Меня спрашиваешь? Это же твой сон, — Андрей смотрит с улыбкой, — Ладно, не обижайся. Я тоже кое-что узнал — и сам, и от друзей. У этих тварей вроде как разделение, две касты. Так что твои склепники, скорее всего, одна из них.

— И чем они отличаются?

— Тут самое интересное! Кстати, твои наблюдения за хозяином это подтверждают. Те, что более многочисленны, управляются со стороны, вынуждены подключаться время от времени к какому-то

общему хабу. Они попроще и ограничены в перемещении. Но есть и самостоятельные, которые ими руководят. Этих гораздо меньше.

— Некрополь — это хаб?

Андрей качает головой из стороны в сторону.

— Не думаю. Бери круче. Некрополь — это их родная планета. Оттуда все ниточки тянутся!

Я невольно поднимаю глаза к небу, смотрю на звезды — первый раз в жизни с такой ненавистью. Мне хочется крикнуть всему небосклону — «мы знаем, где вы!» И пусть известно лишь название планеты, интерпретированное моим сознанием на наш язык, мне кажется, что этого достаточно, чтобы рано или поздно отыскать саму планету.

— Но хаб существует, верно? Здесь, на Расцветающей?

— Верно мыслишь, Ника.

— И если его найти...

— Снова в точку.

Мы смотрим друг другу в глаза, крепко взявшись за руки, чувствуя сердцебиение и дыхание.

— Андрей, если я их чувствую, слышу, то найду чертов хаб!

Он хочет возразить, но сам понимает, что будет именно так. Мне пора уходить, хоть я и тяну время, пытаюсь продлить встречу на минуту, на полминуты.

— Будь осторожнее, — он гладит меня по щеке, — Если вдруг почувствуешь опасность, уходи из города! Ясно? Не рискуй! Найди наше оружие и жди за стеной.

Уже расстались, разъединили руки и я, шагая назад, отошла от него на несколько метров, но вдруг бросилась обратно, чтобы крепко поцеловать.

— Что делать с Аверингом?

— Я не могу тебе приказывать или даже советовать.

Но в зрачках Андрея, кажущихся в вечерней подворотне черными, ясно виден ответ.

* * *

Дом встречает тишиной. Охранник, стоящий у двери, провожает меня взглядом, но не говорит ни слова. Кажется, хозяина до сих пор нет. Таня дремлет в комнате, а вихрастого я нахожу во дворе — он снова вырезает что-то из дерева. На этот раз не моим ножом.

— Догуляешься ты, Ника. Наживешь себе неприятностей. И про соседа-хозяина сегодня соврала... Ведь соврала же?

Я беру его за руку, заставляю встать.

— Идем.

— Куда это? — спрашивает с подозрением.

— Со мной. Ты же хотел. Разве нет?

Ухмыльнувшись, Аверинг откидывает нож и поделку, идет за мной. Мы проходим мимо сараев, я подталкиваю его вперед, задержавшись на мгновение у сложенных штабелями досок. Кирпичная стена с обвалившейся штукатуркой, в ней калитка... Я оглядываюсь назад, но во дворе нет никого, кто мог бы нас заметить. Выходим к каналу.

Вихрастый притягивает меня к себе, позволяя рукам лишнее, за что раньше получил бы по физиономии или даже в пах. Но сейчас пусть расслабится, почувствует себя в безопасности. Он пытается поцеловать меня и я, лишь слегка отстранившись, позволяю.

Вывожу правую — удар должен быть точный, а сил для него много не потребуется. Последний шанс отступить. Но я действительно изменилась.

Аверинг тихо охает, смотрит на меня удивленно. Я помогаю ему подойти к краю. Всплеск вонючей воды и тело уплывает вдоль по каналу, в сторону очистных коллекторов.

Хозяин не дает мне покоя. Он почти не пользуется Григом, ездит только на мне. Не знаю, подозревает ли он меня в чем-то, или я действительно понравилась ему, как носитель, но с утра до позднего вечера я на ногах, таскаюсь с Зуном по всему городу. С одной стороны это хорошо — я в курсе происходящих событий. Знаю, что готовится к отправке самая большая партия живого товара, что космопорт заполнен транспортными кораблями и это отвлекает внимание эйнеров от происходящего в городских кварталах. Но с другой стороны — я сильно выматываюсь, у меня нет времени хотя бы попытаться нащупать источник сигналов, которые мозг ловит с завидной регулярностью.

И еще кое-что меня беспокоит: уже два раза хозяин отправлялся на моих плечах в тот район агломерации, где я жила раньше, где стоит заросший деревьями дом Рэка. У Зуна не было там серьезных дел, он словно прогуливался из любопытства. Не знаю, насколько хорошо запоминают эйнеры лица людей, но кто-то из охраны или прислуги вполне мог узнать меня, если бы заметил на улице. И от таких прогулок становится не по себе.

— Ты не знаешь, куда мог деться Авер? — Таня выглядит мрачнее обычного, ходит по комнате, обхватив себя руками, — Он не появляется уже несколько дней. Зун отправлял охрану на его поиски, но безрезультатно.

— Думаешь, сбежал?

Она с сомнением качает головой.

— Вряд ли. Он уже привык к этой жизни. А там... Что ему там делать? Присоединиться к бродягам за стеной? Жить впроголодь? Нет, Авер не променял бы свое уютное рабство на изменчивую свободу. Наверное, с ним что-то случилось.

— С нами всеми что-то случилось, — резко бросаю я и Таня, остановившись, смотрит на меня с опаской.

«Даже если умом она не понимает, что могло случиться с вихрастым, сердцем все равно чувствует. Видимо, не чужой он ей был, прикипела к парню, с которым приходилось развлекать эйнеров. Что ж, прости подруга, выбора у меня не было».

Больше она не обнимает меня по ночам. Приходится долго ждать, пока Таня уснет. Да и после того, как она перестает ворочаться, когда на фоне умиротворенного храпа Грига я слышу ее размеренное дыхание, у меня нет уверенности, что девушка спит. Может, она ждет, когда я встану? Хочет проследить?

Я поднимаюсь, беру в руки ботинки и босиком выхожу из комнаты, оглянувшись напоследок. Никто за мной не подглядывает, не открывает глаз.

Оставив обувь на выходе во двор, я осторожно подхожу к залу. В центре тлеет желтый огонек, отбрасывая едва заметные блики на паутину проводов. Теперь я точно знаю, что сознание Зуна в это мгновение не здесь, оно где-то далеко и я даже не уверена, что на Расцветающей.

Пытаюсь уловить струящийся где-то в эфире разговор, но тщетно. Не знаю, отчего это зависит. Иногда чужие слова не дают мне покоя, сами лезут в голову, но бывает и так, что я хочу их услышать и не могу. Ясно лишь, что контакт стал сильнее с того момента, как мне поставили дополнительные импланты. Нервная система теснее переплелась с электроникой эйнеров, проросла в их виртуальной сети. Почему менсо так не могут? Почему только мы, люди?

Одеваю ботинки, иду к каналу. Выходить через парадную нельзя, там всегда кто-то есть, даже ночью, а вдоль черной реки можно добраться до какого-нибудь переулка и по нему уже выйти на одну из главных улиц.

План у меня простой: подняться на возвышенность, по пути осматривая любые элементы на жилых зданиях, похожие на коммуникации — провода, антенны: возможно, они будут направлены в одну сторону. Впрочем, ни разу не видела, чтобы эйнеры пользовались проводной связью.

На холме я надеюсь снова почувствовать ту веревочку во тьме виртуального туннеля, которая передает информацию от одного металлического создания к другому. Меня интересует не содержание. Главное — направление. Куда стекаются все эти терабайты? Но пока таинственные сигналы остаются неуловимыми.

Мне кажется, я привыкаю ходить ночью по улицам. Эйнеры встречаются редко, они не любят прогулок в темное время суток, а от людей я прятаться умею. Нужно лишь внимательно слушать, чтобы не прозевать чье-то приближение, не высказывать неосмотрительно на перекрестки и открытые места.

Поднимаюсь все выше, туда, где раньше располагались виллы самых уважаемых горожан. Кто там живет сейчас? Иногда мне кажется, что эйнеры занимали наши дома хаотично, без оглядки на размеры, внешний вид. Как будто им все равно, где жить, вне зависимости от статуса каждого отдельно взятого индивидуума.

Гром, раскатывающийся над ночным городом, заставляет меня остановиться, прижаться к стене дома. В небо медленно поднимается туша транспортника. Я провожаю корабль взглядом, пока он, скрывшись за тучами, не превращается в мутное, красное облако. Через минуту исчезает и оно, остаются только глухие, отдаленные раскаты.

Я иду дальше, но чувствую, что со стороны космопорта, оставшегося позади, будто что-то накатывается, догоняет меня. Останавливаюсь, поворачиваю голову через плечо. Тишина. Ничего не видно, никто меня не преследует. Продолжаю подъем, но чувство не исчезает, оно пульсирует за спиной, упирается между лопаток, там, где энергоблок срастается с позвоночником. Закрываю глаза и вижу в темноте, под сомкнутыми веками, как яркая линия проходит через меня и растворяется вдаль, за вершиной холма.

Я срываюсь с места, бегу, потеряв осторожность, следуя за невидимой линией. И вот, наконец, передо мной расстилаются кварталы западных районов. Взгляд лихорадочно скользит по зданиям, на расстоянии слипшимся в темные, щербатые квадраты и прямоугольники. Стоп! Глаза зацепились за что-то вдаль — что-то, выбивающееся из общей картины, равномерного городского пейзажа.

— Твою ж мать... Ну конечно! — я хлопаю себя по лбу и вскрикиваю громче, чем следовало бы, — Конечно!

Старая башня. Ретранслятор связи с Землей. Разве можно было найти для хаба что-то более логичное?!

Закрываю на мгновение глаза, чтобы убедиться. Пульсирующая линия видна не так хорошо, как несколько минут назад, но я уверена — она упирается в то место среди городских кварталов, где шпиль ретранслятора торчит над домами. «Я нашла его».

* * *

Андрей не знает о башне и я тихо схожу с ума от того, что не могу ему рассказать! Проклятый Зун не оставляет меня, заставляет ежедневно носить его, а то и развлекать дегустациями в каминном зале. Прошлым вечером я вернулась в комнату настолько пьяной, что уснула, не добравшись до постели.

Лишь сегодня Зун решил пересечь на Грига. Нельзя медлить ни минуты — уйду через главный ход, не обращая внимания на брошенное вслед «куда?» Охранник не посмел меня остановить.

Я знаю, где дом, в котором живет хозяин Андрея, нужно лишь дождаться, когда выйдет кто-нибудь из людей и попросить передать, что я жду. Знакомые и даже родственники, живущие в разных домах, не редкость, и, хотя эйнеры вряд ли одобряют такие встречи, они не препятствуют им. По крайней мере до тех пор, пока это не мешает работе на хозяев.

— Менсо высадили десант? — улыбнувшись, Андрей берет меня под локоть и ведет за угол дома, — Иначе не могу представить себе, что заставило тебя действовать так грубо и прямолинейно.

— Я нашла хаб.

Андрей не отвечает, он закрывает глаза, будто молится какому-то своему, менсианскому богу, воздает ему хвалу. Напарник даже не думает сомневаться в моих словах: нашла — значит нашла. Он мне верит.

Андрей открывает глаза, смотрит вопросительно.

— Старая башня, — говорю я, — Ретранслятор. Знаешь?

Он хмурится — «как же сам не догадался?»

— Слушай внимательно, — берет за руку, заглядывает в глаза, — Домой ты не вернешься. Ясно?

Я киваю.

— Пойдешь по тому адресу, который тебе показывал старик.

— Без предупреждения?

— Без предупреждения. Скажешь, что время пришло и медлить нельзя. Пусть снимает! Сразу после этого тебе нужно будет уходить из города.

— А я смогу?

— Хирург даст обезболивающие. Придется потерпеть несколько дней, но ты выдержишь, я знаю.

Ты же сильная, да? Вера-Ника?

Снова киваю.

— Что здесь будет?

Андрей набирает полную грудь воздуха, выдыхает. Видно, что он взволнован, и это меня пугает.

— Вряд ли кто-то может сказать. Но в ближайшие дни ретранслятор мы уничтожим и сразу после этого попытаемся потеснить хозяев. Если мы правы, то большая часть эйнеров выйдет из строя. Я не знаю, как долго это будет продолжаться, поэтому дорога будет каждая минута.

— Я тоже могу помочь!

Он улыбается своей обезоруживающей улыбкой.

— Ты уже помогла, — Андрей нежно целует меня в губы, — Уходи к тому месту, где мы спрятали оружие. Если поймешь, что восстание в городе провалилось, иди в горы. С твоими способностями... В общем, ты должна сохранить себя. Все, Верочка, уходи! Мне тоже пора.

Я провожаю его взглядом и еще несколько мгновений не решаюсь двинуться с места, надеясь, что он вернется, обнимет. Но он не вернется. И мне тоже надо уходить.

Дорога к нейрохирургу проходит мимо промзоны. Сворачиваю к складам, спрашиваю у рабочих «где Глот?» Долго никто не может мне ответить ничего вразумительного, я уже собираюсь оставить эту затею, когда вдруг кто-то показывает на длинный барак с едва различимым, полинялым красным крестом.

— Там он. Второй день уже.

Я нахожу человека со шрамом на лице в середине строения, он лежит на полу, потому что ни жестких матрасов, как в нашей людской, ни тем более кроватей, здесь нет. К шраму добавилось несколько синяков, рука его забинтована и сквозь грязно-белую тряпицу проступает красное пятно.

У меня нет причин относиться к Глоту с жалостью, и все же я опускаюсь перед ним на колени, притрагиваюсь к щеке.

— Что случилось?

Ответ я уже знаю, но сжимаю зубы, когда слышу:

— Хозяин. Не понравилось ему, что я своей бригаде раньше времени с работы разрешил уйти.

Аврал у них, видите ли. А мы тут ни еды нормальной не видим, ни отдыха.

Наверное, мне не стоило приходить. Поднимаюсь, но Глот успевает схватить за руку.

— Зачем искала? Ведь не просто так. Ты не смотри, что я... Это все ерунда, — он тянется ко мне ближе, — Если не сам, то других организовать смогу. Ну?

Я быстро оглядываюсь, говорю ему вполголоса:

— Завтра или послезавтра кое-что рванет, думаю услышишь. После этого многие эйнеры должны отключиться. Сделайте все, что в ваших силах. Ты понимаешь, о чем я? Ни с кем не церемоньтесь — если человек поддерживает эйнеров, он для нас уже не человек.

Глот смотрит на меня почти с восторгом и я вдруг понимаю, что мне это льстит.

— Больше ничего не спрашивай, я сама не знаю, как сложится. И сложится ли вообще... Может, имеет смысл захватить корабль, воспользоваться неразберихой и убраться с планеты к чертовой матери. В общем, смотри по обстоятельствам. Прощай!

Кажется мне, или правда на улицы города осело душное облако тревоги? Ждешь, что в любую секунду воздух разрежет протяжное «уо-о-о-у-у-у!» и его подхватят в других кварталах, выйдут на проспекты и бульвары ходоки, начнут зачистку, как это было в первые дни вторжения.

Сворачиваю в неприметную улочку, на которой, кажется, уже и не осталось жилых домов. Окна большинства из них заколочены или смотрят на меня черными «глазницами». Но вот нашелся и один целый дом, на нем размашисто написано что-то на эйнерском. Значит, трогать его нельзя, а человек, который тут живет, находится под покровительством новой власти.

На стук никто не открывает и я сижу на крыльце часа полтора, пока солнце не начинает опускаться за горизонт. Тогда, наконец, появляются двое. Я уже видела их когда-то в ангаре: там они вживляли то, что сейчас мне нужно снять. Тот, что постарше, в темных очках, забирает у помощника кейс и жестом отсылает его — рабочий день закончен. Подходит ко мне.

— Без договоренности? Так не пойдет.

— Пойдет! — перебиваю я его, — Еще как пойдет. Все меняется, доктор. И меняется очень быстро. У меня почти не осталось времени.

Он открывает дверь, пропускает меня вперед, оглянувшись на улицу, перед тем, как щелкнуть замком. Внутри душно — жаркий день прогрел жилище, а все окна заперты. Видно, что домовладелец приходит сюда только переночевать, да еще, может, ради таких вот внеплановых операций.

— Иди туда, — указывает мне на лестницу, ведущую вниз.

В подвале шумит вентиляция, здесь гораздо прохладнее, нет пыли. В центре операционный стол, над ним многоглазая люстра. Хирург включает освещение, достает из стеклянного шкафа блестящие инструменты.

— Раздевайся. Ложись на стол, лицом вниз.

Делаю то, что мне сказано.

— Будет больно?

— Физически нет, только потом, когда действие анестетика пройдет. Но и это терпимо. А вот ощущение потери...

— Потери? Да бросьте! Я больше всего в жизни мечтаю...

Он снимает очки, смотрит на меня внимательно, и я понимаю, что этот человек зря говорить не станет.

— Черт с ним, режьте! Переживу потерю...

Как любой пациент на операции, я рада, что не вижу процесс. Но сознание все равно додумывает то небольшое, что остается мне от местной анестезии. Я чувствую теплые струйки, стекающие по бокам, какие-то штыри, фиксирующие мое тело относительно горба...

Странная профессия у этого человека. Ему нужно быть не просто нейрохирургом, но еще и специалистом в области электронных имплантов. Сколько же всякой информации он держит в голове? И сколько таких операций сделал за свою жизнь?

— Как зовут?

— Ника.

Он специально спросил меня, чтобы отвлечь. В ту секунду, когда я произносила свое имя, какая-то невероятная сила рванула меня вверх. Что-то хрустнуло и... я потеряла сознание.

Нет никаких видений о пришельцах. Нет чужих мыслей в голове. И хорошо. И слава богу. Мне привиделась ферма, старая отцовская ферма. Бесконечное поле сладких ягод, которые мы выращивали — маленькие красные ягоды. Они как яркие пятнышки среди зеленых листьев. Как капельки крови.

— Долго еще?

Голос бесцветный, без ярко выраженных интонаций.

— Уже должна прийти в себя. Я сделал все, что мог.

— Мы не можем ждать.

Я открываю глаза. Подвал, шум вентиляции. Чем-то похоже на мастерскую Андрея — ту, что осталась в монастыре. Только здесь почище.

Пытаюсь приподнять голову. В глазах еще все расплывается, но я уже могу сносно видеть. На спине, кажется, какой-то каркас, но по легкости я сразу понимаю, что это не энергоблок. Наконец-то! Как же долго я этого ждала!

Сильные руки помогают мне слезть со стола, встать на ноги. Я поднимаю взгляд и вижу... Грига. На его спине Зун, а дальше, в нескольких шагах, еще два эйнера на своих носителях и два человека-охранника. Дыхание перехватывает от ужаса, ноги становятся ватными.

— Ей надо несколько часов, чтобы прийти в себя.

— Это не твоя забота. С тобой вообще будем отдельно разбираться.

Оборачиваюсь, смотрю на хирурга. Он отвечает извиняющимся взглядом — «я не мог им помешать, ничего нельзя было сделать». Григ вытаскивает меня вверх по лестнице, прочь из дома.

Глава 16. БЕЖАТЬ!

Лампа под потолком со скрипом покачивается из стороны в сторону, отбрасывая длинные, жутковатые тени. Хочется пить, вдобавок очень болит спина: никаких обезболивающих мне, конечно, не дали. Я плохо представляю — что там, на месте горба? Врач поставил временный каркас, чтобы ткани не расходились, быстрее заживали, но кого это волнует, кроме меня? Уверена — в живых оставлять не собираются.

— Кто тебя направил? Кто дал задание и какое?

Молодой парень — носитель — ходит напротив, от стенки к стенке. С его плеч в мою сторону смотрит эйнер.

— Что ты делала в городе? Какую информацию пыталась получить? Мы все равно заставим тебя говорить, ты же понимаешь. Есть множество эффективных способов!

— Не знаю, о чем вы. Я только хотела снять горб и сбежать обратно, за стену, — облизываю пересохшие губы, — Дайте попить.

— Ты не получишь ни пить, ни есть, пока не расскажешь то, что нас интересует.

В этот момент из глубины темной комнаты, лишенной окон, появляется еще один носитель. На его плечах я вижу плюшевого медвежонка с бежевым животом, заштопанным в нескольких местах.

— Здравствуй, Века. Узнаешь меня?

Судорожно дергаю руками цепь, которая тянет их к сводчатому потолку, пытаюсь пятиться назад, но там стена.

— Узнала, — голос эйнера все такой же бесстрастный, но мне слышится в нем удовлетворение, а на мордочке игрушки видится едва заметная улыбка, — Думала, тебе просто так позволят стрелять в представителей высшей расы? Глупая самка. Ты не убила ни одного эйнера. Мы все живы. Мы бессмертны!

Хозяин Рэк подходит ближе, хватает меня за щеки рукой носителя — вероятно, это тоже бионический манипулятор. Пытаюсь вывернуться, но он держит крепко.

— Тебя вели с самого начала, использовали в качестве наживки. Даже тощий чудак, повстречавшийся в лесу — помнишь его? Он тоже делал то, что ему приказали. Предатели просто кишат среди вас, людей! Если бы не головастый менсо, отключивший прерыватель и скрывшийся с тобой где-то в предгорье, мы бы давно вышли на диверсионную группу. Ну ничего, теперь ты сама нам все покажешь, хвала бдительности Зуна!

Он гладит меня чужой ладонью по щеке.

— Знаешь, Века, я скучал. Скоро тебя снова отдадут мне и тогда наворачиваем. Хорошо? Раньше я был добр с тобой, но те времена прошли.

Рука носителя бьет меня по лицу, разбивая губу.

— Не стоит тянуть, Века. Рассказывай все, о чем тебя спрашивают. Поверь, так будет проще.

— Не порти материал, Рэк, — подает голос эйнер, который заговорил со мной первым, — Мы еще должны показать ее альфа-бионику.

— Все равно надо достать информацию.

— Эти организмы податливы химии. Есть вещества, которые заставляют их говорить правду.

— Но у нас сейчас нет таких веществ.

— Ты прав, Рэк. Впрочем, ее спина еще не зажила. Можно вскрыть, попробовать подключиться.

— Да, думаю, это самое верное решение.

— Позвать врача?

— Справимся сами.

Где-то вдалеке вдруг раздается глухое «ух-х!» Стены вздрагивают, с потолка осыпается пыль, она серебрится в свете лампы. Я понимаю, что случилось, смотрю в красные глаза Рэка, ожидая его реакции. Но мне кажется, что он не обращает на громкий звук никакого внимания, только его носитель беспокойно переминается с ноги на ногу, косит взглядом то на правое плечо, то на левое, ожидая распоряжений хозяина.

Неужели все зря? Неужели я ошиблась и разрушенная башня вовсе не хаб? Или его разрушение никак не влияет на эйнеров?

Плюшевый медвежонок медленно заваливается на бок. Еще мгновение его держит кабель, соединяющий хозяина с горбом носителя, но потом и он обрывается. Рэк падает на пол. Почти сразу сваливается с плеч своего носителя и другой эйнер. Парни испуганно переглядываются, не зная, что им теперь делать.

Мне же хочется визжать от радости, но я понимаю, что еще рано — слишком многое нужно сделать. Времени у нас мало.

— У тебя, — я киваю в сторону носителя эйлера, чья шкура напоминает игрушечную панду, — в кармане ключ. Ты же знаешь. Расстегни.

— Я... Не могу... Не в праве...

— Скоро здесь будут другие люди, которые отключили всех этих мразей. Хочешь, чтобы они спросили, почему я еще в цепях?

Он трясущейся рукой достает ключ, смотрит сначала на своего хозяина, глаза которого продолжают гореть красным, но он лежит на полу и не подает никаких признаков жизни, потом на другого парня, носителя Рэка, и, решившись, расстегивает мои кандалы.

Мгновение я протираю органическое покрытие на своих запястьях, потом замечаю нечто, от чего — знаю — в глазах у меня появляется злая искра. Я выхватываю из-за пояса носителя Рэка пистолет. Да, у моего бывшего хозяина слабость к огнестрельному оружию! Снимаю с предохранителя, передергиваю затвор. Грохот выстрелов, следующих один за другим, отражается от стен комнаты и закладывает уши, оба парня испуганно закрывают головы, пятаются подальше от меня. Когда патроны заканчиваются, я еще несколько раз щелкаю спусковым крючком. Перевожу дыхание, разглядывая металлические останки Рэка. С ненавистью сплевываю на него и, наклонившись, процеживаю сквозь зубы:

— Если снова оживешь, я опять тебя убью!

Толкаю дверь, которая, со скрипом распахнувшись, пропускает солнечный свет, струящийся через пыльные окна. Оборачиваюсь.

— Запасной магазин.

Парень протягивает мне два магазина. Я убираю их в карман, пинаю валяющуюся на полу «панду».

— На тебя патроны тратить жалко. А вы, двое, валите из города. Чем быстрее, тем лучше.

По коридору, мимо галереи из высоких окон с ажурным плетением... Поворот, еще один... Через светлый зал, бывший когда-то зимним садом... Господи, когда этот дом закончится?! Пинаю ногой двустворчатую дверь, из которой со звоном вылетают несколько квадратных стекол. Свет! Воздух! Я набираю полную грудь вонючего городского воздуха, закрыв на миг глаза и подставив лицо солнечным лучам. Живая...

* * *

Где-то среди городских кварталов слышны щелчки выстрелов. Сначала одиночные, потом все более частые, переходящие иногда в стрекот автоматов. Не обращая внимания на боли в спине, я бегу

туда, к звукам пальбы. Теперь на все плевать! Я не собираюсь уходить из города, пока это не закончится! Пока мы не раздавим их, или...

Слышно, как в сухой кашель огнестрелов вплетается жужжание энергетических импульсаторов. Возможно, эйнерское оружие захватили повстанцы, но наверняка есть и уцелевшие хозяева. Андрей же говорил, что среди них должна быть малочисленная группа, не завязанная на хаб. И еще у меня из головы не выходят слова «панды» — альфа-бионик... Кто это? Чем он управляет? Могу ли я найти его так же, как нашла хаб?

Израсходовала еще один магазин, уничтожая валяющихся на улице эйнеров. Иногда они лежат в одиночестве, но чаще рядом растерянный носитель, которого приходится прогонять. Оставшийся запас патронов решила сберечь на крайний случай.

Перестрелки становятся все более ожесточенными и многочисленными. Несколько раз я слышу звуки взрывов, над городом поднимаются столбы черного дыма. «Где же Андрей? Как мне найти его?» Я останавливаюсь на минуту, снова закрываю глаза, пытаюсь сосредоточиться. Исчезнет ли контакт с эйнерской сетью после удаления энергоблока? Но во мне еще их импланты. Пусть это вкусовые рецепторы, но они интегрированы в нервную систему, и, похоже, именно они стимулировали мои возможности подключения.

Нет, ничего не чувствую. Какой-то хаос эмоций, которые могут быть и моими. Двигаюсь дальше. Сначала нужно найти Андрея, это главное! Я иду в сторону ближайшего сражения. Кажется, вся агломерация охвачена боевыми столкновениями и к концу дня каждый район будет пылать.

Со стороны космопорта доносится знакомый гул. Я вижу, как один за другим поднимаются три транспортных корабля. Спасаются бегством? Скорее спасают имущество, сами бы они не успели за это время собраться в порту. И я даже догадываюсь, какое имущество. Скрипнув зубами, ускоряю шаг.

Через два квартала я натыкаюсь на группу испуганных людей. Они безоружны и бегут прочь от выстрелов. Кто-то пытается схватить меня, увлечь за собой, но я брезгливо отдергиваю руку. Только не отступать! Не прятаться!

Бой идет на параллельной улице. Я стараюсь определить — где свои, где чужие. Это нетрудно: только такие странные типы, как Рэк, любят человеческое оружие, остальные эйнеры предпочитают свое. Выскакиваю из-за угла здания и короткими перебежками, пригибаясь, мчусь к импровизированной баррикаде, созданной из перевернутого вагончика с надписью «Хлеб, чистая вода». У самого укрытия успеваю подобрать автомат: его выронил пожилой мужчина, лежащий рядом, в пропитавшейся кровью футболке.

— Ты еще откуда?

На меня обращают внимание, но не дольше, чем на секунду. Стрельба продолжается. Кто-то кричит «вперед!» и все срываются с места, обходят вагончик, не прекращая вести огонь. Вонь помоев перебивается запахом пороха, гари, и чего-то еще — наверное, самой смерти. Толпой движет ненависть и это чувство захватывает, подгоняет, убивает в тебе страх.

Мы останавливаемся только тогда, когда понимаем, что нам уже не отвечают. Жужжание импульсаторов стихло, на мостовой лежат около десяти ходоков со своими хозяевами, измочаленными от пулевых попаданий. Не спасли даже бронелисты. Я замечаю, что один эйнер еще шевелится, пытается выбраться из-под тяжелой конструкции ходока. Подхожу ближе, направив на него ствол автомата. Странно, его глаза не светятся красным. Обычные окуляры маленьких камер. Он переводит их с меня на свои застрявшие конечности и обратно, суетливо дергается, пытаюсь вырваться. Наконец ему это удается и существо из металла отползает к стене здания, «украшенной» многочисленными попаданиями пуль. Остальные повстанцы тоже заметили его, окружили. Эйнер смотрит на нас затравленно. Я никогда еще не видела столько ужаса в этих тварях, столько страха за свою жизнь. «Бессмертный?»

Кто-то успевает выстрелить раньше меня. Оглянувшись, я замечаю знакомое лицо: это старик, работавший на Зуна в конторе. Он проверяет — все ли кончено с врагом? Коротко кивает.

Мы уходим на запад — туда, откуда доносится самая ожесточенная стрельба. Около полусотни человек, не все из них вооружены, у некоторых просто тяжелые ключи, куски арматуры.

— Откуда оружие? — спрашиваю у старика.

— Мое, — сухо отвечает он, — Остатки полицейского арсенала, я там работал. Три года хранил, ждал...

— Вы Андрея не видели?

Отрицательно качает головой.

— Он тоже схроны знал. И не он один. Откуда, думаешь, такая пальба? Где-то там сейчас твой Андрей, — указывает вперед, на зарево пожаров, бликующих на вечернем небе.

Позади снова грохот — взлетают еще два корабля. Я останавливаюсь, провожаю их взглядом.

— Сволочи... Нам бы туда сейчас, а? Остановить отправку. Людей же увозят!

— Там свои стрелки должны быть. А нам везде не поспеть. Вот определили направление и идем. Тут уж недалеко осталось, сама слышишь.

Действительно, выстрелы становятся громче. Невозможно понять, что сейчас происходит на оккупированной территории, кто одерживает верх, кто проигрывает. Но с каждой минутой сомнения преодолевают меня сильнее и сильнее. Не может быть такого побоища, если нам сопротивляется лишь малочисленная группа!

Все переворачивается в один миг. За очередным перекрестком мы встречаемся с отступающими повстанцами и почти сразу замечаем, как сбоку, с соседней улицы, по нам открывают огонь. Эйнеры вдруг оказываются повсюду! Крики, зеленые вспышки импульсов, падающие тела... Отступление превращается в беспорядочное бегство.

Я забегая в подъезд многоквартирного дома, поднимаюсь по лестнице на четвертый этаж. Осторожно выглядываю из окна... Все! Я в тылу. Мимо здания лавиной проходят несколько десятков ходяков. Управляющие ими эйнеры без жалости расстреливают всех, кто попадает на глаза.

Внизу с грохотом выламывают двери, поднимаются наверх, перебирая металлическими лапами. «Что ж... Может, это конец». Направляю автомат на лестничный пролет. Но шаги замирают на втором этаже. То ли эйнерам некогда обыскивать все здание, то ли они уверены, что выше второго никто убежать не успел. Тяжелая поступь снова удаляется, стихает.

Через час и стрельба становится более редкой, доносящейся откуда-то издалека. Мы не смогли. Сжимаю кулаки, чувствую, что хочется заплакать, но не могу. Наверное, я очерствела.

Спускаюсь, выхожу из дома. Вокруг никого, только бездыханные тела. Автоматически, почти не соображая, ищу магазины к своему оружию, подбирая вместе с ними и пистолет — пусть будет. Куда идти? Где единственный на этой планете дорогой мне человек, я не знаю. Даже не могу сказать — жив ли он. Бежать? Возвращаться в горы, к Киару и остальным? Рэк сказал, что они упустили нас в предгорье. Значит и в горах будут искать. Может не сразу, но найдут. Внутри периметра, окруженного стеной, теперь тоже нельзя. После восстания эйнеры превратят оккупированную территорию в сплошной концлагерь!

Только сейчас понимаю, что иду к космопорту. Вспомнились слова Андрея: «если вдруг наши планы пойдут наперекосяк, тебе нужно быть готовой к тому, что попадешь в одну из групп живого товара». Но я еще свободна и у меня есть оружие! Я запросто могу прихватить на тот свет нескольких врагов и уж конечно не попаду ни в какую группу живого товара! Случайно не попаду.

Мысль настолько ужасает меня, что я роняю автомат, сажусь на тротуар, прислонившись спиной к стене дома. Поднимаю голову, смотрю на проступающие в небе звезды. Бежать с планеты? Зачем?

«А вот зачем. Может статься, что никто, кроме меня, не знает столько про эйнеров! Про Некрополь, склепников, которых не большинство, как мы думали, а едва ли не половина, ведь восстание подавили именно они — те, которые со страхом в глазах. В отличие от Рэка, Зуна и им подобных, они на самом деле боялись смерти, но вынуждены были выступить против нас, потому что склепников мы отключили. Бионики. И есть среди них кто-то главный. Именно поэтому я должна бежать с Расцветающей. Чтобы вывезти отсюда информацию! Это именно то, зачем мы с Андреем пришли в город».

Я много раз бывала на территории космопорта, знаю, с какой стороны лучше зайти, чтобы не заметили. Автомат с пистолетом, конечно, выбрасываю: куда теперь с ними, только внимание будут привлекать.

Тучи затягивают небо, издали доносятся раскаты грома, сменяющие грохот и стрельбу захлебнувшегося восстания. В воздухе пахнет свежестью и прохладой.

Преодолев линию ограждений, оставшихся с прежних времен, я оказываюсь на одной из дорожек, густая сеть которых оплетает огромное взлетно-посадочное поле. Транспортные корабли видны издали, не заблудишься. Да и гомон толпы, загнанной в разделенные на квадраты отстойники, дает понять, в каком направлении двигаться.

Главное незамеченной влиться в толпу, но это не так-то просто: несмотря на то, что охрана здорово поредела, вокруг отстойников достаточно эйнеров — какие на ходаках, а какие и на носителях. Я осторожно пробираюсь вдоль проволочного забора, каждый раз останавливаясь и приседая, когда мне кажется, что один из охранников смотрит в мою сторону. Уже достаточно темно, а освещается только та часть терминала, где идет погрузка и это здорово выручает.

Улучив момент, подтягиваюсь, уцепившись левой рукой за толстую проволоку. Перевалиться на ту сторону... Перебежать к краю отстойника... Замереть еще на одно мгновение... Вот сейчас охранник отвернется и тогда...

Я вдруг понимаю, что знаю его. Черт побери, конечно знаю! Но как он здесь оказался? Видимо, многих носителей забрали у хозяев, передали в космопорт, чтобы хоть как-то залатать бреши в охране. Профиль Грига я не спутаю ни с чьим другим! Да я бы его и с затылка узнала.

В этот момент ворота со скрежетом отъезжают в сторону, на корабле-транспортнике начинает опускаться аппарат. Медлить больше нельзя! Ну когда же ты отвернешься?! Григ, словно услышав мои мысли, поворачивается и смотрит прямо на меня. Вряд ли он видит лицо, в темноте можно разглядеть лишь фигуру человека. Кладет руку на рукоять портативного импульсатора, повисшего на ремне.

Жаль... Жаль, что выбросила свое огнестрельное хозяйство! Надо было хоть пистолет оставить. Я делаю шаг вперед, не особо надеясь, что смогу справиться с этим верзлой, да так, чтобы не привлечь внимание остальных.

Еще один шаг. Теперь уж он, верно, видит мое лицо. Удивленно приподнимает подбородок, снимает с пояса эйнерское оружие. Метров пять между нами, не больше, но даже их я преодолеть не успею.

Григорий медленно отворачивается, отходит подальше, будто для того, чтобы с другой стороны подгонять замешкавшийся живой товар. Этим секунд мне достаточно, чтобы проскользнуть через линию охраны, присоединиться к толпе. Уже поднимаясь по аппарели, я оборачиваюсь, вытягиваю шею, чтобы через головы остальных рассмотреть высокую, плечистую фигуру. И мне кажется, что Григ прикладывает руку к голове, салютуя транспортному кораблю. А может, кому-то из людей, поднимающихся на борт.

Глава 17. МИЛЛИАРДЫ ОГНЕЙ

Тяжелые створки гермоворот с лязгом закрываются. Люди вокруг напуганы, слышатся стоны отчаяния, ругательства... Я прохожу вперед, через шесть совмещенных контейнеров, в которые живой товар загрузили, как скот. В дальних отсеках народу поменьше, потому что люди инстинктивно стараются держаться ближе к выходу. Но у меня предрассудков нет: если что-то случится, погибнут все, выскочить никто не успеет. Поэтому иду туда, где больше свободного места. По пути замечаю, что вдоль стен есть краны со значками питьевой воды. Все-таки нас хотят доставить живыми!

Из-за толстых стен доносится вой предстартовой сирены, под ногами что-то вздрагивает, вызывая у самых пугливых крики, приступы паники. Я сажусь на пол, хватаюсь за первый попавшийся выступ. Противоперегрузочными креслами нас никто не снабдил и я лишь надеюсь, что ближе к границе атмосферы включится искусственная гравитация, иначе полет будет совсем непереносимым!

Гул и вибрация усиливаются. И вот — толчок, как в огромном скоростном лифте! Ускорение валит на пол тех, кто еще не додумался сесть. Я закрываю глаза, начинаю про себя считать секунды. До выхода на орбиту минуты три, может быть четыре. Сначала наваливается тяжесть, так, что кажется, будто потеряешь сознание. Потом она уменьшается, уменьшается, в какой-то момент понимаешь, что вот-вот оторвешься от пола и взлетишь. Но тогда в чреве корабля с глухим стуком замыкаются цепи искусственной гравитации. К каждому из нас возвращается его естественный вес. Все! Дальше будет только гул вентиляторов в воздушных шахтах, да равномерный звук от работающих где-то за кормой двигателей.

— Вода есть, а жрачки нет, — ворчит сидящий рядом мужчина, — Интересно, куда летим?

— На Саленос, — отвечаю я, снова закрывая глаза. Каркас на спине позволяет прижаться к холодной стенке, не опасаясь, что это навредит швам. Спасибо хирургу.

— Откуда знаешь?

— Знаю. Ближайшая большая колония.

— Так она же менсианская!

Открываю глаза, поворачиваюсь к мужчине.

— И что? Была когда-то менсианская, стала эйнерская. Теперь все эйнерское...

— Это да, — соглашается он, — Ну, значит лететь дня четыре.

— Бывал что ли там?

— Нет, но сколько лететь — знаю. До войны пилотом был, гражданским. На чем-то вроде этого скотовоза гонял.

Я приглядываюсь к нему внимательнее. На вид лет сорок, может чуть меньше. Моего роста, круглолицый, с короткой стрижкой. Во взгляде простота и доверчивость. И, хотя сама я уже привыкла никому не доверять, подсаживаюсь чуть ближе, спрашиваю:

— Большая на корабле команда?

Он усмехается.

— Нет никакой команды. Автоматический грузовой модуль. Ну, экипаж, конечно, у него может быть. Но тогда сверху бы челнок торчал. А его не было. Я видел, когда грузились. Да и какая разница? Ты зачем спрашиваешь? Хочешь корабль захватить?

Мужчина смеется — залиvisto, искренне, а я смущенно отворачиваясь.

— Раз экипажа нет, а ты пилот, то почему бы и не захватить?

— Чего захватывать-то? — он смеется еще сильнее, — Ни рубки, ни фига! Бортовой комп в двигательном отсеке, не подберешься!

Вытирает слезы, успокаиваясь, мотая головой.

— Хэлг, — тянет мне руку.

— Вероника, — протягиваю ему правую, ощущая с тревогой, как крепко он ее сжимает.

— А ты кто такая? По профессии?

— Программист. Недоученный... На первом курсе была, когда эйнеры высадились.

Хэлг без особого смущения заглядывает мне за спину.

— Носила?

Я киваю.

— Но сейчас, вроде как, не горб. А? — замечает он.

— Сняли перед отлетом.

Подробностей Хэлг не спрашивает и я благодарна ему за это.

Внимательно осматриваю всех пассажиров. Андрея нет. Вообще ни одного знакомого лица. Что ж, было бы наивно ожидать чего-то иного.

Заряд в наручных часах закончится лишь через несколько месяцев и я могу отслеживать день и ночь даже в контейнере космического корабля. Время тянется медленно. Некоторые пассажиры плохо сдерживают эмоции, срываются на крик, бьются в истерику. Но рядом всегда находятся другие, те, кто готов их успокоить — словом или кулаком. Люди друг с другом не церемонятся.

Мой новый приятель постоянно о чем-то болтает: о своем прошлом, о работе, о том, что с нами будет на новом месте. Я удивляюсь его оптимизму. В конце концов прихожу к выводу, что это не от большого ума.

Люди то и дело прикладываются к кранам с водой. Интересно, хватит ли нам ее до конца полета? И хорошо еще, что лететь лишь несколько дней, иначе с голодухи взяли бы друг за друга.

Иногда Хэлг уходит гулять по кораблю. У меня нет желания составить ему компанию, да он и так каждый раз, когда возвращается, начинает рассказывать о ком-нибудь, кто попался ему на глаза, привлек чем-то его внимание.

— И ты представляешь, этот старый хрен уселся рядом с двумя кранами, скалитесь, никого не пускает. Он, тупица, не понимает, что вода подается из одной магистрали! Если закончится, то везде и сразу! — Хэлг снова смеется, будто мы на скамеечке в парке, а он рассказывает милые, веселые истории, не касающиеся выживания.

Но однажды пилот возвращается молчаливый. Садится на свое место, задумчиво дергает вверх-вниз замок на куртке.

— Что? — не выдерживаю я.

— А? — он поворачивает голову, будто только сейчас меня заметил.

— Нашел продуктовый склад? Резервный пульт управления? Эйнерские заклинания, выводящие из строя все железяки?

Хэлг улыбается.

— Нет. Просто... Не знаю...

— Ну же!

— Там, за внешней стеной шестого отсека будто кто-то есть.

— Да кто там может быть? Там ведь космос! Нет?

— Вроде да. Если только не контейнер еще один. Мы же этого не могли видеть, когда садились на корабль.

Нахмурившись, пытаюсь вспомнить, как пробиралась через космопорт. Я могла видеть корабль сбоку, но сколько там было прицеплено отсеков... Тогда бы и в голову не пришло сосчитать.

— Думаешь, мы не единственная партия на корабле?

Хэлг пожимает плечами.

— Пес его знает. Может и так. Но зачем было отделять их от нас?

Он вздыхает, тоскливым взглядом осматривает других пленников, которые нас окружают.

— Сейчас бы пивка холодного. Настоящего, из светлой пшеницы, собранной на Расцветающей. Или даже чего покрепче! Успела ты в своей жизни попробовать чего-нибудь покрепче? А, Вер? — он толкает меня локтем.

Я снова вспоминаю ферму.

— Отец ликер ягодный делал. Сладкий, как варенье, с ног валил после пары бокалов.

Не хочу этих воспоминаний. Встаю, как будто по нужде, но прохожу мимо того места, которое по молчаливому согласию отведено для этих дел. Перешагиваю через спящих, стараюсь не задеть тех, кто бодрствует. Замечаю, как в темном углу сплелись два тела: они сопят, стонут. В голову приходят слова вихрастого Авера — «люди торопятся жить».

Я направляюсь к самой окраине, к стене шестого отсека. Идти недалеко, мы и сами устроились в пятом, поэтому через минуту уже касаюсь ладонью шершавой стальной поверхности. Прикладываю ухо, не обращая внимания на недовольную тетку, которая сидит рядом и косит в мою сторону подбитым глазом. Опускаю веки...

Кажется, кроме людского говора, гула двигателей да нагнетаемого воздуха ничего в корабле не слышно. Но я упрямо жду, проникаясь всем существом в организм металлического монстра. Вот показалось на секунду... Ах, нет... Вдруг снова! Да, за стеной будто топчется толпа. Шаги, какие-то удары... Но кто там может топтаться?! Если люди, то сидели бы и ждали своей участи, как мы. Озадаченная, я возвращаюсь к Хэлгу. Ложусь на пол. Было бы неплохо положить голову ему на колени,

но мы не настолько близки, чтобы позволять себе подобные вольности. Вряд ли я вообще хочу хоть с кем-то сблизиться.

— Ложись давай, чего уж там, — он хлопает ладонью по ногам, — Надеюсь, мои штаны еще не слишком провоняли грязью.

* * *

— Проснись! Вера!

Меня трясут за плечи. Утерев тонкую нить слюны, просочившейся из приоткрытого рта, я приподнимаюсь, непонимающим взглядом смотрю сначала на встревоженных людей, потом на Хэлга.

— Что случилось?

— А ты не слышишь?

Действительно, звук двигателей изменился, он стал более грубым, басовитым.

— Маршевые на минималках, работают маневровые, — поясняет пилот.

Я бросаю взгляд на засечки, которые он делал на стене. Четыре дня прошли. Четыре дня и... Сверяюсь со своим ручным хронометром. И семь часов.

— Мы прибыли?

— Судя по всему — да.

Сердце начинает биться быстрее. Скоро мы сядем на поверхность планеты, откроются ворота, и... что тогда? Новый хозяин? Снова горб?

Сжимаю в своей ладони руку Хэлга.

— Я хочу сбежать.

Он продолжает слушать звуки корабля, вертит головой по сторонам.

— Сбежать... Сбежать — это, конечно, хорошо. Но мы понятия не имеем, где приземлимся, что там вокруг и кто. Ты знаешь?

Качаю головой.

— Вот и я не знаю, — соглашается Хэлг, — Одно могу сказать: если ты не против, давай и дальше держаться вместе? Что скажешь?

«Держаться вместе. Один раз я уже проворонила руку, за которую меня держали. И это была рука Андрея. Могу ли обещать себе, что не облажаюсь снова? Что жизнь не заставит меня опять остаться в одиночестве?»

— Я хочу сбежать, — повторяю упрямо.

— Вот настырная девчонка, заладила — сбежать, сбежать! Ладно, выйдем из корабля, осмотримся, тогда решим.

Снова глухой стук, ощущение, близкое к невесомости, а потом вдруг растущая тяжесть, которая все сильнее и сильнее прижимает к полу. Толчок, тошнотворное покачивание на амортизаторах и корабль, наконец, замирает. Стихает вой двигателей.

Те, кто у самых ворот, уже стоят, ждут, когда створки распахнутся. Но вокруг звенящая тишина, нас не торопят выпускать. В толпе рождается ропот, обрывающийся в тот момент, когда гидравлика все-таки оживает и сумрачные внутренности транспортных контейнеров озаряются ярким, белоголубым светом!

Это не местное солнце. На улице ночь. Но корабль освещен прожекторами и все видно, как днем. Кто-то кричит снизу, не дождавись, когда опустится аппарель:

— Выходи! Живее!

Едва рифленные сходни касаются бетона, люди вываливаются из контейнеров, шеренга за шеренгой, беспорядочно кучкуясь между охранников, которые подталкивают их прикладами эйнерских импульсаторов. Нас направляют, разбивают на группы, заставляют встать и ждать, пока из корабля выйдут остальные.

До меня вдруг долетает слово «безмозглые!» Его подхватывают, повторяют, оно прокатывается по толпе, заставляя пленников вытягивать шеи, смотреть на хвостовую часть транспортника. Там, где

мы с Хэлгом слышали странные звуки, действительно прицеплен еще один контейнер, седьмой. У него отдельный вход-выход, из которого сейчас выталкивают людей. Нет, уже не людей. Существ с человеческими телами. Извилины в их черепных коробках нет, только импланты. Безмозглых трудно не узнать, у них словно отключены все эмоции, рефлексy. Кто-то отдает команду — они подчиняются. Удобные исполнители любой, даже самой грязной работы! А может, оболочки для чужих мозгов.

Стараюсь не смотреть на них. Втягиваю в легкие чужой воздух, с удовольствием замечая, что здесь нет вони гниющих отходов. Только слабый запах гари, который несет от остывающих дюз. Впрочем, это лишь территория космопорта. Что будет в городе — мы не знаем.

Прожектора уже не спят, они направлены на корабль, а нас отогнали чуть в сторону. Я оглядываюсь и замираю с открытым ртом. Там, за пределами космопорта, город! Огромный, бескрайний, подпирающий гигантскими зданиями небо! Он светится, мерцает миллиардами огней. Никогда в жизни я не видела ничего подобного!

— Фью-ю-ю! — присвистывает Хэлг, — Должно быть, правда Саленос.

Крепче сжимаю его руку. Этот человек мне никто. Я не была с ним знакома раньше, у меня нет оснований доверять ему, за четыре дня я не узнала о нем ничего, что заставило бы проникнуться теплотой. Но инстинктивно хочу уцепиться хоть за кого-то. Почему бы не за него?

— Ты хоть что-нибудь знаешь про этот Саленос?

Он отвечает то, что я и так вижу собственными глазами:

— Кучное местечко! По-моему, эйнеры не спешат превращать планету в помойку, как на Расцветающей. Да и технологии менсо по-прежнему используют. Хотя, чему тут удивляться? Менсо по этой части всегда были впереди. Мы бы раньше и сами с радостью их технику использовали.

Я вижу, как в нашу сторону спускаются три флайера, сверкающие бортовыми огнями. Судя по размерам машин, они запросто увезут всю партию вместе с безмозглыми. И охрана уже выстраивает нас в три ряда, не забывая раздавать тычки в спины.

— Сейчас... — шепчу я Хэлгу, оттаскивая его к краю нашей колонны.

— Чего щас? — успевает он спросить, прежде чем я бью ближайшего охранника по руке, заставляя его выронить оружие.

Кто-то рядом вскрикивает и я подливаю масла в огонь, взвизгиваю истошным голосом «убивают!» Колонна подается в стороны, несколько человек уже бегут сломя голову, не разбирая дороги, отвлекая на себя внимание охраны.

— Быстрее! — расталкивая стоящих впереди, я тяну пилота за руку, мы запрыгиваем в кормовой люк флайера, — Ты ведь справишься с управлением?

Ответить он не успевает: кто-то разряжает импульсатор, выпуская заряд из кабины, через весь грузовой отсек. Нас заметили и решили, что взбунтовавшихся пленников лучше пристрелить.

Теперь уже Хэлг выталкивает меня через бортовой люк, обратно на улицу.

— Конечно не справлюсь! Бежим!

Я понимаю, что молниеносно созревший в голове план не имеет ничего общего с тем искусственно подстроенным побегом, который удался когда-то на Расцветающей. В реальности все иначе. Здесь в тебя стреляют не задумываясь, а пилот, на опыт которого ты легкомысленно понадеялась, оказывается неспособен управлять чужой машиной.

Но нам удастся выпасть из поля зрения растерявшейся охраны, отбежать в неосвещенную зону.

— Куда? Куда дальше-то?! — я оглядываюсь по сторонам. Одно и то же направление мы с Хэлгом выбираем одновременно, не сговариваясь. Мчимся к брустверу, опоясывающему бетонку космопорта. Легко запрыгиваю на полутораметровый уступ, но у моего приятеля так не получается, он гораздо тяжелее. Протягиваю ему левую, помогаю забраться. Чуть выше — еще один уступ, потом гребень бруствера и вот уже перед нами ночная степь, отделяющая мегаполис от космической гавани.

— Не останавливаться, бежать дальше! — он машет рукой не прямо к городу, а куда-то в сторону. Пожалуй, Хэлг прав, потому что через несколько секунд в воздух взмывает один из флайеров и начинает ярким лучом обшаривать степь там, где мы находились бы, если б рванули по прямой.

Я могу бежать быстрее, но тогда Хэлг отстанет. Вижу, что ему тяжело, и все-таки мужик сохраняет темп, упрямо бежит, успевая без слов, одним жестом, показывать, что надо снова изменить направление.

Мы падаем без сил. Хэлг раскрытым ртом хватается воздух, который со свистом втягивается и вырывается из его легких. Я чувствую себя не намного лучше. Едва отдышавшись, встаю на четвереньки, высматриваю вражескую машину, которая все еще парит над степью. Но теперь она гораздо дальше.

— Надо... уходить... — помогаю пилоту встать, — Они... и сюда... прилетят.

Он кивает. Идем шатаясь, оглядываясь на флайер, стараемся исчезнуть в глубине степи, над которой волшебным миражом сверкает менсианский мегаполис.

Глава 18. АПАРТАМЕНТЫ В БАШНЕ

Нам остается лишь удивляться, как менсо основали огромную колонию на такой безжизненной планете! Вокруг лишь холмы, покрытые засохшей, мятой травой, редкие кусты, почти лишенные листьев, и никаких признаков воды. Может и не вся планета такая, но, если мы не сумеем найти еду и питье, придется выходить к городу.

Звезды на небе бледнеют, за горизонтом разгорается рассвет. Идем в полный рост, не пытаюсь скрываться, потому что флайер давно прекратил поиски и теперь мы предоставлены сами себе.

— Не удивлюсь, если они снова примутся обшаривать все вокруг, — ворчит Хэлг.

Минуту я обдумываю его слова, потом отмахиваюсь.

— Не примутся.

— Тебе почему знать?

— Мы никто. Ничем не наследили, не представляем для них никакого интереса. Ты ведь не наследил?

— Если только куском засохшего дерьма, который как-то раз швырнул в эйлера, — усмехается он, — За это, в общем-то, и попал в партию.

— Ну вот. Я даже не уверена, что они знали точное число пассажиров на транспорте. Двумя больше, двумя меньше. Наверное, думают, что если кто и сбежал, то сам сдохнет.

— И мы точно сдохнем, если не найдем жратвы. У меня уже кишки к спине прилипли, — Хэлг останавливается, смотрит в землю, упершись руками в колени, — Знаешь, придется выходить в город. В степи нечего ловить. Черт, я ни слова не знаю на менсианском! Даже не смогу попросить стакан воды!

— Я знаю.

Он оборачивается, удивленно вскинув брови.

— Знаешь менсианский? Откуда?

— Научили добрые люди. Не то, чтобы очень хорошо знаю, по акценту любой менсо догадается, что я человек, но все же...

— Не те ли самые люди, которые подсказали, что транспорт летит на Саленос?

Он ждет ответа, хитро прищурившись, но я будто не слышу его вопрос, сосредоточенно разглядываю пожухлый куст.

— Ты все больше и больше удивляешь меня, Вероника.

— Я сама себя удивляю, — тихо бормочу под нос, — Ладно, идем к этим волшебным башенкам! А то и правда загнемся. Сил почти не осталось...

Чтобы отвлечься от голода, прислушиваюсь к своим ощущениям — что там, между лопаток, заживают ли раны? Я не чувствую боли, нет даже неприятных ощущений. Хирург сделал свою работу на отлично! Скоро каркас можно будет снять и это немного поднимает мне настроение.

Город встречает нас переплетением коммуникаций, построенных, кажется, еще в период освоения и давно уже не функционирующих, заброшенных. Скоро начинают попадаться и люди. Хотя

нет, скорее, все-таки, менсо. Худые, в рванье вместо одежды. Они опасливо поглядывают на нас, но подходить или заговорить не пытаются.

— Может узнаешь у бомжей, где найти воду?

Я не успеваю ответить — натыкаемся на большую компанию оборванцев, сидящих вокруг тлеющего костра. Человек десять или даже больше. Они поворачиваются в нашу сторону, молча разглядывают непрошенных гостей. Мы тоже выглядим не лучшим образом, но одежда на нас опрятнее, разве что не слишком теплая: все-таки здесь прохладнее, чем в районе агломерации на Расцветающей. Любой догадается, что чужаки.

— Вода, — пытаюсь я объяснить на менсианском, — Где найти воду? И что-нибудь поесть. Пожалуйста. Мы не ели несколько дней.

Один из бомжей смачно сплевывает в нашу сторону.

— Чертовы акции. Подите прочь! Нам самим жрать нечего!

Неодобрительный гул голосов нарастает и Хэлг тянет меня в сторону, хоть я и пыталась еще говорить с местными.

— Верка, нафиг нам эти проблемы? Их тут целая банда, а нас двое. Меня сразу съедят, а над тобой еще надругаются. Пошли-ка подальше!

Должна признать, что иногда Хэлг прав. Его приземленный ум не умеет стратегически мыслить, зато другое место отлично чувствует приближение неприятностей.

Не проходит и пяти минут, как мы слышим, что нас кто-то нагоняет. Оглядевшись, Хэлг хватает с земли ржавый обрезок, заслоняет меня собой. Но опасности нет: появившийся менсо — видимо, из банды тех, сидевших у костра — только один. Зачем мы ему понадобились?

— С корабля? — обращается он к Хэлгу, уверенный, что тот тоже знает менсианский.

Пилот чуть поворачивает голову в мою сторону, молчаливо спрашивая — «о чем он болтает?» Я выхожу из-за широкой хэлговой спины. Думаю, скрывать наше происхождение не имеет смысла.

— Да. Нас вывезли с колонии акции, планета Расцветающая.

— Ясно, — менсо осматривает с ног до головы меня, потом моего приятеля, — В последние дни много кораблей с Расцветающей. Идемте.

Он разворачивается и идет куда-то, но не в ту сторону, откуда явился.

— Чо сказал-то? — интересуется Хэлг.

— Куда идем? — спрашиваю я незнакомца.

Он не оборачивается и отвечает расплывчато:

— Вам дадут поесть. И дурного не сделают, не бойтесь. Может, зададут пару вопросов об эйнарах, о том, что происходит на вашей планете. Говорите правду и все будет хорошо.

— Кто задаст вопросы? — не унимаюсь я, но больше незнакомец ничего не говорит.

Мне приходится быстро пересказать все Хэлгу и тот явно не радуется перспективе допроса.

— Если бы у нас был выбор, ни за что бы не пошел с этим бомжарой! Огрел бы по голове и поминай как звали. Но без еды нам конец, так что... Будь что будет!

Идем вдоль трубопроводов, мимо узлов, к которым сходится множество инженерных коммуникаций. Все обветшалое, порыжевшее, опасно нависающее над головой и скрипящее на ветру. Заходим в здание без окон — наверное, тоже одна из узловых станций. Спускаемся по винтовой лестнице несколько пролетов, пока не попадаем на самый нижний уровень. Там железная дверь, над которой я замечаю глазок камеры. Внутри металлического полотна щелкает замок, дверь открывается. Вооруженные люди провожают нас взглядами.

Незнакомец оставляет нас в комнате, стены которой выкрашены синим, а весь потолок горит равномерным белым светом. Здесь есть стол, несколько стульев.

— Садитесь и ждите.

Он выходит, чтобы через несколько минут вернуться с двумя тарелками дымящейся жидкости. Аккуратно ставит их на стол, рядом кладет ложки и по ломтю мягкой пористой субстанции, напоминающей хлеб.

Я замороженно смотрю на маслянистые пятна, плавающие в бульоне, кусочки овощей, и, кажется, даже мяса. Приходится взять себя в руки, чтобы от запаха не потерять сознание!

— Больше вам пока нельзя, желудок не выдержит, — поясняет добрый незнакомец и выходит из комнаты, чтобы не смущать, дать спокойно поесть.

Мы не знаем, что это за овощи, что за мясо... Да и знать не хотим. Накидываемся на еду с таким остервенением, что не проходит и двух минут, как тарелки наши пустеют, а от хлеба не остается ни крошки. С радостью проглотила бы еще три таких порции, а то и четыре, но менсо прав — желудок после нескольких дней голода просто исторгнет это обратно.

Еще нет той сытости, которой хотелось бы, но по телу разливается блаженная истома. Горячий бульон, словно волшебное зелье, возвращает силы.

В комнате появляется менсо, которого мы еще не видели. Он ставит на стол большой пластиковый термос, два стакана. Наливает жидкость, похожую на чай. Она тоже горячая и на вкус чуть сладковата.

Незнакомец садится, поправляет глазок камеры, торчащий позади него прямо из стены. Кладет на стол блокнот.

— Вы пейте, а я буду спрашивать. Думаю, нам есть, о чем поговорить, правда? Ведь на Расцветающей, насколько нам известно, произошло восстание.

Сначала слушает мои ответы, потому что только я знаю язык. Потом переключается на Хэлга. Я думаю, что мне придется переводить, но таинственный менсо демонстрирует отличное знание нашего языка. Он говорит так чисто, что в его речи не слышно акцента.

— Что ж, думаю, на этом можно закончить! — улыбнувшись, он закрывает блокнот.

Чай выпит, термос почти опустел. Менсо встает, собираясь уходить.

— У нас есть специальное убежище. Там вам найдут занятие, предоставят кров и еду.

— Пойдите! — я лихорадочно ищу нужные слова, — Вы, возможно, как-то связаны с разведкой менсо?

Он продолжает улыбаться.

— Нет, мы лишь прячемся от эйнеров и, по возможности, укрываем беглецов с транспортников, прибывающих из разных миров. Это не так просто, потому что между акци и менсо на Саленосе непростые отношения, поверьте.

Он уже нажимает на ручку двери.

— Киар, Андрей, Полина, Метецио. Я знала этих людей на Расцветающей. И мне есть, что еще рассказать. О чем вы не спрашивали, и, наверное, даже не подозреваете.

Менсо останавливается. Все так же улыбаясь, смотрит мне в глаза — долго, испытующе.

— Не знаю, о ком вы говорите. Но попытаюсь выяснить.

Дверь закрывается.

* * *

Мне кажется, я сплю целую вечность. Что-то снится, может, даже видения, похожие на те, что случались на Расцветающей, но после пробуждения в голове ничего не остается. Единственное, что я ощущаю, сев на измятой постели, это потерянности. Нет, даже не потерянности, а потерю. Будто меня лишили чего-то жизненно важного, оставили без одежды среди толпы, отняли зрение или слух. Рука сама собой пытается нащупать что-то за спиной, но натывается лишь на плоский хирургический каркас. Горб! Горба больше нет.

Я встряхиваю головой, стараясь избавиться от странного ощущения, которое не должно меня угнетать. Но оно не желает исчезать и тогда мне остается лишь смириться — когда-нибудь пройдет само. Должно пройти!

После завтрака меня допрашивают сразу трое и на этот раз Хэлга нет рядом. Один менсо задает вопросы и, следуя за моим рассказом, делает пометки в бумагах, другой то и дело вскакивает,

начинает ходить по комнате из угла в угол, и лишь третий невозмутимо слушает — кажется, даже не моргая.

— Давайте пройдемся еще раз. Значит, вы пришли к выводу, что эйнеры разделены на две касты?

— Да. Во время восстания это подтвердилось. Мы взорвали хаб, с помощью которого управлялась как минимум половина всех эйнеров на планете, после этого они не могли больше оказывать сопротивление. Просто свалились на землю. Все до единого.

— А вторая половина?

Я сжимаю кулаки.

— Честно говоря, мы думали, что это не половина. Что вторая каста слишком малочисленна, чтобы... Но их оказалось много и мы не справились.

— Понятно. А хаб, значит, нашли самостоятельно? Ориентируясь по своим... э-э... чувствам. Ощущениям.

— Не верите?

В ответ лишь молчание.

— Андрей говорил, что это не единственный случай. Людям, в силу каких-то природных причин, легче установить взаимосвязь с эйнерами. А у меня, к тому же, импланты и опыт прямого сопряжения с хозяином.

— И вы слышали в голове чьи-то имена?

— Не имена, а названия. Мы думали над ними и пришли к выводу, что Некрополь — родная планета эйнеров, склепники — та каста, которая управляется через хаб, а бионики — самостоятельные эйнеры, не нуждающиеся в дистанционном управлении.

— И есть еще какой-то альфа-бионик?

— Да, о нем проговорились сами эйнеры, когда... когда собирались пытать меня.

— Очень любопытно! А еще какой-то информации об этом главном у вас нет? Честно говоря, почти все, что вы рассказали, мы уже выяснили самостоятельно. Разве что без названий. Но вот про альфа-бионика даже не догадывались. А это, судя по всему, важное звено!

Я пожимаю плечами.

— Думаю, что имелся в виду не вообще самый главный, а главный именно на нашей планете. Потому что они собирались ему показать меня, но не говорили, что для этого придется лететь на другую планету.

— То есть на каждой планете должен быть свой альфа?

— Думаю, да.

— И что же он делает? Что входит в его обязанности? Как он влияет на других биоников?

Снова пожимаю плечами.

— Я не знаю. Но раз он есть, то зачем-то нужен. Так ведь?

Тот, что все это время пялится на меня не отрываясь, многозначительно переглядывается с другим, вскакивающим со стула и измеряющим шагами комнату.

— А вы, — начинает он хриплым голосом, — могли бы найти хаб у нас, на Саленосе? И, чем черт не шутит, может даже альфа-бионика?

Теперь все трое смотрят на меня с таким пристальным вниманием, что становится неуютно.

— Я... — замолкаю, опустив взгляд в пол. На этот раз ставки гораздо выше, цена ошибки может быть ужасающей! Сколько нас на Саленосе? Менсо, людей? Если эти трое просят о таком, значит, у них есть силы освободить всех? — Я постараюсь. Очень постараюсь!

* * *

Мы летим на небольшом, пятиместном флайере. Напротив меня сидит Хэлг: я сказала, что без него ничего делать не стану. Мы ведь договорились держаться вместе. Да и не хотела я, чтобы мужика запихали в какое-то гребанное убежище.

Удивляюсь, что у подпольщиков есть возможность пользоваться транспортом, но тот, с хриплым голосом — он сидит рядом — объясняет, что поселения на Саленосе слишком большие, чтобы эйнеры могли полностью их контролировать. Во многом жизнь здесь не изменилась, продолжает идти своим чередом, почти как до войны.

Хриплоголового зовут Северский. Странное имя, но он ведь менсо, черт их знает, какие там традиции. Все так его зовут — просто Северский. Он говорит, что знаком с Андреем еще с Земли. Их Земли, менсианской.

— Я на несколько лет старше, но выросли мы вместе, в одном маленьком городке, Вельске. Это на севере России. Впрочем, что я тебе... Ты и не слыхала о наших странах, наверное.

— Вы знаете, что с вашей планетой?

Он кивает.

— Связь есть. Наша сеть работает, эйнеры не могут ее заглушить. И Земля еще сражается. Осаждена, но сражается. Вместе с солнечной осталось шесть систем, которые не захвачены.

— А сколько миров вы колонизировали до войны?

— Сорок три, если память не изменяет. Да, у вас больше, почти в два раза, но... Ты уж прости, скажу тебе сразу и откровенно — они захватили все ваши планеты. И вашу Землю тоже.

Никогда не искала в себе патриотизма, не обращала внимания на проблемы своей цивилизации, но сейчас мне почему-то обидно. Обидно до зубного скрежета. Я смотрю в окно, на гигантские башни менсо, вспоминая большие города нашей Земли, которые видела только на картинках — Керлунг, Давеасфер, Кридель... Что с ними сейчас?

Город Саленоса не производит впечатление оккупированной территории. Плотное воздушное движение, бесчисленные огни светящихся окон, блеск рекламы и ярких, разноцветных голограмм. Город пульсирует жизнью, ни на секунду не дает усомниться, что сохранил свою силу.

Северской перехватывает мой взгляд.

— Это лишь видимость, — он поглаживает гладко выбритые щеки, — Саленос — образец нового эйнерского мироустройства. Каждый день приходит несколько кораблей, трюмы которых забиты вашими людьми — акци. И хотя здесь вы существа второго сорта, но только после самих эйнеров. У вас есть некоторая степень свободы. А менсо, как плохо совместимых, медленно выдавливают из всех сфер жизни. У нас забирают эту планету и отдают ее вам, но только при условии, что вы будете покорны эйнерам. И многие акци уже приняли такой расклад. В общем, сама понимаешь, что сейчас творится. Думаю, скоро нас заставят носить какие-нибудь знаки отличия.

В душе у меня бушуют противоречивые чувства: ненависть к эйнерам отступает на второй план перед разочарованием собственным народом. Как такое может быть? Ведь мы тоже свободолюбивая раса! Так почему смирились?!

— Уничтожить один только хаб — неправильная стратегия, — спокойно продолжает рассуждать Северский, — Мы еще не знаем, что случится, если устранить главного на Саленосе бионика, но я чувствую, что именно это правильный путь. Ну и хаб, конечно, тоже того...

Он задумывается на несколько минут, потом поворачивается ко мне, поднимает указательный палец.

— И мы должны не просто устранить альфа-бионика. Нам надо его захватить!

Флайер вываливается из общего потока, начинается снижение. Мы идем прямо на одну из башен, на уровне пятидесятого или шестидесятого этажа. Когда до здания остается совсем немного и я невольно сжимаю руками подлокотники кресла, замечаю, что одно из больших окон исчезает, открывая доступ внутрь. Машина снижает скорость, плавно ныряет в гаражное помещение. Открываются дверцы.

— Думаю, для подготовки нам понадобится несколько месяцев. На это время здесь будет ваша... — Северский с сомнением глядит на Хэлга, — ваша с ним резиденция. В катакомбах безопаснее, но для дела придется постоянно находиться в центре. И потом — в безопасности именно этого здания можно не сомневаться, наши люди держат его под постоянным контролем, чужих здесь не бывает.

Дверь из воздушного гаража ведет прямо в квартиру. Северский оставляет водителя с машиной, сам провожает нас в апартаменты.

— Две комнаты, кухня... Есть запас еды на несколько дней. Отдохните, а завтра я прилечу и тогда все обсудим.

Он провожает взглядом Хэлга, который уже осматривает комнаты. Подходит ко мне.

— Я знаю, еще рано, но, если, как ты говоришь, эти видения чаще случаются ночью, то, может, попробуешь... Прочувствовать, что ли. Вдруг да... Кхм. Ну ладно, мне пора.

Мы с Хэлгом стоим у окна, целиком заменяющего одну из стен, наблюдаем за отлетающим флайером. Вращающийся столб голограммы, то появляющийся, то исчезающий между нашей и соседней башней, отбрасывает на лица разноцветные блики.

— Здесь все другое. Такое огромное, яркое... Правда?

— Угу, — он покачивается с пяток на носки, засунув руки в карманы, — Непредусмотрительно с их стороны оставлять всю еду двум изголодавшимся. Распечатаем холодильник?

— Хочешь загнуться?

Толкаю его на диван.

— Вер, ты чего?

— Молчи.

Я ничего не чувствую к этому человеку, разве что благодарность за поддержку. Но мне нужно отвлечься, забыться. И я не знаю — что будет с нами завтра?

В голове все еще слова Северского — «может попробуешь». Да пошел ты!

Обнимаю Хэлга, прижимаюсь теснее.

— Я не думаю, что... — он пытается отстраниться, но чувствую — уже сам завелся, — Ты и я... Мы не настолько... Ох, мать...

— М-м-м...

— Да!

Глава 19. У НАС ЧТО-НИБУДЬ ПОЛУЧИТСЯ?

Мне не нужны видения, я хочу лишь покоя. Но видения приходят сами, являются мне пульсирующим образом огромного города, расстилающегося у подножия башни... В одной из ее квартир мы наконец засыпаем, устав от долгой, сладкой борьбы друг с другом... И тогда город вползает в мое сознание переплетением энергетических линий, каналов связи... Не могу ухватиться ни за один из них — каналов слишком много, информационные потоки накладываются друг на друга, мешают, перегружают разум.

— А?! — я вздрагиваю, открываю глаза, приподнимаясь на левой руке.

Одеяло сползло на пол. Хэлг лежит рядом, смотрит на меня. Наверное, он занавесил ночью окно, стараясь хоть как-то отгородиться от железобетонно-стеклянного мира, шумящего снаружи. Но это не помешало миру забраться в мой мозг.

— Кто такой Андрей? Я слышал имя, ты несколько раз называла его, когда разговаривала с Северским, — Хэлг нежно гладит рукой мое бедро.

Нахмурившись, я вскакиваю с постели, одеваюсь. Мне немного стыдно за то, что случилось ночью, за свою сиюминутную слабость.

— Я работала с Андреем.

— Работала?

— Да, мы искали хоть какую-то информацию об уязвимости эйнеров.

— То есть ты, человек, работала на менсо?

Передергиваю плечами — мне почему-то неприятен этот разговор.

— Все получилось случайно, меня никто не вербовал. И, слушай, давай не будем об этом.

— Как скажешь, Вер. Просто я никогда еще не был втянут в чертовы шпионские игры!

Он тоже вскакивает с кровати, потягивается. Я разглядываю его обнаженное тело: Хэлг, конечно, не ровня атлетичному Андрею. Он среднего роста, чуть выше меня, и живот у него не такой плоский, как хотелось бы. Но телосложение крепкое.

— Посмотрю, что можно приготовить на завтрак, — я оставляю его в спальне одного, отправляюсь на кухню.

Мы молча пережевываем яичницу, заедая ее хрустящими тостами. И, хотя у меня давно не было такого завтрака, вкус еды ускользает, теряется на фоне переживаний, воспоминаний, мыслей о том, что нам еще предстоит. К тому же я невольно стала презирать поглощение еды ради наслаждения вкусом.

Лишь кофе спасает ситуацию. Вот о чем я действительно мечтала! Крепкий, терпкий. Без сахара и молока. Только горький кофе!

— Как думаешь, насколько вероятна такая случайность — сбежать с корабля эйнеров и тут же попасть к повстанцам?

Хэлг промокает губы салфеткой, смотрит на меня, едва заметно улыбаясь.

— Ты какая-то подозрительная, Вера. Но если тебя это так волнует... Думаю, вполне логично со стороны менсо основать базу именно в этом месте. Они знают, где садятся корабли с живым товаром, знают, что время от времени кто-то из пассажиров совершает побег. Очень удобно перехватывать беглецов!

Я смакую кофе, задумчиво глядя в окно.

— Да... Да, наверное, ты прав.

Из плотного трафика воздушной магистрали, проходящей от нас менее, чем в километре, отделяется точка. Она увеличивается в размерах, теряя высоту, замедляясь.

— А вот и Северский. Хорошо хоть поесть успели, — я начинаю собирать тарелки со стола, но Хэлг меня останавливает.

— Иди. Я тут сам... Им нужна ты, а не мы оба.

С благодарностью коснувшись его плеча я направляюсь к двери, ведущей в воздушный гараж. Монитор, подключенный к камере внешнего наблюдения, показывает, как флайер аккуратно ныряет в искусственную пещеру. За ним закрываются стеклянные ворота, дверцы машины распахиваются. С Северским еще двое, но они остаются в гараже, в квартиру он заходит один.

— Доброе утро! Получилось выспаться?

На мой невнятный ответ он не обращает внимания — разглядывает каркас за спиной, проступающий под большой футболкой.

— Это мы сегодня снимем. Зайдем к нашему врачу, он тебя и осмотрит заодно. А потом заглянем к одному хорошему специалисту. Надеюсь, он поможет нам подключиться к эйнерской сети. Ночью, кстати, ничего не было?

— Если вы о видениях, то ничего серьезного. Так, сумбур.

— Жаль, жаль... Ладно, одевайся, — он щелкает пальцами, показывая в сторону кухни, где шумит кран.

— Хэлг, — подсказываю я.

— Ага. Хэлг с нами? Собственно, он нам не нужен, может остаться.

— Хэлг с нами, — с нажимом заявляю я и Северский лишь примирительно поднимает руки.

Вопреки ожиданиям, мы не садимся во флайер, а выходим во внутренний коридор, который, повторяя окружность внешних стен башни, нанизывает на себя несколько залов.

Полированный металл, из которого сделаны двери лифта, расходится в стороны. Мы едем вверх. Семидесятый этаж, восьмидесятый... На сто двадцать третьем останавливаемся, выходим. У дверей с большими цифрами «3024» Северский замирает, достает из кармана коммуникатор.

— Мы пришли.

Ждем несколько секунд, пока створка не отъезжает в сторону. На пороге молодой, подтянутый мужчина. На носу у него очки. Одет в деловой костюм, из-за которого он совсем не похож на врача, скорее на офисного работника.

— Проходите.

Даже не могу себе представить — насколько большая у него квартира! Она намного больше нашей, из прихожей налево и направо тянутся коридоры, в которых видны ряды дверей. Не удивлюсь, если это тайный госпиталь.

— Сюда.

Мы заходим в светлую комнату с белоснежной кушеткой в центре, окно включено в матовом режиме.

— Раздевайтесь.

Я оглядываюсь на Хэлга, Северского, его охранника.

— Черт, может вы все-таки выйдете?

Спohватившись, они покидают комнату, прикрывая за собой дверную створку из такого же матового стекла. Врач улыбается, накидывает на себя халат, натягивает перчатки.

— Не обращайтесь внимания. Они, — кивает на дверь, — ребята не церемонные.

Заставляет лечь на живот, что вызывает у меня неприятные воспоминания о подвале на Расцветной.

— Так, давайте посмотрим... Хм... Что ж, отличная работа! Ваш хирург знал свое дело. Швы затянулись, можно смело снимать. Может, будет немного неприятно, но я постараюсь все сделать быстро.

Пара щелчков, рывок...

— Ох! — вцепляюсь руками в края кушетки, но, похоже, все уже сделано.

— Старайтесь воздерживаться два-три дня от нагрузок, — он чем-то смазывает мою спину, — Шрамы, к сожалению, останутся. Вставляйте, можно одеваться!

— Сейчас...

Медленно переворачиваюсь на спину. Я больше трех лет не могла этого сделать! Теперь все кончено. И дьявол с ними, со шрамами! Сегодня я снова чувствую себя так, как должен чувствовать свободный человек. Символ эйнерского вторжения, гнетущий многих людей на захваченных мирах, выдеран из моего тела с корнем!

Когда уже застегиваю одежду, мужчина заглядывает мне в глаза — так, как это делают только врачи. Приподнимает мою голову за подбородок, поворачивает ее в одну сторону, другую.

— Больше ничего не беспокоит?

— Было один раз неприятное ощущение... Хотя меня предупреждали.

— Ощущение потери?

— Да, что-то вроде.

— Это не пройдет, — спокойно говорит врач, — Если только не поставить энергоблок на место.

Я бросаю на него неприязненный взгляд и он торопится смягчить ситуацию:

— Шучу. Про энергоблок — шутка. А ощущение потери и правда не пройдет. Кажется, это как-то связано с нервной системой, мы еще толком не разобрались.

Теперь не нужна одежда с вырезами, не нужны балахонистые футболки. И, хотя я все еще в просторной куртке, рассчитанной на каркас, это уже не имеет значения!

Спускаемся на лифте вниз.

— Что за специалист? — спрашиваю я Северского, не поворачивая головы.

— Наш лучший киберпсихолог. Он немного странный, но ты не обращай внимания.

— Долго до него добираться?

— Нет. Он тоже живет в башне.

Лифт проскакивает шестидесятый, сороковой, но все еще продолжает падать вниз, перебирая номера этажей со скоростью секундомера. Наконец замедляется, зависает на долю секунды и, вздрогнув, останавливается. Первый.

«Действительно, странный спец, живет на первом этаже небоскреба, где и жилых помещений-то быть не должно». Но все встает на свои места, как только мы заходим в его апартаменты. Северский открывает дверь собственной карточкой, не предупреждая по коммуникатору, не нажимая на звонок.

Из глубины квартиры — совсем небольшой и обставленной со вкусом бывалого антиквара — доносятся шаркающие шаги. В прихожей появляется старик, опирающийся на трость. Такому и впрямь сложно жить выше первого уровня. Его старомодный костюм диссонирует с изящным, ультрасовременным устройством, объединяющим в себе линзы дополненной реальности и нейростимулятор.

— Здравствуй, Семен Аркадьевич, — Северский обнимает старика, нежно, по-родственному.

— Она? — старик пристально смотрит на меня слезящимися глазами, линзы бликуют в свете люстры, — Чего вчера не привел?

— Вчера! — усмехается Северский, — Какой ты скорый. В этом деле нельзя торопиться.

— Вчера мне нужен был крепкий сон, — тихо добавляю я им вслед, недовольная таким обсуждением, — И кое-что еще, чтобы отвлечься...

Проходим в гостиную. Все, кроме меня и Семена Аркадьевича, садятся на кожаный диван.

— Ты сюда, — старик показывает мне на кресло рядом с тихо шелестящей серверной стойкой. Сам ставит напротив табурет, с кряхтением опускается на него, откинув трость.

— Клади голову на эту штуку.

— А вы, собственно, чего делать-то собираетесь?

— Смешной какой у тебя акцент, — Семен Аркадьевич тянется ко мне сухонькой ладонью, касается щеки, — Расслабься.

Не понимающий ни слова, но чувствующий мое беспокойство Хэлг пересаживается на самый край дивана, готовый вскочить в любую секунду. Северский останавливает его, взяв за руку.

— Он знает, что делает, — говорит на нашем.

Я откидываюсь в кресле, прижимая затылок к подголовнику, закрывая глаза.

— Ну, допустим расслабилась. Дальше что?

Старик щёлкает переключателем и мне кажется, что я проваливаюсь, а сверху вдруг обрушивается вся Вселенная! Но... Нет. Конечно нет. Это не вселенная, а тот же город, с его энергетическими линиями и каналами связи, но на этот раз они просматриваются настолько четко, не путаясь между собой, позволяя коснуться любого, почувствовать его, услышать, что у меня перехватывает дыхание.

— Видишь?

Старческий голос приходит откуда-то издалека.

— Да, — шепчу я восторженно.

Тянусь к одному каналу, начинаю повторять вслух то, что вытягиваю из него и надеюсь, что кто-нибудь догадался включить камеру или они хотя бы успевают за мной записывать. Потом к другому, третьему...

Голос Северского слышится ближе — видимо, он подошел к моему креслу:

— Попробуй оторваться от них, взглянуть на общую картину. Связь должна сходиться в одном месте!

Я стараюсь сделать то, что он говорит, но получается не сразу.

— Четыре... Семь... Одиннадцать...

— Что ты считаешь?

— Пятнадцать. Я вижу пятнадцать хабов.

Невозможно оторваться, я продолжаю хвататься за ниточки, распутывать их... Почти неподвижно сижу в кресле, хотя прошло уже не меньше трех часов. Семен Аркадьевич и Северский требуют узнать что-то еще, перебивают друг друга, и я не выдерживаю, вскакиваю, усилием воли заставляя себя распахнуть глаза, оттолкнуться от кресла. Спотыкаюсь о ковер, но меня успевает подхватить Хэлг.

— Вер, все хорошо? — он смотрит на меня встревоженно.

— С меня хватит. Мне нужно... в туалет.

— Это вторая дверь налево, — услужливо подсказывает старик.

Когда выхожу из комнаты, слышу, как он говорит Северскому:

— Ни разу в жизни не видел такую совместимость! Ни разу в жизни...

Когда я возвращаюсь, спец рисует что-то на листе бумаги, то и дело поднимая голову, вопросительно глядя на Северского, охранника, и даже на Хэлга, который все равно не знает языка менсо.

— Понятно? Вот это хаб, — он изображает на бумаге прямоугольник, — Ну, или как выяснила наша девчуля — Склеп. По сути та же серверная, в которой находятся виртуальные образы индивидуумов.

— Андрей разбирал эйнера, — перебиваю я его, — В каждом из них уже есть образ чьего-то сознания.

Старик мотает головой.

— Нет. Андрей отчасти прав, но это не автономная копия. Виртуальная машина в каждом склепнике лишь разворачивает образ, который транслируется из хаба.

Семен Аркадьевич рисует точки вокруг прямоугольника и стрелки, ведущие от него к этим точкам.

— Слушай, будь добр, свари кофейку! — обращается он к охраннику, и тот, с молчаливого согласия Северского, уходит на кухню.

— А это, — продолжает старик и рисует несколько кружков, — бионики. Их, я так понимаю, никто не вскрывал, поэтому мы не можем с уверенностью сказать — виртуальные образы там, или какая-нибудь разумная овсяная каша. Одно несомненно: уничтожая бионика ты безвозвратно уничтожаешь один индивид. Кстати, интересно! Почему ее мозг, — он тыкает в меня пальцем, — интерпретировал неизвестные нам слова эйнеров именно так — склепники и бионики? Бионики, значит живые. Да? А склепники? Тут не просто «неживые», тут именно замурованные в склепе! И имеется в виду не просто серверная. Что-то загнало их туда, заставило копирнуться с живых на виртуальных. Какая-то непонятная нам напасть... М-да!

Теперь он рисует большой круг.

— А вот альфа-бионик!

— Я устала.

Северский поворачивается ко мне, смотрит с сочувствием.

— Мы с Аркадьичем еще поработаем, пожалуй. Сами найдете квартиру? Шестьдесят второй этаж, номер четырнадцать восемьдесят. Откроется отпечатком твоего пальца.

— Найдем.

Я не желаю оставаться с ними больше ни секунды! Разворачиваюсь и ухожу, зная, что Хэлг последует за мной. У вереницы скоростных лифтов останавливаюсь, но, когда пилот нажимает кнопку вызова, быстрым шагом направляюсь через пустое фойе к массивной двери-пропеллеру.

— Вера, ты куда? Вероника!

Толкаю дверь и она, медленно повернувшись, выпускает меня на улицу.

Шум, ветер, приносящий букет разных запахов, огни, которые не бледнеют даже днем... Вдыхаю полную грудь воздуха, поднимая голову вверх, к небу, зажтому верхушками башен.

— Вер, мы не должны выходить. Давай вернемся, — Хэлг тянет меня обратно, но я вырываюсь, иду вдоль проспекта быстрым шагом, почти бегом.

— Дурная девчонка... Ну хорошо, пошли гулять!

Ко мне пристраивается голограмма смазливового молодца, который на ходу начинает декламировать:

— Самые надежные импланты, которые несомненно порадуют вашего хозяина...

Хэлг проходит прямо сквозь парня-рекламу, пытается заглянуть мне в лицо.

— Я все понимаю — ты устала, день тяжелый... Но нельзя же так...

— Гарантия на всю продукцию — десять саленосских лет...

— В башне нас охраняют, а здесь может случиться все, что угодно...

— И даже очень пикантные ощущения, которые не способны передать устройства конкурентов!

Я отмахиваюсь от голограммы, перебегаю на другую сторону проспекта. Высоко над головой вспыхивает синим стена небоскреба, по которой бежит надпись: «небольшой дождь через три... две... одну...» Сверху начинает накрапывать.

— Стой! — говорю сама себе и замираю. Поворачиваюсь к Хэлгу, — На каком языке он говорил?

— Кто?

— Этот придурок полупрозрачный.

— Который с пикантными ощущениями?

— Значит, ты понимал его? Он говорил на нашем. А надпись, там, на здании — она ведь тоже на нашем.

Со мной сталкивается человек, отскакивает в сторону, тихо извиняясь на языке менсо. Тут же, словно из-под земли, возникают двое в черном.

— Ничего, мы им займемся.

— Не нужно, не трогайте его.

Но уже поздно — прижали несчастного к стене, сканируют сетчатку глаза, устанавливая личность. Что будет с этим менсо? Лишь за то, что он на своей же планете, в своем городе нечаянно толкнул одного из акции? Выпишут штраф? Посадят?

— Идем отсюда, — Хэлг оттаскивает меня в сторону, — Мы ему не поможем.

— Но это неправильно! За что?!

— За то, что он не такой. Неужели не понятно?

— Ублюдки...

Я оглядываюсь по сторонам, будто этот мир только что открыл мне свое истинное лицо. Но злость быстро уступает место любопытству и недоумению. Неужели нет ни одного человека с горбом? Есть, таких подавляющее большинство. Просто на Саленосе используют другую модель энергоблока — более изящную, миниатюрную. «С таким и я бы могла ходить, он словно игрушечный!» И тут же одергиваю себя — как можно так думать! Горба уже нет, но он действительно не отпускает меня, продолжает менять мои мысли, сознание.

— Пошли обратно, а то ты промокнешь.

Промокнем мы оба, но Хэлг думает в первую очередь обо мне. Хочется сказать ему спасибо, а я лишь беру его за руку, молча соглашаясь вернуться к башне, от которой не успели уйти далеко. Дождь усиливается и в квартиру мы действительно поднимаемся в сырой одежде.

Я смотрю в окно, закутавшись в одеяло, с кружкой горячего чая в руке.

— Думаешь, у нас что-нибудь получится?

— Не знаю, — Хэлг в двух шагах позади, растирается большим полотенцем, — Менсо все делают основательно, просчитывают каждый шаг. Не то, что мы на Расцветающей.

— Да, но что случится, если они выловят альфа-бионика? Северский не говорит это вслух, но я понимаю, чего он хочет. Перехватить управление.

— Ну и черт с ним, пусть перехватывает. Пусть через альфу получит власть над саленосскими эйнерами! Меня это ничуть не беспокоит.

— А меня беспокоит, — я поворачиваюсь к пилоту, — Тогда знаешь, что будет? Менсо захотят вернуть себе планету. Между ними и акции начнется бойня!

Но Хэлг не смотрит на меня, он даже не слушает то, о чем я говорю. Взгляд его устремлен куда-то на улицу, глаза расширились. Я снова поворачиваюсь к окну. Голограмма, то исчезающая, то снова возникающая между нашей и соседней башней, демонстрирует лицо. Мое лицо. Бегущая строка кричит: «Разыскивается! Доставлена два дня назад с планеты Расцветающая!»

Глава 20. МЕНЯ ЗОВУТ ВЕРОНИКА

Дождь переходит в ливень. Стеклопанная стена, разделяющая комнату и прохладный, неоновый мир, покрывается извилистыми дорожками от капель. Мы все еще видим голограмму с требованием немедленно сообщить любому хозяину, если вдруг кто-то увидит меня на улицах города.

— Что теперь? — Хэлг подходит ближе, но не решается обнять меня или даже взять за руку. Правильно делает. Тому, что между нами случилось, не будет продолжения. Впрочем, он понятливый, на рожон не лезет.

— Теперь прилетит Северский, станет ругать меня за то, что выходила на улицу. А потом... Не знаю. Может, вывезут нас куда-нибудь подальше или просто сократят время подготовки. Или то и другое вместе.

Поток воздушной трассы редет: в непогоду не всем нравится летать. Когда две машины покидают магистраль, мы сразу замечаем их. Одна направляется в нашу сторону, другая облетает голограмму. Не знаю — совпадение ли это, но мое лицо в ту же секунду исчезает, вместо него появляется скуластый молодой человек, сверкающий белозубой улыбкой. Бегущая строка рассказывает нам, где можно сделать себе такие же ровные и белые зубы, да еще и дополнить их вкусовыми имплантами, легко подключающимися к эйнерам.

— Мне нужно одеться. Да и тебе тоже, — я скидываю с плеч одеяло, иду в свою комнату, где кто-то заботливый оставил в шкафу несколько комплектов чистого белья.

Когда Северский распахивает дверь и заходит в квартиру, я уже одета. Он не церемонясь влетает в мою комнату, садится в кресло. На нем длинный кожаный плащ, с которого стекают дождевые капли, и кажется, будто прохладный воздух, пахнущий влагой, тоже влетел в комнату вместе с ним.

— У нас проблемы.

— Видела.

— Ты выходила на улицу?

— Да, выходила.

Он порывисто встает с кресла, подходит ко мне. В какой-то миг мне кажется, что сейчас ударит, но на пороге вовремя появляется Хэлг и Северский снова садится в кресло.

— Это плохо. Это очень плохо! Ты не должна была выходить.

— Не думаю, что меня объявили в розыск только потому, что заметили на улицах Саленоса. Скорее всего стали раскапывать на Расцветающей, потянули за ниточку, выяснили, что здесь был побег с одного из транспортников.

Северский прикусывает губу — он вынужден согласиться. Но его недовольство не исчезает.

— Рядом с башней тебя могли зафиксировать камеры наблюдения и тогда эйнеры ограничат район поисков. Мы не сможем их остановить.

— Вы же говорили, что контролируете башню.

— Мы не сможем их остановить, черт побери! — он срывается на крик, но почти сразу успокаивается, — Всех эйнеров остановить не сможем. Если только...

— Если только не начать сейчас? Немедленно?

Он смотрит на меня удивленно и одновременно с уважением.

— Да, начать немедленно. Другого выхода нет. Ты нашла пятнадцать хабов, девять из них слишком далеко, они раскиданы по разным материкам планеты, а значит контролируют эйнеров, которым сюда не добраться. Оставшиеся шесть мы можем уничтожить прямо сейчас. Тогда нам будут угрожать только бионики, а они сами бояться смерти.

— Бионики и акции, — замечаю я.

— Да, могут быть отряды штурмовиков, собранных из акции. Но их мы удержим. Главное добраться до альфы!

Сквозь мутную пелену дождя, стеной льющегося за окном, мелькают вспышки молнии и через несколько секунд до нас долетают глухие раскаты грома. Северский выжидающе смотрит на меня.

— Он нужен нам, Вероника. Ты знаешь, где его искать?

— Я не уверена.

Северский достает коммуникатор, набирает какое-то сообщение и, прежде чем отправить его, еще раз бросает на меня взгляд.

— Теперь, — тыкает пальцем в экран, — отступать поздно.

Мы не слышим грохота взрывов — город большой, за окном шумит гроза, но я знаю, что в эту секунду взлетают на воздух шесть эйнерских склепов. Не вымолвив ни слова, направляюсь к выходу в коридор, потом к лифтам. «Пусть будет по-вашему!» Мы спускаемся на первый этаж, идем к старику, в его маленькую, отдающую нафталином квартирку. Семен Аркадьевич понимает все с первого взгляда, поправляет подголовник, чтобы мне было удобнее сидеть. Включает сервер.

Снова яркие линии, переплетение информационных каналов... Я знаю, где искать. Могла бы обнаружить и в прошлый раз, но тогда я не была уверена, что это правильный выход. И сейчас не уверена... Просто выбора нет.

Я не тороплюсь: отслеживаю сначала один поток, потом другой, третий. Перепроверяю. Чувствую, как страх и ненависть заполняют информационное пространство — эйнеры обмениваются данными о взрывах, уничтоженных склепах, принимают ответные меры. Неважно, это сейчас не главное. Вот что главное! Множество линий сходятся в одном месте и по этим каналам приказы разлетаются в разные стороны.

— Он здесь!

Северский подскакивает в два шага, присаживается рядом со мной на корточках.

— Где — здесь?

— В башне.

Я называю этаж, номер апартаментов. Северский удивленно вскидывает брови, проводит рукой по гладко выбритому подбородку.

— Кто бы мог подумать... Игра становится все интереснее!

— Игра?! — я отрываюсь от кресла, вскакиваю на ноги, — Это не развлечение, Северский! В этом нет никакой романтики! Нет никакой доблести, нет этих ваших тупорылых подвигов! Война — это кровь, смерть и страдания! Даже я, вчерашняя школьница, смогла понять это! И мне потребовалось не три года оккупации, нет! Я поняла это за один день. За тот долгий, страшный день, когда эйнеры убили всю мою семью, а меня сделали рабыней! Когда вы или такие, как вы, бездарно проиграли очередное сражение на орбите Расцветающей, заигравшись в тактические расчеты, которые враг видел на десять шагов вперед. Я тебе вот что скажу, Северский: не надо просчитывать каждый шаг. Не надо! Тогда и они не смогут догадаться о том, что вы собираетесь делать!

Еще мгновение продолжаю сверлить его взглядом, потом выбегаю из комнаты, словно ошпаренная. У выхода из квартиры дорогу преграждает один из охранников.

— Пропусти ее. Пусть уходит, — доносится из-за спины хриплый голос.

— Разве она не нужна нам? — спрашивает охранник, нерешительно сдвигаясь в сторону.

— Нужна. Но мы как-нибудь справимся. Теперь — справимся.

В сопровождении не отстающего ни на шаг Хэлга я бегу к двери-пропеллеру, толкаю ее обеими руками, заставляя вращаться. На улице, прямо у входа в здание, лежит игрушечный лисенок с потухшими глазами. На него смотрит растерянный носитель.

— Мне нужно оружие, — говорю я пилоту, отпихивая ногой отключившегося эйлера.

Лицо обдает жаром от горящего неподалеку флайера — видимо, он рухнул, потеряв управление. Гроза стихает, искры от огня кружатся, взлетают вверх, навстречу редким каплям дождя.

— Идем!

Чем дальше мы отходим от башни, тем больше хаоса и разрушений видно на улицах. Все изменилось в одночасье. Воздушные магистрали потеряли стройность, стали рассыпаться, летающие машины стремятся совершить экстренную посадку или медленно уходят в разных направлениях на малой высоте. Слышны крики, а вскоре и звуки выстрелов. Это напоминает мне Расцветающую, но я понимаю, что здесь будет иначе. Слишком много эйнеров, много менсо, много акци. Ненависть зашкаливает и непонятно, кто за кого, кто кому верен, а кто просто сам за себя.

Скоро мы находим вооруженных носителей, таких же удивленных всем происходящим, как и тот, встретившийся нам у входа в башню. Отобрать у них автомат и пистолет не составляет никакого труда: удивительно, какими беспомощными могут стать люди, если им перестают отдавать приказы.

— Нам нужно в космопорт, Хэлг.

— Согласен, — отвечает он, — И я буду молиться, чтобы там нашелся хоть один корабль, с которым смогу управиться!

Но, словно в назидание, мы видим, как взлетает корабль и его тут же сбивает ракета, перечеркнув небосвод яркой звездой. «Ничего, мы что-нибудь придумаем! Я на Саленосе не останусь!»

Вокруг стычки, звон разбитых витрин, занимающиеся огнем дома... Люди кидаются на людей, с оружием или с голыми руками, не разбираясь или ориентируясь только на чужой язык.

Бах!

Среди пожара, черного дыма, в мешанине всех звуков бунта, раздаются одиночные хлопки пистолетных выстрелов.

Бах! Бах!

Сначала на них не обращают внимания, потом кто-то замирает, отвлекшись от грабежей или схватки с себе подобным, оборачивается...

Бах! Бах! Бах!

Я иду по центру проспекта и чувствую, как взгляды на меня устремлены уже со всех сторон. Не обращая внимания на сцепившихся акци и менсо, я добиваю валяющихся на асфальте эйнеров.

Бах! Бах!

Один шевелится. Бионик! Пытается ползти в игрушечной шкуре, но она мешает ему. Тогда он сбрасывает ее и, цокая по плитке тротуара металлическими ножками, ковыляет к темной подворотне. Ненадолго скрывается между домами — мы с Хэлгом настигаем его и я стреляю на шаг впереди твари, заставляя остановиться. Он поворачивается к нам.

Знакомый страх в темных глазах-камерах. Может, только я одна его и вижу, чувствую сердцем и разумом, для остальных это лишь бездушные объективы.

Бах!

Через час выходим к окраинам космопорта. Мы видели уже несколько кораблей, которые пытались взлететь, и двум это удалось. Хэлг предполагает, что это могли быть сами эйнеры, спасающиеся бегством. Так или иначе, нам пора убираться с планеты.

Ту часть космической гавани, где садятся и взлетают эйнерские корабли, узнать легко: там суета, оживление, сверкают проблесковые маячки на транспортных платформах. Нам же интереснее противоположная часть, до которой, к сожалению, еще не меньше километра. С первого взгляда она похожа на кладбище кораблей менсо и акци, но это не просто брошенные, уже ни на что не годные машины. Среди них тоже заметно движение: люди, как и мы с Хэлгом, пытаются воспользоваться ситуацией, покинуть мир, захваченный эйнерами, погружающийся в хаос междоусобиц.

— Нужен корабль класса С, — подсказывает пилот. Мне это ни о чем не говорит, я целиком полагаюсь на опыт Хэлга, — У этого класса реактор никогда не глушится, лишь переводится в дежурный режим.

Мы бежим вдоль границы взлетно-посадочной площадки, стараясь не снижать темп. На ходу я пытаюсь понять — где садился транспортник, на котором нас привезли? Но не вижу этого места или не могу распознать его. Потом вдруг понимаю, что тогда между нами и городом пролегла степь. Значит, живой товар они разгружали еще дальше, на отдельной площадке. Даже если бы мы набрались тогда наглости и ломанулись искать корабль, который можно угнать, добежать бы не успели, это слишком далеко. На бетонке нас моментально нашли бы и расстреляли с борта флайера.

— Туда! — командует Хэлг, показывая на ряд понурых машин с выцветшими на свету местного солнца корпусами.

Бежим, едва не сталкиваясь с другой группой людей: завидев оружие у нас в руках, они шарахаются в сторону — возможно, приняли нас за эйнерских прислужников.

— Стой здесь! — Хэлг подныривает под днище ближайшего корабля, нащупывает там какую-то ручку и через секунду распаивается люк.

Я собираюсь запрыгнуть внутрь, но он бесцеремонно отталкивает меня, буркнув «подожди». Мне остается лишь в нетерпении поглаживать рукоять пистолета, оглядываться по сторонам и терзать себя мыслями — все ли я сделала правильно?

— Этот не подойдет, — Хэлг выпрыгивает из машины и бежит к следующей.

Уже не пытаюсь соваться внутрь корабля, послушно жду на улице. И вот, наконец, довольный пилот выглядывает наружу, кричит мне:

— Забирайся! Летим!

Стою на месте. Оглядываюсь на город, над которым поднимаются столбы черного дыма. Я причастна к тому, что там сейчас происходит и что произойдет через час, день, через неделю.

— Ну же, Вероника! Быстрее!

Делаю робкий шаг к кораблю и снова останавливаюсь. Шепчу одними губами:

— Я не могу... Не могу...

— Что?! Не сходи с ума! Через пять минут может быть поздно!

— Я не могу, — ору во весь голос, — Мне надо вернуться, закончить начатое!

— Что еще закончить? О чем ты говоришь?! Мы сделали все, что могли!

Мотаю головой.

— Нет. Не все. Я солгала Северскому, он не найдет альфа-бионика.

— Ты... Что?! О-ох, вот же дура! Ну же ты и...

Хэлг раздосадованно бьет кулаком по обшивке корабля.

— Прости. Я должна вернуться, — делаю шаг назад.

— Стой! Садись в корабль! Мы полетим к башне на нем!

Я сомневаюсь, но он уже тащит меня за шкурку, заставляя подняться на борт судна. Внутри тесная шлюзовая, коридор, по бокам которого жилые отсеки для экипажа, наконец — рубка с двумя креслами.

— Пристегнись! Немножко потрясет...

Не с первого раза, но Хэлг реанимирует покрытый пылью пульт управления. Загораются мониторы, с тихим воем просыпается что-то внутри машины. Дав двигателю прогреться, пилот тянет ручку управления на себя. Чувствую, как мы начинаем отрываться от площадки. Один метр... Пять... Десять... В какой-то момент корабль проваливается вниз, но тут же выравнивается, не успев удариться о бетон. Мы двигаемся вперед, набирая высоту.

— Сильно подниматься не буду, чтобы не стать мишенью.

— А ты знаешь, как найти башню? — пугаюсь я собственной мысли.

— Плохой был бы из меня пилот, если бы я не мог вернуться к месту старта.

Мы лавируем между небоскребами. Не рассчитанная на такие полеты машина кажется слоном в посудной лавке, но Хэлг знает свое дело — успеваем уворачиваться, когда, казалось бы, столкновение неизбежно.

— Вот она, родимая! — он направляет корабль к остроконечной башне, в которой я узнаю здание саленосских повстанцев.

Замечаю, что напротив двери-пропеллера скапливаются вооруженные люди. Угадать — кто они — невозможно.

— Сядешь с другой стороны, противоположной от главного входа?

— Если там хватит места...

Облетаем здание вокруг, снижаясь до нескольких метров. Хэлг сажает корабль аккуратно, лишь слегка толкнув крылом осветительную мачту.

— Выходим!

Не дожидаясь, пока с той стороны прибегут вооруженные люди, мы покидаем корабль и мчимся к черному ходу. Приходится выстрелить в замок, чтобы попасть внутрь.

— Лифты работают, — радостно кричит Хэлг.

— Нет-нет, сюда!

Еще один выстрел и я проникаю в квартиру Семена Аркадьевича. Пинаю дверь в комнату, выставив пистолет. Догнав меня, Хэлг выглядывает из-за плеча.

— О, черт...

Старик лежит на полу, ковер под ним пропитался кровью. Рядом дымится расстрелянный сервер.

— Это... он?

Разворачиваюсь, собираюсь уходить.

— Нет. Но я надеялась, что альфа будет здесь, с ним.

Идем обратно к лифтам. Некоторые из них все-таки отключились и нет гарантии, что не отключатся остальные. Но для того, чтобы подняться пешком, понадобится слишком много времени. И мы решаем рискнуть.

Долгий, нервный подъем, когда от каждого толчка, каждого непонятного звука бросает в дрожь. Застряв здесь, мы наверняка потеряем все шансы на побег. Но вот двери открываются и мы торопимся выйти. Выкидываю опустевший магазин, вставляю другой. Бежим мимо знакомой двери, за которой прячется подпольный госпиталь — нам не сюда, дальше. Я чувствую альфа-бионика, ощущаю его страх и множественные указания, идущие к тем, внизу. Он хочет, чтобы они отсекали периметр от любых непрошенных гостей, защитили его. Поздно! Прятаться среди врагов, быть среди них своим, знать все их планы и ничем себя не выдавать — это достойно живого ума. Но сейчас поздно звать на помощь. Потому что я уже близко... Я уже рядом...

Еще один удар ботинка по двери. Подсобка с хозяйственными роботами, которые натирают полы, вдоль стен полки, заставленные моющими химикатами. Посреди маленького помещения табурет, на котором сидит человек, скромно сложивший руки на коленях. Он встает, скромно улыбается.

— Я знал, что меня найдете именно вы, а не этот вояка, Северский. Он хотел все получить один. Контроль над нами, над всей планетой. А с вами мы всегда найдем общий язык, правда? Вы очень умная и способная девушка. Уж я-то знаю.

Он делает шаг вперед, но я останавливаю его, предупредительно подняв ствол пистолета.

— Только один вопрос, эйнер. Зачем?

Он смотрит на меня непонимающе.

— Зачем. Вы. Пришли. К нам?

Мне стоит большого труда не нажать на спусковой крючок, но я сдерживаюсь, даю эйнеру шанс ответить. Он поправляет очки, одергивает дорогой костюм, и улыбка вдруг исчезает с его лица, которое теперь искажено гримасой злости. В оболочке «человека» проявляется что-то нечеловеческое, от чего становится дурно и омерзительно.

— Зачем? — шипит он в ответ, словно змея, — Ты спрашиваешь меня — зачем?! Да затем, что я снова хочу быть живым, как когда-то — много, много лет назад! Хочу чувствовать ветер, загонять добычу и ощущать вкус ее плоти на зубах! Я хочу снова наслаждаться самкой! Такой, например, как ты...

Злоба пропадает на его лице так же внезапно, как и появилась. Это снова скромный молодой человек, будто только сейчас покинувший офис, отложивший свои бумажные дела. Уголки его рта приподнимаются, липовый врач — сама любезность.

— Много месяцев я рисковал собой, внедряясь к бунтовщикам менсо. Поверьте, даже мои собратья не знали — где я и чем занимаюсь. Только дистанционная связь, никаких прямых контактов. Абсолютная секретность! И остальные эйнеры понятия не имеют, что я выгляжу, как человек.

Он разводит руки в стороны, поворачивается вокруг, демонстрируя самого себя.

— Как вам? Мы научились! Еще нет уверенности, что остановимся именно на таких оболочках, ведь в галактике встречаются и более причудливые создания, со своими достоинствами и недостатками. Но мне нравится! Не зря собирали информацию о совместимости эйнерского сознания с организмом акци.

— Я убью тебя, — смотрю на него исподлобья, поглаживая пальцем спусковой крючок.

Он перестает улыбаться.

— Нет. Ты же хочешь знать все. Хочешь, чтобы я рассказал тебе, заполнил пустоты в мозаике, которая до сих пор не сложилась. И я расскажу тебе, что на самом деле имеет значение! То, что ты нашла меня. Мы подозревали, что среди акци есть существа, способные отслеживать нашу сеть, находить таких, как я. Или даже таких...

«Врач» не договаривает — каких эйнеров, которые были бы важнее, чем он сам, можно обнаружить, обладая способностями Вероники.

— Была информация, что где-то рядом, на одной из колоний, есть такой экземпляр акци, проявляющий активность. Мы стали вывозить вас на Саленос, одну партию за другой, тем более, что менсо надо было кем-то заменять. Рано или поздно и ты бы оказалась здесь. Мне нужно было лишь подстраховаться, отслеживать поток беженцев изнутри сопротивления, потому что многих они укрывали. Все приходится делать самому, если хочешь, чтобы это было сделано хорошо, правда? Боюсь, для рядовых эйнеров это была бы слишком сложная задача. А я справился неплохо. Как считаешь? Даже Северский ни о чем не догадывался, он полностью доверял мне. Он и сейчас, дурачок, бегаёт где-то по этажам, ищет альфа-бионика.

Эйнер позволяет себе тихо рассмеяться.

— А ты нашла меня. Пришлось, правда подтолкнуть, объявить тебя в розыск. Но ты нашла! И тем самым подтвердила, что опасность существует. Опасность, что такие как ты, сколько бы вас не оказалось среди акци, могут выслеживать ключевых эйнеров. Теперь мы знаем! И вы не станете для нас неожиданностью, мы будем готовы, предпримем все необходимые меры предосторожности!

Хэлг подходит сзади, шепчет мне на ухо:

— Верка, ты что, в кино никогда не ходила? Он просто забалтывает тебя, ждёт, когда поднимется охрана и его спасут.

Эйнер бросается на меня в ту секунду, когда я поворачиваюсь, чтобы ответить Хэлгу.

Бах! Бах!

Две пули выбивают в потолке куски бетона, оружие отлетает в сторону. Вцепившись в меня, эйнер перекачивается по полу, не давая Хэлгу выстрелить. Хватка слишком крепкая, никак не освободиться. Он сдавликает мне шею, я уже не могу втянуть в легкие воздух. Что-то проникает в мой мозг... Шепчет внутри: «оставайся с нами, мы изменим тебя, сделаем лучше, не сопротивляйся, подчинись». Руки, пытающиеся разжать хватку на шее, слабеют. Свет меркнет, зато я вижу огромную сеть, раскинувшуюся не только на Саленосе, но тянущуюся дальше, к другим мирам, не похожим ни на колонии акци, ни на менсо...

— А ну-ка иди сюда, родной.

Мощным рывком Хэлг отрывает от меня эйлера, отбрасывает его в сторону. И, прежде, чем тот успеет встать, подхватывает мой пистолет.

Бах!

Выстрел только один. Я кашляю, жадно хватая ртом воздух. Фантастическая сеть в моем сознании разом меркнет, я перестаю чувствовать эйнеров. Брезгливо отбрасываю от себя располовиненные очки — пуля попала точно в мост оправы.

— Все? — спрашиваю охрипшим голосом.

Скривившись, Хэлг приседает над телом, одетым в дорогой костюм.

— Все.

Он возвращает мне пистолет.

— В голове не органика. Оно или раньше было человеком, которому вместо мозгов имплантировали компьютер, или это искусственно выращенное тело.

Мне не хочется смотреть, но я знаю, что должна. Подползаю на четвереньках. Зажимаю рот рукой, стараясь побороть приступ тошноты.

— Я уже видела такие мозги. На Расцветающей, когда Андрей одного разобрал.

Несколькими этажами ниже раздаются автоматные очереди.

— Сдается мне, что Северский сотоварищи, блуждая по зданию в поисках этого, — пилот кивает на убитого эйлера, — наткнулся на тех, кого железка успела вызвать на подмогу. Вставай, Вера, нам пора уходить!

Он помогает мне подняться. Торопиться уже некуда, и мы спускаемся по лестнице, выбирая ту, которая подальше от выстрелов. На спуск уходит не меньше получаса. Уличный воздух хоть и наполнен гарью, но в нем будто чувствуется что-то особенное, давно забытое, отнятое когда-то и у акци, и у менсо. Горький вкус свободы.

— Что мы сделали? — спрашивает пилот, оглядываясь вокруг.

— Им придется научиться жить друг с другом. Не для Северского и не для эйлеров. Мы дали им право выбора, Хэлг. Вот что мы сделали.

Корабль взлетает, быстро набирая высоту. По нам не ведут огонь, не запускают ракеты — на поверхности теперь полно других забот. Когда поднимаемся над атмосферой, я успеваю взглянуть на планету через обзорное стекло. Под нами серо-голубой шар, сверкающий огнями гигантских городов, между которых почти нет границ.

— Куда мы летим? — озабоченно спрашивает Хэлг, — Уходить надо немедленно, пока не опомнились.

На орбите беспорядочное движение и это хорошо, маленькому кораблю легче ускользнуть.

— На Землю, — отвечаю я, подумав.

— Разве она не захвачена?

— На другую Землю, Хэлг. Землю менсо. Ты думал, что все кончено? Нет, все только начинается!

* * *

Я ненавижу металлических тварей, скрывающихся в шкуре плюшевых игрушек. Они принесли нам смерть и разрушения. Мы потеряли колонизированные миры, потеряли армию, флот. Чиновники и генералы, со всеми их бронированными бригадами и корпусами, не научились сражаться с машинами, потому что не желали понять простую вещь — нельзя играть с эйлерами в войну, пытаться обойти их в тактике и стратегии.

Но я это понимаю. И сделаю все возможное, чтобы гражданские — не важно, акци или менсо — брошенные на произвол судьбы, оставшиеся один на один с жестоким врагом, тоже поняли это, протянули друг другу руки, объединились в свой, Гражданский Корпус, и продолжили борьбу. Наша сила в непредсказуемости.

Меня зовут Вероника. Мне девятнадцать и я ненавижу игрушки.